

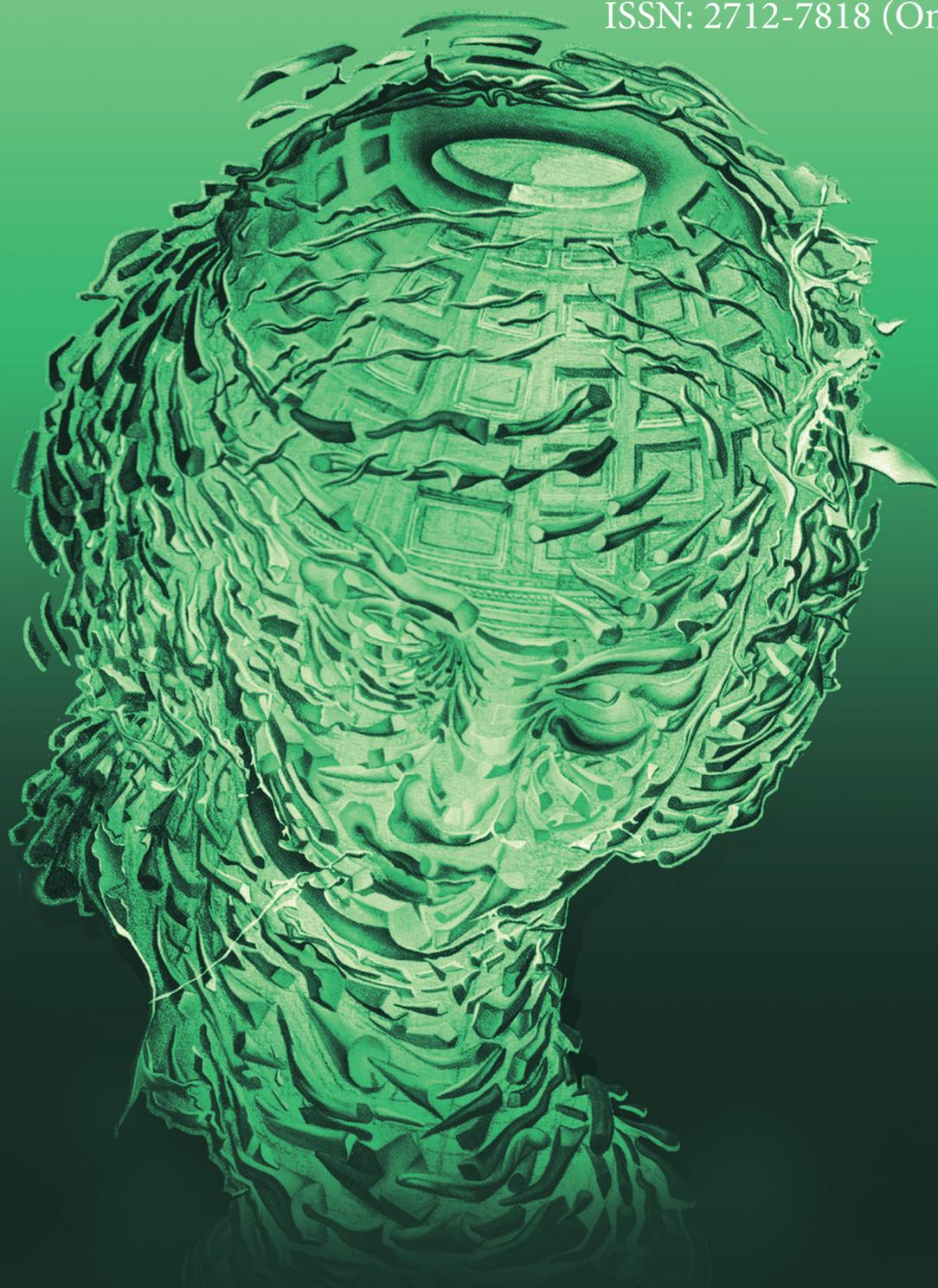
ЮРИДИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ

№ 2, 2024

ISSN: 2071-4920 (Print)

ISSN: 2712-7818 (Online)

Юридическая МЫСЛЬ

2024 2 (134)

**НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

ISSN 2071-4920

Журнал «Юридическая мысль» с 2010 г. по 2019 г. входил
в ПЕРЕЧЕНЬ ведущих рецензируемых научных журналов и изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций
на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

УДК 34
ББК 67

Учредитель и издатель

ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург) Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права

Редакционная коллегия:

М.Б. Ревнова, главный редактор, ректор ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

С.А. Комаров, заместитель главного редактора, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ;

А.В. Яковлев, ответственный секретарь редакционной коллегии, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Т.А. Комарова, проректор по науке и инновациям ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент;

Б.А. Ревнов, доцент кафедры конституционного и административного права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук;

Е.В. Серeda, профессор кафедры уголовного права и процесса ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор;

А.А. Матюхин, профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор.

Редакционно-издательский совет:

С.А. Комаров, президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, научный руководитель ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования РАЕ, председатель совета;

А.И. Бастрыкин, председатель Следственного комитета Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

В.А. Винокуров, профессор кафедры теории и истории государства и прав ФГБУ ВО «Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России», Заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.М. Воробьев, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

Ф.Х. Галиев, заведующий кафедрой теории государства и права Института права Башкирского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, член совета;

А.М. Дроздова, профессор кафедры правовой культуры и защиты прав человека Северо-Кавказского федерального университета, доктор юридических наук, профессор, член совета;

М.Е. Крук-Ярош (Maria Kruk – Jarosz), заместитель декана по вопросам докторантуры Университета Лазарского (Uczelni Łazarzkiego) в Варшаве, Республика Польша, доктор honoris causa ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Г.А. Мартъянов, доцент кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, член совета;

Е.В. Мицкая, заведующая кафедрой уголовного права, процесса и криминалистики Южно-Казахстанского государственного университета им. М. Ауэзова (Республика Казахстан), доктор юридических наук, профессор, член совета;

Н.И. Полицук, вице-президент Межрегиональной ассоциации теоретиков государства и права, профессор кафедры теории государства и права, международного и европейского права Юридического факультета Академии ФСИН России, доктор юридических наук, профессор, член совета;

А.В. Попова, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации» (Финансовый университет), доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент, член совета;

Г.С. Скачкова, профессор кафедры гражданского права и процесса Юридического института (Санкт-Петербург), доктор юридических наук, профессор, член совета;

С.П. Стёпкин, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук, доцент, член Комиссии Ассоциации юристов России, член Совета;

Сойли Нюстен-Хаарала, профессор коммерческого права, Университет Лапландии, юридический факультет (Финляндская Республика), доктор юридических наук, профессор, член Совета;

Карн Сюнберг (Kari Synberg), профессор факультета общественных и экономических наук Университета Восточной Финляндии, член правления Географического общества Финляндии, доктор honoris causa Юридического института (Санкт-Петербург), доктор географических наук, член совета;

Н.А. Фролова, профессор кафедры теории государства и права им. Г.В. Мальцева ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», доктор юридических наук, профессор, член совета.

ПОДПИСКА

в объединенном каталоге Пресса России «Подписка-2024»

Подписной индекс – 82596 (годовая подписка на 2024 г.)

Подписка в Агентстве: по тел. (499) 152-8850 и/или (495) 661-2030,
по e-mail: arpk@akdi.ru arpk@bk.ru izdatcat@eg-online.ru

в Каталоге российской прессы «ПОЧТА РОССИИ»

Подписной индекс – 24220 (первое полугодие 2024 г.)

Журнал выходит 4 раза в год

Телефон редакции: (812) 325-46-25

Адрес в Интернете: <http://lawinst-spb.ru>; <http://matgip.ru>

E-mail: lawinst-spb@mail.ru; matgip2017@yandex.ru

Founder and Publisher

Law Institute (St. Petersburg)
Interregional Association of Theorists of State and Law

Editorial team:

M.B. Revnova, chief Editor, Rector of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

S.A. Komarov, deputy Chief Editor, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE;

A.V. Yakovlev, executive Secretary of the Editorial Board, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), PhD;

T.L. Komarova, Vice-Rector for Science and Innovation of the Law Institute (St. Petersburg), PhD, associate professor;

B.A. Revnov, associate Professor of Department of constitutional and administrative law of law Institute (Saint Petersburg), PhD;

E.V. Sereda, professor of criminal law and procedure of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor;

A.A. Matyukhin, Professor of the Department of Theory and History of State and Law of the Private Educational Institution of Higher Education "Law Institute" (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor.

Editorial and publishing Council:

S.A. Komarov, President of the Interregional Association of theoreticians of the state and law, scientific director of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, honored worker of science and education of RAE, Chairman of the Council;

A.I. Bastrykin, Chairman of the Investigative Committee of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation;

V.A. Vinokurov, Professor of the Department of theory and history of state and rights of the "St. Petersburg University of Emercom of Russia", Honored lawyer of the Russian Federation, Doctor of law, Professor, member of the Council;

S.M. Vorobiev, Professor of the Department of theory of state and law, international and European law, faculty of Law, Academy of the FSIN of Russia, Doctor of law, Professor, member of the Council;

F.H. Galiev, Professor of Theory of State and Law of the Institute of Law of the Bashkir State University, Doctor of Law, associate professor, member of the Council;

A.M. Drozdova, professor of the Department of legal culture and protection of human rights of the North-Caucasus Federal University, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

M.E. Kruk-Jarosz (Maria Kruk-Jarosz), deputy dean for doctoral studies of the University of Lazarski (Uczelni Łazarskiego) in Warsaw (Poland), Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

G.A. Martianov, associate Professor of the Department of theory and history of state and law of the Law Institute (St. Petersburg), candidate of law, member of the Council;

E.V. Mitskaya, Head of the Department of Criminal Law, Criminology and process of the South Kazakhstan State University of Auezov (Kazakhstan), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

N.I. Polishchuk, vice-president of the Interregional Association of theoreticians of State and Law, Professor of Theory of State and Law, International and European Law Faculty of Law of the Academy of the Federal Penitentiary Service of Russia, Doctor of Law, Professor, member of the Council;

A.V. Popova, a professor of the Department of legal regulation of economic activity, Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Ph.D., associate professor, member of the Council;

G.S. Skachkova, Professor of the Department of Civil Law and Procedure of the Institute of Law (St. Petersburg), Doctor of Law, Professor, Member of the Council;

S.P. Stepkin, associate Professor of the Department of civil law disciplines of the Russian state social University, Candidate of law, associate Professor, member of the Commission of the Association of lawyers of Russia, member of the Council;

Soili Nystén-Haarala, Professor of Commercial Law, University of Lapland, Faculty of Law (Republic of Finland), Doctor of Law, Professor, member of the Council;

Kari Syunberg (Kari Synberg), professor of the Faculty of Social and Economic Sciences of the University of Eastern Finland, a board member of the Geographical Society of Finland, the Republic of Finland, Ph.D Geography, Doctor honoris causa of the Law Institute (St. Petersburg), Professor h.c., member of the Council;

N.A. Frolova, a professor of the Department of Theory of State and Law named by G.V. Maltsev of «Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration», Doctor of Law, Professor, member of the Council.

Информация для авторов:

Ваши материалы (объемом до 0,6–1,0 усл.-печ. л.) направляйте по адресу:

199106, Санкт-Петербург, ул. Гаванская, 3.

Юридический институт (Санкт-Петербург)

Тел. (812) 325-4625. E-mail: lawinst-spb@mail.ru

119415, г. Москва, ул. Удальцова, дом 19, корп. 1, оф. 12

МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков государства и права»

Тел. (499) 431-5806. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Каждая статья должна сопровождаться рецензией!

Просьба указывать свою должность, ученую степень, звание, фамилию, имя и отчество, почтовый адрес и телефон.

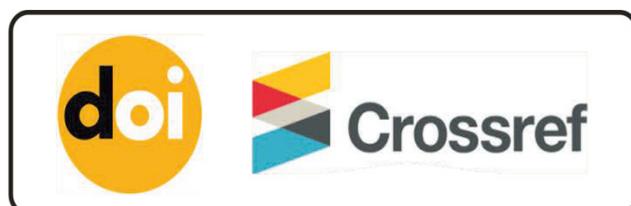
Свидетельство о регистрации ПИ № 2-4890 от 15 декабря 2000 г.
Формат 80x108/16. Подписано в печать 27.03.2024. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 12,52. Усл. п.л. 21,33. Тираж 100 экз. Заказ № ____.
Отпечатано в типографии «OneBook.ru» ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5, «Технополис».

© «Юридическая мысль», № 2 (134), 2024

На обложке – фрагмент картины

С. Дали «Рафаэлевская голова, разлетающаяся на куски» (1951)

Индексация журнала

В ЖУРНАЛЕ ПУБЛИКУЮТСЯ

МАТЕРИАЛЫ

**XI Международной научно-теоретической конференции
«Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство
в условиях информатизации и цифровизации российского общества
в интересах устойчивого развития»**

ДЕНИСОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

(Санкт-Петербург, 14–15 июня 2024 года)

THE MAGAZINE PUBLISHES

MATERIALS

**XI International Scientific and Theoretical Conference
“Man-nature, individual-society, citizen-state
in the conditions of informatization and digitalization of Russian society
in the interests of sustainable development”**

DENISOV READINGS

(Saint Petersburg, June 14–15, 2024)

Информационные партнеры

Компания
«Консультант-Плюс»

Журнал
«Миграционное
право»

Компания «Гарант»

Журнал
«Теория
государства
и права»

Журнал
«Юридическая
наука»

Журнал
«Современное
российское право»

Журнал
«Юридическая
мысль»

Журнал «Dilemas contemporaneos-educacion politica y valores» (Мексика)

Юридическая мысль

2024

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОСНОВАН В 2001 ГОДУ

2 (134)

СОДЕРЖАНИЕ

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Анненков Д.Е., Светлов Р.А.</i> Актуальность Пакта Рериха в современном мире и его влияние на дальнейшее развитие права в области охраны культурного наследия	11
<i>Германенко Д.Д.</i> Религиозные ценности как основа формирования морали и права.....	21
<i>Грубов А.А.</i> Государственный суверенитет в современную эпоху	33
<i>Дидидзе М.А.</i> Соотношение государства и права: теоретический аспект	42
<i>Каротаев А.С.</i> Сравнение светского и церковного суда	49
<i>Кизатов А.Р., Прошаков Д.А.</i> Правовая культура как основной критерий оценки состояния современного общества	57
<i>Луковкин К.Е.</i> Ассоциальный подход к пониманию общественных систем	65
<i>Тачкова А.К.</i> Понятие, признаки и роль благородного мужа в теории государства и права Кун Фу Цзы	77
<i>Чайникова А.О.</i> Цифровизация следственной деятельности: этические и правовые вызовы.....	89

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

<i>Фирсова К.В.</i> Налоговый контроль как правовое средство обеспечения экономической безопасности государства.....	97
--	----

5.1.3. – ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Тимошкин А.К.</i> Индивидуальное судебное регулирование в арбитражных судах первой инстанции	111
<i>Ретунская М.Ю.</i> Представительство в некоммерческих корпоративных юридических лицах	128

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Абазов Т.Ю., Леонтьева А.А.</i> Домашнее насилие в контексте уголовной и административной правовой политики	140
--	-----

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

<i>Абазехова З.И.</i> Норма права: лекция	149
--	-----

CONTENT

5.1.1. – THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Annenkov D.E., Svetlov R.A.</i> Relevance of the Roerich Pact in the modern world and its influence on the further development of law in the field of cultural heritage protection.....	16
<i>Germanenko D.D.</i> Religious values as the basis for the formation of morality and law	27
<i>Grubov A.A.</i> State Sovereignty in the Modern Era	37
<i>Dididze M.A.</i> The relationship between state and law: theoretical aspect	45
<i>Karotaev A.S.</i> Comparison of secular and ecclesiastical court	53
<i>Kizatov A.R., Proshakov D.A.</i> Legal culture as the main criterion for assessing the state of modern society	61

<i>Lukovkin K.E.</i> Antisocial approach to understanding social systems	71
<i>Tachkova A.K.</i> Concept, characteristics and role of a noble man in the theory of state and law of Kong Fu Tzu	83
<i>Chainikova A.O.</i> Digitalization of investigative activities: ethical and legal challenges.....	93

5.1.2. – PUBLIC LAW (STATE LAW) SCIENCES

<i>Firsova K.V.</i> Tax control as a legal means of ensuring the economic security of the state.....	104
--	-----

5.1.3. – PRIVATE LAW (CIVILISTIC) SCIENCES

<i>Timoshkin A.K.</i> Individual judicial regulation in arbitration courts of first instance	120
<i>Retunskaya M.Yu.</i> Representation in non-profit corporate legal entities	133

5.1.4. – CRIMINAL LAW SCIENCES

<i>Abazov T.Yu., Leontyeva A.A.</i> Domestic violence in the context of criminal and administrative legal policy.....	144
---	-----

TO HELP THE TEACHER

<i>Abazekhova Z.I.</i> Legal norm: lecture	161
---	-----

5.1.1. – ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.11

АКТУАЛЬНОСТЬ ПАКТА РЕРИХА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ И ЕГО ВЛИЯНИЕ НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ РАЗВИТИЕ ПРАВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Д.Е. Анненков*
Р.А. Светлов**

Аннотация. В статье рассматривается актуальность и влияние первого в мире международного договора о защите исторических памятников, объектов культуры, науки и образования, как в мирное время, так и во время вооруженных конфликтов, именуемым «Пактом Рериха». В данной статье будет рассмотрено, как указанный международный акт повлиял на развитие правовой системы в области охраны культурного наследия, какое значение он имеет в современном мире и какие действующие договоры содержат отсылки на Пакт Рериха.

Ключевые слова: культурное наследие, международный договор, Николай Рерих, влияние, актуальность, законотворчество.

Рассмотрение вопросов, обозначенных в научной статье, следует начать с небольшой исторической справки. Идея создания международного договора у Николая Рериха возникла в начале XX в., когда во время Русско-японской войны он анализировал последствия вооруженных столкновений в городах, а позже прогнозировал, что техническое усовершенствование военных средств разрушения в будущем сделает проблему сохранности мирового культурного наследия актуальной.

---

* **Анненков Даниил Евгеньевич**, студент факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета им. А.Я. Сухарева. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Научный руководитель – **Сунцова Елена Анатольевна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета им. А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции. E-mail: mailto:suntsovanelly@mail.ru

** **Светлов Родион Алексеевич**, студент факультета подготовки следователей Московской академии Следственного комитета им. А.Я. Сухарева. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Научный руководитель – **Сунцова Елена Анатольевна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета им. А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции. E-mail: mailto:suntsovanelly@mail.ru

Простая идея со временем начала переходить в практику: русский художник, археолог и писатель в 1914 году обратился к русскому правительству и правительству других стран, находящихся в состоянии войны с предложением обеспечить сохранность культурных ценностей, однако предложение осталось без ответа.

После неудачной попытки идея создания подобного международного договора ушла в консервацию, работа над ним возобновилась лишь в 1928 году, а в 1929 полный текст был выпущен на различных языках мира. Н.Рерих сопровождал проект договора обращением к правительствам и народам всего мира. Всемирное внимание к работе академика не заставило себя долго ждать, в его поддержку выступило много известных личностей, началось создание специальных комитетов в поддержку пакта. 15 апреля 1935 года 21 страна Панамериканского союза его подписывает, из них 10 стран – ратифицирует [3].

Не заканчивающиеся вооруженные конфликты в современном мире говорят нам о том, что экономические и политические механизмы государств не могут в полной мере случить гарантом сохранения человеческих достижений, что так же касается культурного наследия во всех его проявлениях, именно поэтому вопрос сохранения памятников, произведений искусства и других трудов человечества в военное время забывается и, отдавая приоритет интересам государств, на глазах стираются труды великих людей, мастеров своего дела. Стирается история из-за невозможности поспособствовать общепринятыми мерами сохранению общемирового достояния.

Пакт Рериха стал фундаментом развития права в области сохранения культурного наследия, он во многом опередил свое время и закрепил положения, которые являются актуальными и неизменными в современном мире. Прежде всего, на основе его статей были выведены основные принципы деятельности международной организации ЮНЕСКО. Если провести параллель ст. 1 Пакта Рериха о том, что «Исторические памятники, музеи, научные, художественные, образовательные и культурные учреждения считаются нейтральными и как таковые пользуются уважением и защитой воюющих сторон. Таким же уважением и защитой пользуются сотрудники вышеназванных учреждений. Такое же уважение и защита распространяются на исторические памятники, музеи, научные, художественные, образовательные и культурные учреждения как во время войны, так и в мирное время» [1] с одним из основных принципов деятельности Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (Усиление охраны и популяризации культурного наследия) [4], то можно увидеть, что ЮНЕСКО лишь немного видоизменила начало международного договора, дополнив его одним немаловажным пунктом, посвященному популяризации культурного наследия и, соответственно, актуализации вопроса о защите этого культурного наследия.

Пакт Рериха с момента подписания в 1935 году имел ряд явных недостатков и один из них – отсутствие системы санкционирования и основной замысел, заключающийся в уважении всеми странами мира культурного наследия и применение мер по его защите, который в условиях приближающейся Второй Мировой войны не мог соблюдаться из-за отсутствия опыта

в применении международного договора подобного формата. Достояние человечества в те годы не считалось объектом гражданского общества, любую территориальную единицу можно было применить в военных целях.

Важнейшей идеей стало юридическое признание того, защита культуры имеет приоритет над любой необходимостью в условиях ведения войны и лишь в послевоенное время, когда угроза начала новой катастрофы утихла, многие государства начали присоединяться к Пакту, благодаря возможности денонсирования, что закрепилось в ст. 8 Пакта Рериха, гласившей, что «Настоящий Договор может быть денонсирован в любое время любым из Государств, подписавших или присоединившихся к нему, при этом денонсация вступает в силу через три месяца после уведомления о ней других Государств, подписавших настоящий Договор или присоединившихся к нему. Вступление в силу Договора засвидетельствовали и подписали его от имени своих правительств полномочные представители Государств после полного исполнения их полномочий в соответствующей и надлежащей форме и скрепили Договор своими печатями, проставив дату против своих подписей» [1].

Страны, подписавшие международный договор, принимали согласие о совершенствовании правовой системы в области обеспечения покровительства и уважения культурных ценностей и главным инструментом защиты стало Знамя Мира. Стороны, подписавшие Пакт Николая Рериха, использовали его для обозначения памятников, музеев, образовательных и культурных учреждений, тем самым присваивая национальным и частным памятникам нейтральный в опасное время статус. Желание академика Рериха сделать акт всеобщим, принудить под потоком убедительных аргументов все страны мира ратифицировать его было обусловлено тем, что нейтралитет недвижимого наследия мог сохраняться в подобном статусе только в случае, если любого рода конфликт наступал между странами, присоединившимися к международному договору.

Все цивилизованные страны того времени были лояльны к заявлению Рериха, поэтому, не смотря на недостатки данного документа, перечисленные выше, впервые в мировой истории на всеобщем уровне начались приниматься меры для решения глобального вопроса сохранности культурного наследия в любое время, вне зависимости, военное оно или нет [5]. Выше был приведен пример влияния рассматриваемого международного договора на современные организации и объединения в области защиты культурных ценностей в случае вооруженного конфликта и важно упомянуть, что это не единственный пример влияния положений документа на политику в указанной области.

Популяризацией Пакта Рериха впервые занялись и продолжают заниматься ООН и ЮНЕСКО. Деятельность указанных объединений использует общие положения международного договора для того, чтобы более широко и применимо к существующим условиям раскрывать смысл статей, написанных Рерихом, и учитывать все тонкости и сложности, которые могут возникнуть при совершенствовании правовой системы и формировании общественных движений, агитирующих и содействующих сохранению человеческого достояния.

Результатом использования труда академика можно считать Гаагскую конвенцию 1954 года, в которой говорится, что ценности культуры не должны быть объектом враждебных действий и не должны использоваться в целях, которые своим влиянием могут нанести ущерб, но это заключение никак не конкретизирует случаи, когда объекты движимого и недвижимого культурного достояния используются в случае неизбежной военной необходимости. Гаагская конвенция попыталась решить основные проблемы Пакта Рериха, прогресс в развитии этой области права был замечен, но из-за того, что культурное право находилось на ранней стадии своего развития, не все проблемы были учтены из-за отсутствия опыта в их решении [6].

На протяжении полувека конвенции устраняли недостатки Пакта Рериха, совершенствовали развивающуюся правовую систему по охране культурных ценностей. В связи с трудами правоведов и законодателей в 1999 году был подписан Второй протокол к Гаагской конвенции 1954 года, который вступил в силу в 2004 году. В нем четко определено, что культурные ценности относятся к гражданским объектам и только в исключительных случаях, связанных с местоположением недвижимых ценностей человечества, они могут использоваться в военных целях [2].

Многие теоретики права полагают, что принцип нейтралитета учреждений культуры не самореализуем на территориях оккупированных государств, даже учитывая внесенные в изначальный текст Пакта Рериха поправки, поскольку ценности оккупированного государства постепенно замещаются ценностями государства-агрессора [7].

Очевидно, что международный договор о сохранности культурного наследия прошел через много этапов развития. На протяжении полувека законодатели учитывали разные политические события, за основу создания идеального документа, регламентирующего сохранение всеми странами человеческого достояния брали полученный исторически опыт, но при всех указанных условиях и динамично развивающихся политических настроениях стран нет возможности воплотить в жизнь документ, решающий все проблемы, связанные с охраной культурных ценностей.

Несмотря на многочисленные научные исследования, посвященные Пакту Рериха, международный договор так до конца и не был осмыслен, потому что, изучая биографию Н.Рериха, мы видим, что данный человек прославился благодаря упорной работе в различных областях творческого мира. В том числе – академик был философом и, соответственно, идея сделать актуальной для развивающихся правовых систем XX века проблему надлежащего сохранения культурных ценностей не обошлась от скрытых замыслов, которые до сих пор не разгаданы людьми. Рериху удалось не только юридически закрепить мысли, которые должны были создать новое течение в законодательстве, но и создать целые международные движения людей, придерживающихся идей академика [8, с. 103].

Таким образом, после анализа влияния Пакта Рериха на развитие права в области сохранения культурного наследия, явно видно, что последующие принятые документы сохранили замысел просветителя, международные конвенции и договоры определили культурному наследию специальный статус не только в военное время, хотя акцент сохранения создает-

ся именно для данных событий, но и в мирное, что в большинстве случаев регламентируется в законах определенного государства.

Восемь статей Пакта Рериха стали основой для формирования и постоянного динамичного развития права для поддержания достойного состояния и защиты от угроз культурного наследия вне зависимости от того, какую ценность каждое историческое достояние имеет.

За 88 лет международный договор 1935 года не только не потерял актуальность, но и продолжает оставаться фундаментом для совершенствования узкой, но важной области права в условиях постоянного политического и экономического прогресса. Недостаток Пакта Рериха в виде наиболее общего толкования норм можно считать и достоинством, потому что опыт последующих лет позволил правильно сформировать нормы, описывающие статьи Пакта более подробно, актуально для минувшего времени.

Важно учесть значимость Пакта Рериха в современной России. В условиях Специальной военной операции он приобретает особое значение, но не в полной мере реализуются правила, которые почти 90 лет назад изложил в международном договоре русский академик. Несмотря на усилия Вооруженных сил Российской Федерации защищать бесценные культурные памятники, находящиеся недалеко от фронта, современное вооружение, реализуя цели недружественных стран, разрушают всеобщее достояние человечества, обесценивают принцип незыблемости объектов, которые не используются в военных целях и являются достоянием всего общества.

Библиографический список

1. Пакт Рериха. Международный договор по охране культурных ценностей // URL: https://culture-into-life.ru/pax_culture/?ysclid=ltkamrz8di694858497 (дата обращения: 08.03.2024).
2. Второй протокол в Гаагской Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта 1954 года (Гаага, 26 марта 1999г.) // URL: <https://base.garant.ru/2564851/?ysclid=ltkbcoeaco915752668>
3. Действующее государственное-информационное агентство «РИА Новости» // URL: <https://ria.ru/20080415/105076157.html> (дата обращения: 25.07.2008).
4. Ключевые задачи для достижения Целей устойчивого развития и улучшения условий жизни людей // Специализированное учреждение Организации Объединённых Наций по вопросам образования, науки и культуры «ЮНЕСКО» // URL: <https://www.unesco.org/ru> (дата обращения: 09.03.2024).
5. Пакт Рериха. Знамя Мира / Автор-составитель Н.Д. Спирина. – Новосибирск: Издательский центр РОССАЗИЯ Сибирского Общества, 2013. – 24 с.
6. Пакт Рериха как основа новой Конвенции ООН о защите культурных ценностей / А.Капустин, П.Баренбойм, А.Захаров, Д.Кравченко. – М.: ЛУМ, 2014. – 192 с.
7. Рыбак К.Е. Нейтралитет культурных ценностей и учреждений культуры) // Пакт Рериха: истории и судьбы. – 2017. – С. 1–18.
8. Уварова Л.И. Гуманистическая миссия Пакта Рериха: образовательно-воспитательный аспект // Педагогика. – 2021. – Т. 85. – № 1. – С. 102–110.

Для цитирования: Анненков Д.Е., Светлов Р.А. Актуальность Пакта Рериха в современном мире и его влияние на дальнейшее развитие права в области охраны культурного наследия: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 11–15.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.11

**RELEVANCE OF THE ROERICH PACT
IN THE MODERN WORLD AND ITS INFLUENCE
ON THE FURTHER DEVELOPMENT OF LAW
IN THE FIELD OF CULTURAL HERITAGE PROTECTION**

Daniil E. Annenkov*
Rodion A. Svetlov**

Annotation. This article examines the relevance and impact of the world's first international treaty on the protection of historical monuments, cultural, scientific and educational sites both in peacetime and during armed conflicts, called the "Roerich Pact". This article will examine how this international act influenced the development of the legal system in the field of cultural heritage protection, what importance it has in the modern world and which existing treaties contain references to the Roerich Pact.

Keywords: cultural heritage, international treaty, Nicholas Roerich, influence, relevance, lawmaking.

The consideration of the issues outlined in the scientific article should begin with a brief historical background. The idea of creating an international treaty arose in Nicholas Roerich at the beginning of the 20th century, when during the Russo-Japanese War he analyzed the consequences of armed clashes in cities, and later predicted that the technical improvement of military means of destruction in the future would make the problem of preserving the world's cultural heritage relevant. Over time, a simple idea began to turn into practice: in 1914, the Russian artist, archaeologist and writer addressed the Russian government and the governments of other countries at war with a proposal to ensure the preservation of cultural values, but the proposal remained unanswered. After an unsuccessful attempt, the idea of creating such an international treaty was mothballed, work on it was resumed only in 1928, and in 1929 the full text was published in various languages of the world. N. Roerich accompanied the draft treaty with an appeal to the governments and peoples of the whole world. The academician's work attracted worldwide attention, many famous people spoke out in his support, and the creation of special committees in support of the pact began. On April 15, 1935, 21 countries of the Pan-American Union signed it, of which 10 countries ratified it [3].

---

* **Annenkov Daniil Evgenievich**, student of the faculty of training investigators of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Scientific supervisor – **Suntsova Elena Anatolyevna**, associate professor of the department of state and legal disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, candidate of legal sciences, associate professor, lieutenant colonel of justice. E-mail: <mailto:suntsovanelly@mail.ru>

** **Svetlov Rodion Alekseevich**, student of the faculty of training investigators of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Scientific supervisor – **Suntsova Elena Anatolyevna**, associate professor of the department of state and legal disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, candidate of legal sciences, associate professor, lieutenant colonel of justice. E-mail: <mailto:suntsovanelly@mail.ru>

The ongoing armed conflicts in the modern world tell us that the economic and political mechanisms of states cannot fully guarantee the preservation of human achievements, which also applies to cultural heritage in all its manifestations, which is why the issue of preserving monuments, works of art and other works of humanity is forgotten in wartime and, giving priority to the interests of states, the works of great people, masters of their craft, are erased before our eyes. History is erased due to the impossibility of contributing to the preservation of global heritage by generally accepted measures. The Roerich Pact became the foundation for the development of law in the field of preserving cultural heritage; it was in many ways ahead of its time and established provisions that are relevant and unchangeable in the modern world. First of all, the basic principles of the activities of the international organization UNESCO were derived from its articles. If we draw a parallel with Art. 1 of the Roerich Pact that “Historical monuments, museums, scientific, artistic, educational and cultural institutions are considered neutral and as such enjoy the respect and protection of the warring parties. The same respect and protection are enjoyed by the employees of the above-mentioned institutions. The same respect and protection shall be extended to historical monuments, museums, scientific, artistic, educational and cultural institutions both in time of war and in time of peace” [1] with one of the basic principles of the activities of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization (Strengthening the protection and popularization of cultural heritage) [4], it can be seen that UNESCO only slightly modified the beginning of the international treaty, adding to it one important point devoted to the popularization of cultural heritage and, accordingly, actualizing the issue of protecting this cultural heritage.

The Roerich Pact had a number of obvious shortcomings since its signing in 1935, one of which was the lack of a system of sanctions and the main idea, which consisted in respect by all countries of the world of cultural heritage and the application of measures to protect it, which in the conditions of the approaching Second World War could not be observed due to the lack of experience in the application of an international treaty of this format. The heritage of mankind in those years was not considered an object of civil society, any territorial unit could be used for military purposes.

The most important idea was the legal recognition of the fact that the protection of culture has priority over any need in the conditions of warfare and only in the post-war period, when the threat of a new catastrophe had subsided, many states began to join the Pact, thanks to the possibility of denunciation, which was enshrined in Art. 8 of the Roerich Pact, which stated that “This Treaty may be denounced at any time by any of the States that have signed or acceded to it, and such denunciation shall take effect three months after notification of it to the other States that have signed this Treaty or acceded to it. The entry into force of the Treaty was witnessed and signed on behalf of their governments by the plenipotentiary representatives of the States after the full exercise of their powers in the appropriate and due form and they affixed the Treaty with their seals, putting the date opposite their signatures” [1].

The countries that signed the international treaty agreed to improve the legal system in the area of ensuring patronage and respect for cultural values,

and the Banner of Peace became the main instrument of protection. The parties that signed the Nicholas Roerich Pact used it to designate monuments, museums, educational and cultural institutions, thereby assigning a neutral status to national and private monuments in times of danger. Academician Roerich's desire to make the act universal, to force all countries of the world to ratify it under a stream of convincing arguments, was due to the fact that the neutrality of immovable heritage could be preserved in such a statute only if any kind of conflict arose between countries that had joined the international treaty.

All civilized countries of that time were loyal to Roerich's statement, therefore, despite the shortcomings of this document listed above, for the first time in world history, measures began to be taken at a universal level to resolve the global issue of preserving cultural heritage at any time, regardless of whether it is military or not [5]. An example of the influence of the international treaty under consideration on modern organizations and associations in the field of protecting cultural values in the event of an armed conflict was given above, and it is important to mention that this is not the only example of the influence of the document's provisions on policy in this area.

The popularization of the Roerich Pact was first undertaken and continues to be undertaken by the UN and UNESCO. The activities of the said associations use the general provisions of the international treaty in order to more broadly and more applicable to existing conditions reveal the meaning of the articles written by Roerich, and to take into account all the subtleties and complexities that may arise in the improvement of the legal system and the formation of social movements that agitate and promote the preservation of human heritage.

The result of using the academician's work can be considered the Hague Convention of 1954, which states that cultural values should not be the object of hostile actions and should not be used for purposes that can cause damage by their influence, but this conclusion does not specify cases when objects of movable and immovable cultural heritage are used in the event of unavoidable military necessity. The Hague Convention attempted to solve the main problems of the Roerich Pact, progress in the development of this area of law was noticeable, but due to the fact that cultural law was at an early stage of its development, not all problems were taken into account due to the lack of experience in solving them [6].

For half a century, the conventions eliminated the shortcomings of the Roerich Pact, improved the developing legal system for the protection of cultural values. In connection with the works of lawyers and legislators, the Second Protocol to the Hague Convention of 1954 was signed in 1999, which entered into force in 2004. It clearly defined that cultural values are related to civilian objects and only in exceptional cases related to the location of immovable values of humanity, they can be used for military purposes [2]. Many legal theorists believe that the principle of neutrality of cultural institutions is not self-realizing in the territories of occupied states, even taking into account the amendments made to the original text of the Roerich Pact, since the values of the occupied state are gradually replaced by the values of the aggressor state [7].

It is obvious that the international treaty on the preservation of cultural heritage has gone through many stages of development. Over the course of half a century, legislators took into account various political events, took the historical experience as a basis for creating an ideal document regulating the preservation of human heritage by all countries, but under all the indicated conditions and the dynamically developing political sentiments of the countries, it is not possible to implement a document that solves all the problems associated with the protection of cultural values.

Despite numerous scientific studies devoted to the Roerich Pact, the international treaty has not been fully understood, because, studying the biography of N. Roerich, we see that this person became famous thanks to his persistent work in various areas of the creative world. In particular, the academician was a philosopher and, accordingly, the idea of making the problem of improper preservation of cultural values relevant for the developing legal systems of the 20th century was not without hidden intentions that have not yet been unraveled by people. Roerich managed not only to legally consolidate the thoughts that were supposed to create a new trend in lawmaking, but also to create entire international movements of people adhering to the ideas of the academician [8, p. 103].

Thus, after analyzing the influence of the Roerich Pact on the development of law in the field of preserving cultural heritage, it is clearly seen that subsequent adopted documents preserved the idea of the enlightener, international conventions and treaties determined a special status for cultural heritage not only in wartime, although the emphasis on preservation is created specifically for these events, but also in peacetime, which in most cases is regulated in the laws of a particular state.

Eight articles of the Roerich Pact became the basis for the formation and constant dynamic development of law to maintain a decent state and protect cultural heritage from threats, regardless of the value of each historical asset.

For 88 years, the international treaty of 1935 has not only not lost its relevance, but also continues to be the foundation for improving a narrow but important area of law in the context of constant political and economic progress. The disadvantage of the Roerich Pact in the form of a more general interpretation of the norms can also be considered an advantage, because the experience of subsequent years has made it possible to correctly formulate the norms describing the articles of the Pact in more detail, relevant to the past.

It is important to take into account the significance of the Roerich Pact in modern Russia. In the context of the Special Military Operation, it acquires special significance, but the rules that the Russian academician set out in the international treaty almost 90 years ago are not fully implemented. Despite the efforts of the Armed Forces of the Russian Federation to protect priceless cultural monuments located near the front, modern weapons, realizing the goals of unfriendly countries, destroy the common heritage of mankind, devalue the principle of the inviolability of objects that are not used for military purposes and are the property of the whole society.

Bibliographic list

1. The Roerich Pact. International Treaty for the Protection of Cultural Property // URL: https://culture-into-life.ru/pax_culture/?ysclid=ltkamrz8di694858497 (date of access: 03/08/2024).
2. The Second Protocol to the Hague Convention for the Protection of Cultural Property in the Event of Armed Conflict of 1954 (The Hague, March 26, 1999) // URL: <https://base.garant.ru/2564851/?ysclid=ltkbcoeaco915752668> (date of access: 03/09/2024).
3. The current state information agency "RIA Novosti" // URL: <https://ria.ru/20080415/105076157.html> (date of access: 07/25/2008).
4. Key tasks for achieving the Sustainable Development Goals and improving people's living conditions // Specialized agency of the United Nations Educational, Scientific and Cultural Organization "UNESCO" // URL: <https://www.unesco.org/ru> (date of access: 09.03.2024).
5. The Roerich Pact. Banner of Peace / Author-compiler N.D. Spirina. Novosibirsk: Publishing center ROSSAZIYA of the Siberian Society, 2013. 24 p.
6. The Roerich Pact as the basis for the new UN Convention for the Protection of Cultural Property / A. Kapustin, P. Barenboim, A. Zakharov, D. Kravchenko. Moscow: LUM, 2014. 192 p.
7. Rybak K.E. Neutrality of cultural values and cultural institutions) // The Roerich Pact: histories and destinies. 2017. P. 1–18.
8. Uvarova L.I. Humanitarian mission of the Roerich Pact: educational aspect // Pedagogy. 2021. Vol. 85. No. 1. P. 102–110.

For citation: Annenkov D.E., Svetlov R.A. Relevance of the Roerich Pact in the modern world and its influence on the further development of law in the field of cultural heritage protection: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 16–20.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.11

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 341.1/8, 261.6

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.21

РЕЛИГИОЗНЫЕ ЦЕННОСТИ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ МОРАЛИ И ПРАВА

Д.Д. Германенко*

Аннотация. Автор статьи на основе сопоставления и анализа религиозных текстов и правовых концепций различных стран демонстрирует весомость религиозных ценностей в современном праве западных стран. Особое внимание уделяется христианским ценностям, влияние которых на западное право было приоритетным.

Ключевые слова: христианство, религиозные ценности, западное право.

Религиозные ценности, то есть моральные ориентиры, источником которых являются религиозные представления, неизменно находят отражение в менталитете народа. Они определяют его быт, культуру, мировоззрение, мораль, которая, в свою очередь, определяет право. Однако во множестве культур говорить о влиянии религии на право не приходится именно из-за их тесной связи, правильнее было бы объяснять схожесть норм не их взаимовлиянием, а общим источником, как в теории монопольных А.И. Першица. Эта нераздельность особенно заметна при рассмотрении древних обществ, относительно однородных по своему религиозному составу. В них религиозные и правовые нормы вообще не дифференцируются.

Например, правовой памятник Древней Индии «Книга Законов Ману» начинается с того, как мифологический Ману повествует о сотворении мира [3, с. 25], а Священные Тексты, почитаемые представителями всех авраамических религий, содержат в себе, ко всему прочему, и законы, регламентировавшие жизнь в Иудейском Царстве [4]. Именно поэтому для изучения того, как религиозные ценности воздействуют на право, больше подходят государства с доминирующими мировыми, а не традиционными религиями. В особенности те из них, которые не ссылаются на религиозные источники напрямую, сплетая различные нормы воедино.

Такая ситуация как раз характерна для западных стран, большинство которых уже не заимствует религиозные нормы напрямую, из-за чего всеохватывающее влияние религии может быть не так очевидно. Следует

---

* **Германенко Дарья Даниловна**, студентка Юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail: 230980@edu.fa.ru.

Научный руководитель – **Попова Анна Владиславовна**, профессор кафедры международного и публичного права Юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент. E-mail: anna0710@yandex.ru.

также подчеркнуть неоднородность религиозных ценностей. Из-за того, что уровень осведомленности о религиях под влиянием развития материалистических идей является довольно низким, религии часто воспринимаются как взаимозаменяемые. Однако решения этических и ценностных дилемм могут достаточно сильно различаться от конфессии к конфессии.

Например, индуистский обычай сати (самосожжение вдовы) был бы совершенно неприемлем в авраамических религиях. Или, если брать в пример более современные концепции индуизма (который уже вобрал в себя буддизм, признав Будду аватаром Вишну): высвобождение атмана (чистого сознания) от иллюзий (любых желаний, привязанностей, идентичности) [6], в христианстве воспринимается крайне негативно, практически приравнивается к самоубийству [8].

Такие различия легче продемонстрировать на примерах из истории. Существует немало случаев, когда один и тот же институт сталкивался с различными верованиями: после распространения на Руси принятого ей христианства запрещалось процветавший при язычестве обычай кровной мести [14], а в исламских странах XIX века, столкнувшись с экономикой запада, появляется идея исламского банкинга, не основанного на взимании процентов [7]. Таким образом становится очевидной несхожесть ценностных, нормативных и прочих установок в различных верованиях и организованных религиях. Проявляется и неизбежное влияние этих установок на право различных стран. Именно поэтому далее внимание стоит сосредоточить именно на ценностях, характерных для христианства, а не на религиозных ценностях в целом. Только раскрыв содержащиеся в них отличия от других систем ценностей, будет возможно заметить их ценностное влияние в положениях нормативно-правовых актах запада.

Было бы бессмысленно оспаривать тот факт, что из всех существующих религий наибольшее влияние на современное западное право оказало именно христианство. Влияние Церкви было действительно всеобъемлющим, им пропитана вся история развития западной мысли, выношенной монастырями и университетами. Следы этого влияния в той или иной степени сохранились в правовых принципах, процессуальных обычаях, законах всех стран Западной Европы и Америки. Для того, чтобы их обнаружить, стоит сперва выделить те особенности, которые характерны для мировоззрения большинства христиан.

Первой из них можно назвать принцип, который выделяет христианство среди других авраамических религий. В сравнении с иудаизмом и исламом [12] христианство уделяет больше внимания внутреннему состоянию человека, чем его поступкам (как, например, в притче о мытаре и фарисее), и в целом пренебрежительно относится к ритуалам или делам, исполняемым «для галочки» («суббота для человека, а не человек для субботы») (Евангелие от Марка 2:27), «И если я раздам все имение мое и отдам тело мое на сожжение, а любви не имею, нет мне в том никакой пользы» (Первое послание апостола Павла к Коринфянам 13:3), «буква убивает, а дух живит» (Второе послание апостола Павла к Коринфянам 3:6).

Получается, что Священное Писание задает только общее направление для совершенствования человека (самопожертвование, любовь к ближ-

ним), а практические выводы из него делает священство («Истинно говорю вам: что вы свяжете на земле, то будет связано на небе; и что разрешите на земле, то будет разрешено на небе» (Евангелие от Матфея 18:18) [10]. Возможно, именно эта расплывчатость в определении правильного позволила возникнуть столь большому количеству разнообразных религиозных, правовых и этических учений на христианском западе, и каждое из них устанавливало свои рамки дозволенного [18].

Другим последствием такого подхода стало возникшее в последствии большее внимание права к внутреннему состоянию человека. Для демонстрации этих изменений достаточно сравнить современное и античное понимание концепции вины. Основопологающим для христианства также является ощущение несовершенства мира и людей, постоянного стремления к совершенствованию существующего порядка [16].

В сочетании с уже обозначенным выше отсутствием точных инструкций по обустройству справедливого общества (Писание передает только «дух») оно образует прекрасные условия для развития разнообразных концепций естественного права. Уже существовавшее до появления христианства, оно получает новый толчок к развитию, в результате которого появляется идея прав человека, охраняемых вне зависимости от его положения или отношения к нарушителю [11] (и вне зависимости от даже самых чрезвычайных обстоятельств: возникает концепция военных преступлений [5]).

Еще одним правовым новшеством запада, уже нераздельно с ним ассоциирующимся можно считать и теорию общественного договора происхождения государства. Эту идею ряд исследований также возводит к Священным текстам: сами Ветхий и Новый Завет являются, по сути своей, старым и новым договором, регулирующим отношения между Богом и людьми. Из этой концепции власти как свободного волеизъявления обеих сторон закономерно возникает идея развивать отношения между правителем (наместником Бога) и его подданными по аналогичной модели. Сам факт преемственности между религиозным и общественным договором отмечался и самими сторонниками концепции: Б. Спинозой и Т. Гоббсом [13].

Другой важной ценностью христианства является внутренняя свобода. Христианство на опыте множества мучеников доказало, что человек может быть независим в своих действиях под гнетом любых угроз и обстоятельств, а внешнее принуждение, в таких случаях, оказывается просто бессмысленным. Это открытие и обеспечило население многих стран свободами в более привычном понимании: свободой совести, слова, вероисповедания. Христианство также привнесло в мир новое понимание справедливости. В Ветхом Завете главенствующим закрепляется принцип талиона, тогда как в Новом этот принцип преодолевается. Вместо исключительно карательной функции законов появляется идея «вразумления» (попытка исправить человека: если не воздавать злом за зло, а подставить другую щеку, то «обижающий, будучи пристыжен, не только не нанесет второго удара, хотя бы он был лютее всякого зверя, но и за первый будет крайне обвинять себя» [15]). Именно благодаря этой идее в западном праве постепенно развилась столь выделяющая его система уголовного права, выполняющего теперь не только карательную, но и исправительную функцию.

Широко распространенной на современном западе ценностью, популяризированной христианством, является равенство. Если пред Богом «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного» (Толкование Святого Иоанна Златоуста на Евангелие от Матфея 5:39), то не также ли должна воспринимать людей власть, поставленная Богом? Новый Завет также затрагивает проблему богатства. Накопление без милостыни считается бессмысленным («Но Бог сказал ему: безумный! в сию ночь душу твою возьмут у тебя; кому же достанется то, что ты заготовил» (Послание апостола Павла к Колоссянам 3:11), богатство само по себе не является благом, а бедность перестает игнорироваться из-за того, что она послана в наказание человеку. Борьба с бедственным положением других людей постепенно входит в общественное сознание, в конце концов находя выход и в политике.

Все эти ценности повлияли на развитие морали, но стоит принять во внимание и те воздействия, результаты которых одобряются не всеми христианами. В связи с утратой Римско-Католической Церковью абсолютного авторитета в XIV–XVI вв. в Европе появилось множество деноминаций, зачастую трактующих Священное Писание прямо противоположным друг другу образом. Именно поэтому проявления христианских влияний могут принимать самые неожиданные формы.

Одной из таких форм можно считать сам отход от религии, секуляризацию общества – тенденцию, всё более заметную на западе, а под его влиянием и в остальном мире. Хотя некоторые и считают причиной секуляризации усталость от религиозных войн [9], некоторые исследователи [19; 21] утверждают, что идея светского государства восходит к протестантизму, так как именно Реформация породила идею необязательности внешних проявлений религии при наличии «личных» отношений с Богом. Выше уже была упомянута «внутри-ориентированность» христианства, однако ее проявления в рамках апостольского предания и протестантского толкования сильно различны.

Классический состав Нового Завета соблюдает идеальный баланс между индивидуализмом и коллективизмом. С одной стороны, делается акцент на личности за счет отделения ее от «мира» («если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены и детей, и братьев и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником» (Евангелие от Луки 14:26), с другой – на эту освободившуюся личность возлагается ответственность за улучшение этого мира изнутри, будучи «солью земли» («Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрется от веры и хуже неверного» (Первое послание апостола Павла к Тимофею 5:8), «Всякая душа да будет покорна высшим властям» (Послание апостола Павла к Римлянам 13:1)).

В протестантизме гораздо больший акцент делается на индивидуальную веру (при том еще и не обязательно выражающуюся в делах (Аугсбургское исповедание, 4 артикул) [10], что постепенно и приводит к появлению в Новое время идеи о том, что государство может быть абсолютно секулярным, нейтральным по отношению к религии, которая становится личным делом каждого. Однако, как можно понять из приведенных выше примеров, само наличие закона означает отдачу предпочтения одной из систем

морально-нравственных ценностей, а значит и одной из религий. Это приводит к множеству противоречий, как, например, когда светское государство, где все религии равны перед законом, запрещает ношение буркини (купальный костюм, соответствующий нормам шариата) [20].

Непросто найти систему ценностей, отрицающую неприкосновенность жизни, однако и здесь возникают разногласия. В вопросе применения эвтаназии Церкви довольно единодушны [1]: физические страдания не считаются достаточным оправданием для самовольного ухода из жизни, а вот насчет абортов и контрацепции иногда возникают споры. Большинство христиан считает, что жизнь начинается с момента зачатия, однако в самой Библии (в отличие от святоотеческих преданий) на это содержатся довольно косвенные указания [17]. Это позволяет небольшой части протестантов отстаивать право женщин на аборт в случае угрозы родов для жизни. При этом интересно отметить, что в условиях отсутствия христианства в этой сфере скорее всего действовали бы нормы римского права, предоставлявшие право распоряжаться жизнью детей отцу, а не матери. В дополнение следует отметить, что спор о моменте возникновения жизни влияет и на другие медицинские процедуры: абортивными признаются большая часть средств контрацепции и, в некоторых случаях, пренатальная диагностика.

В продолжение темы следует отметить, что сфера семейных отношений была юрисдикцией религии со времен Средневековья. Сейчас ее влияние сохранено лишь частично, но все еще заметно. Наследием религии в сфере брачно-семейных отношений можно считать: запрет донорства спермы и суррогатного материнства (считаются формами прелюбодеяния) [22], запрет заключения брака между сводными братьями и сестрами (Ветхий Завет, Левит 18:11), препятствия к разводу и повторному браку («А вступившим в брак не я повелеваю, а Господь: жене не разводиться с мужем, - если же разведется, то должна оставаться безбрачною, или примириться с мужем своим, - и мужу не оставлять жены своей» (Первое послание апостола Павла к Коринфянам, 7:10–11).

В других сферах частного права, более связанных с экономикой, а потому гораздо более практических, влияние христианства выражено слабее, однако оно все-таки есть. Например, невозможно отрицать наличие в христианстве такой общечеловеческой ценности как соблюдение памятных дат и праздников, что не может не отражаться на нормах трудового права.

Из всего вышесказанного складывается достаточное представление о вездесущности христианства в праве современного запада, еще раз подтверждающее мысль о том, что религия во многом служит отправной точкой развития для всей культуры эпохи. И, конечно, право не является здесь исключением, что необходимо учитывать при процессе законотворчества для предотвращения появления внутренне противоречивой системы права.

Библиографический список

1. Андрианов А. Отношение протестантских направлений к эвтаназии // Ипатьевский вестник. – 2019. – № 7. – С. 198–201.
2. Аугсбургское исповедание, 4 артикул / текст: электронный URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/440429/> (дата обращения: 24.03.2024)

3. Батыр К. И. Хрестоматия по истории государства и права зарубежных стран: учебное пособие: в 2 тт. – Т. 1. – М.: Проспект, 2019. – 392 с. – ISBN 978-5-392-29616-3
4. Ветхий Завет, Второзаконие // URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/deu/25/> (дата обращения: 28.03.2024).
5. Дорская А.А. Христианские ценности и международное право: проблемы взаимовлияния на современном этапе // Вестник Академии права и управления. – 2016. – № 3 (44). – С. 15–21.
6. Исаева Н. В. Атман / Степин В.С., Гусейнов А.А., Семигин Г.Ю., Огурцов А.П. Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль, 2000. – 736 с.
7. Лабазанова С. Х., Ильясова К. Х., Дикаева Л. Х. Исламский банкинг: история появления и специфика // Индустриальная экономика. – 2022. – № 5. – С. 244–247.
8. Лосский Н. О. Христианство и Буддизм // Христианство и Индуизм. Сборник статей. – М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1994. – С. 25–64.
9. Останин А. В. Генезис идей светской модели государства // Вестник ОмГУ. – Серия «Право». – 2010. – № 2. – С. 27–35.
10. Официальный сайт Московского Патриархата // URL: <http://www.patriarchia.ru/index.html> (дата обращения: 30.03.2024)
11. Папаян Р. А. Христианские корни современного права. – М.: Изд-во НОРМА, 2002. – 416 с.
12. Поломошнов П. Исламская и христианская антропология как альтернативные версии религиозного гуманизма // Россия и мусульманский мир. – 2017. – № 12 (306). – С. 5–18.
13. Попова А. В. Христианская аксиология и онтология договорного права // Журнал российского права. – 2019. – № 1. – С. 26–36.
14. Пространная русская правда / текст: электронный // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (дата обращения: 24.03.2024)
15. Сборник толкований священного писания / текст: электронный // URL: <https://bible.optina.ru/> (дата обращения: 16.03.2024)
16. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. – М.: Изд-во политической литературы, 1988. – 336 с.
17. Священный Синод РПЦ. О неприкосновенности жизни человека с момента зачатия (27.12.2023), журнал № 138 // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6088088.html> (дата обращения: 24.03.2024)
18. Христианство и Индуизм. Сборник статей. – М.: Издательство Свято-Владимирского братства, 1994. – 165 с.
19. Щипков В.А. Введение в генеалогию секулярного / Москва, МГИМО, текст: электронный // URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock.com> (дата обращения: 24.03.2024)
20. BBC: The Islamic Veil across Europe / URL: <https://web.archive.org/web/20180209161441/http://www.bbc.com/news/world-europe-13038095> (дата обращения: 24.03.2024)
21. Berlinerblau J. Secularism: The Basics. Routledge. London: Imprint, 2022. 220 p. / ISBN 9780367691585.
22. Catechism of the Catholic Church / URL: <http://www.scborromeo.org/ccs/para/2376.htm> (дата обращения 25.04.2024).

Для цитирования: Германенко Д.Д. Религиозные ценности как основа формирования морали и права: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 21–26.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.21

RELIGIOUS VALUES AS THE BASIS FOR THE FORMATION OF MORALITY AND LAW

Darya D. Germanenko*

Annotation. The author of the article, based on the comparison and analysis of religious texts and legal concepts of various countries, demonstrates the importance of religious values in the modern law of Western countries. Particular attention is paid to Christian values, the influence of which on Western law was a priority.

Keywords: Christianity, religious values, Western law.

Religious values, that is, moral guidelines, the source of which are religious ideas, are invariably reflected in the mentality of the people. They determine their way of life, culture, worldview, morality, which, in turn, determines the law. However, in many cultures it is not necessary to talk about the influence of religion on law precisely because of their close connection; it would be more correct to explain the similarity of norms not by their mutual influence, but by a common source, as in the theory of mononorms of A.I. Pershits. This inseparability is especially noticeable when considering ancient societies, relatively homogeneous in their religious composition. In them, religious and legal norms are not differentiated at all.

For example, the legal monument of Ancient India "The Book of the Laws of Manu" begins with how the mythological Manu narrates the creation of the world [3, p. 25], and the Sacred Texts revered by representatives of all Abrahamic religions contain, among other things, the laws that regulated life in the Kingdom of Judea [4]. That is why states with dominant world religions, rather than traditional ones, are more suitable for studying how religious values influence law. Especially those that do not refer to religious sources directly, weaving various norms together.

This situation is typical of Western countries, most of which no longer borrow religious norms directly, which is why the all-encompassing influence of religion may not be so obvious. It should also be emphasized that religious values are heterogeneous. Due to the fact that the level of awareness of religions is quite low under the influence of the development of materialistic ideas, religions are often perceived as interchangeable. However, solutions to ethical and value dilemmas can vary quite significantly from confession to confession.

For example, the Hindu custom of sati (self-immolation of a widow) would be completely unacceptable in the Abrahamic religions. Or, if we take as an example more modern concepts of Hinduism (which has already absorbed Buddhism, recognizing Buddha as an avatar of Vishnu): the liberation of the atman

---

* **Germanenko Darya Danilovna**, student of the Faculty of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation". E-mail: 230980@edu.fa.ru.

Scientific supervisor – **Anna Vladislavovna Popova**, professor of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Financial University under the Government of the Russian Federation", Doctor of Law, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. E-mail: anna0710@yandex.ru.

(pure consciousness) from illusions (any desires, attachments, identity) [6], in Christianity is perceived extremely negatively, practically equated to suicide [8].

Such differences are easier to demonstrate with examples from history. There are many cases when the same institution encountered different beliefs: after the spread of Christianity in Rus', the custom of blood feud that flourished under paganism was banned [14], and in the Islamic countries of the 19th century, faced with the Western economy, the idea of Islamic banking appeared, not based on charging interest [7]. Thus, the dissimilarity of value, normative and other attitudes in various faiths and organized religions becomes obvious. The inevitable influence of these attitudes on the law of various countries is also evident. This is why further attention should be focused on the values characteristic of Christianity, and not on religious values in general. Only by revealing the differences contained in them from other value systems will it be possible to notice their value influence in the provisions of the normative and legal acts of the West.

It would be pointless to dispute the fact that of all existing religions, Christianity has had the greatest influence on modern Western law. The influence of the Church was truly all-encompassing; it permeated the entire history of the development of Western thought, nurtured by monasteries and universities. Traces of this influence have been preserved to varying degrees in the legal principles, procedural customs, and laws of all countries of Western Europe and America. In order to discover them, it is worth first highlighting those features that are characteristic of the worldview of the majority of Christians.

The first of these can be called the principle that distinguishes Christianity from other Abrahamic religions. Compared to Judaism and Islam [12], Christianity pays more attention to the inner state of a person than to his actions (as, for example, in the parable of the publican and the Pharisee), and generally disdains rituals or deeds performed "for show" ("the Sabbath was made for man, and not man for the Sabbath" (Mark 2:27), "And if I give all my goods to feed the poor, and if I give my body to be burned, but have not love, it profits me nothing" (First Epistle of Paul to the Corinthians 13:3), "the letter kills, but the Spirit gives life" (Second Epistle of Paul to the Corinthians 3:6).

It turns out that the Holy Scriptures only set the general direction for human improvement (self-sacrifice, love for one's neighbors), and the priesthood draws practical conclusions from it ("Truly I say to you: what do you 'whatever you bind on earth will be bound in heaven, and whatever you loose on earth will be loosed in heaven" (Matthew 18:18) [10]. Perhaps it was precisely this vagueness in the definition of right that allowed such a large number of diverse religious, legal and ethical teachings to arise in the Christian West, each of which established its own framework of what was permitted [18].

Another consequence of this approach was the subsequent greater attention of the law to the internal state of a person. To demonstrate these changes, it is enough to compare the modern and ancient understanding of the concept of guilt. The feeling of the imperfection of the world and people, the constant desire to improve the existing order, is also fundamental to Christianity [16].

In combination with the already mentioned absence of precise instructions for the organization of a just society (the Scripture conveys only the "spirit"), it

creates excellent conditions for the development of various concepts of natural law. Already existing before the advent of Christianity, it receives a new impetus for development, as a result of which the idea of human rights appears, protected regardless of his position or relationship to the violator [11] (and regardless of even the most extraordinary circumstances: the concept of war crimes arises [5]).

Another legal innovation of the West, already inseparably associated with it, can be considered the theory of the social contract of the origin of the state. A number of studies also trace this idea to the Holy texts: the Old and New Testaments themselves are, in essence, the old and new contract regulating the relationship between God and people. From this concept of power as the free expression of the will of both parties, the idea naturally arises to develop relations between the ruler (God's viceroy) and his subjects according to a similar model. The very fact of continuity between the religious and social contract was noted by the supporters of the concept themselves: B. Spinoza and T. Hobbes [13].

Another important value of Christianity is internal freedom. Christianity has proven through the experience of many martyrs that a person can be independent in his actions under the yoke of any threats and circumstances, and external coercion, in such cases, turns out to be simply meaningless. This discovery provided the population of many countries with freedoms in a more familiar sense: freedom of conscience, speech, religion. Christianity also brought a new understanding of justice to the world. In the Old Testament, the principle of talion is fixed as the main one, while in the New this principle is overcome. Instead of the purely punitive function of laws, the idea of "edification" appears (an attempt to correct a person: if you do not repay evil with evil, but turn the other cheek, then "the offender, being ashamed, will not only not strike a second blow, even if he were more fierce than any beast, but will also blame himself for the first" [15]). It is precisely thanks to this idea that the system of criminal law that distinguishes it so much has gradually developed in Western law, now performing not only a punitive but also a corrective function.

A value that is widespread in the modern West, popularized by Christianity, is equality. If before God "there is neither Greek nor Jew, circumcision nor uncircumcision, barbarian, Scythian, slave nor free" (St. John Chrysostom's Commentary on the Gospel of Matthew 5:39), then should not the authorities appointed by God perceive people in the same way? The New Testament also touches on the issue of wealth. Accumulation without alms is considered pointless ("But God said to him, 'You fool! This night your soul will be required of you. Who then will have what you have provided?'" (Colossians 3:11), wealth in itself is not a good thing, and poverty is no longer ignored because it is sent as a punishment to man. The fight against the plight of other people gradually enters public consciousness, eventually finding an outlet in politics.

All these values have influenced the development of morality, but it is worth taking into account those influences whose results are not approved by all Christians. In connection with the loss of absolute authority by the Roman Catholic Church in the 14th–16th centuries, many denominations appeared in Europe, often interpreting the Holy Scriptures in a way that is directly opposite to each other. That is why manifestations of Christian influences can take the most unexpected forms.

One of these forms can be considered the departure from religion itself, the secularization of society – a trend that is increasingly noticeable in the West, and under its influence in the rest of the world. Although some believe that the cause of secularization is fatigue from religious wars [9], some researchers [19; 21] argue that the idea of a secular state goes back to Protestantism, since it was the Reformation that gave rise to the idea of the optionality of external manifestations of religion in the presence of a "personal" relationship with God. The "inward orientation" of Christianity has already been mentioned above, but its manifestations within the framework of the apostolic tradition and Protestant interpretation are very different.

The classical composition of the New Testament maintains an ideal balance between individualism and collectivism. On the one hand, emphasis is placed on the individual by separating him from the "world" ("if anyone comes to me and does not hate his father and mother, wife and children, brothers and sisters, yea, and his own life also, he cannot be my disciple" (Luke 14:26), on the other hand, this liberated individual is given the responsibility for improving this world from within, being the "salt of the earth" ("If anyone does not provide for his own, and especially for those of his own household, he has denied the faith and is worse than an unbeliever" (First Epistle of Paul to Timothy 5:8), "Let every soul be subject to the higher powers" (Romans 13:1)).

In Protestantism, much greater emphasis is placed on individual faith (and not necessarily expressed in deeds (Augsburg Confession, Article 4) [10], which gradually leads to the emergence of in modern times, the idea that the state can be absolutely secular, neutral in relation to religion, which becomes a personal matter for everyone. However, as can be understood from the examples given above, the very existence of the law means giving preference to one of the systems of moral and ethical values, and therefore one of the religions. This leads to many contradictions, as, for example, when a secular state, where all religions are equal before the law, prohibits wearing a burkini (a bathing suit that complies with Sharia law) [20].

It is not easy to find a system of values that denies the inviolability of life, but even here disagreements arise. On the issue of the use of euthanasia, the Churches are quite unanimous [1]: physical suffering is not considered sufficient justification for self-destruction, but disputes sometimes arise regarding abortions and contraception. Most Christians believe that life begins at the moment of conception, but the Bible itself (unlike the patristic traditions) contains rather indirect references to this [17]. This allows a small number of Protestants to defend the right of women to abortion in the event of a threat to life during childbirth. It is interesting to note that in the absence of Christianity, the norms of Roman law would most likely apply in this area, granting the right to dispose of the life of children to the father, not the mother. In addition, it should be noted that the dispute about the moment of origin of life also affects other medical procedures: most contraceptives and, in some cases, prenatal diagnostics are recognized as abortive.

Continuing on the topic, it should be noted that the sphere of family relations has been the jurisdiction of religion since the Middle Ages. Today, its influence is only partially preserved, but still noticeable. The legacy of religion in

the sphere of marital and family relations can be considered: the ban on sperm donation and surrogacy (considered forms of adultery) [22], the ban on marriage between half-brothers and sisters (Old Testament, Leviticus 18:11), obstacles to divorce and remarriage (“But to them that are married I command, yet not I, but the Lord: Let not the wife depart from her husband: but if she depart, let her remain unmarried, or else be reconciled to her husband: and let not the husband divorce his wife” (First Epistle of the Apostle Paul to the Corinthians, 7:10–11).

In other spheres of private law, more connected with the economy, and therefore much more practical, the influence of Christianity is weaker, but it still exists. For example, it is impossible to deny the presence in Christianity of such a universal value as the observance of memorable dates and holidays, which cannot but be reflected in the norms of labor law.

From all of the above, a sufficient idea of the omnipresence of Christianity in the law of the modern West is formed, once again confirming the idea that religion in many ways serves as a starting point for the development of the entire culture of the era. And, of course, law is no exception here, which must be taken into account in the process of lawmaking in order to prevent the emergence of an internally contradictory system of law.

Bibliographic list

1. Andrianov A. The attitude of Protestant movements to euthanasia // *Ipatievsky Vestnik*. 2019. No. 7. P. 198–201.
2. Augsburg Confession, 4 article / text: electronic URL: <https://www.sedmitza.ru/lib/text/440429/> (date of access: 03/24/2024)
3. Batyr, K. I. Reader on the history of the state and law of foreign countries: a textbook: in 2 volumes. Volume 1. Moscow: Prospect, 2019. 392 p. ISBN 978-5-392-29616-3
4. Old Testament, Deuteronomy // URL: <http://www.patriarchia.ru/bible/deu/25/> (date of access: 03/28/2024).
5. Dorskaya A.A. Christian values and international law: problems of mutual influence at the present stage // *Bulletin of the Academy of Law and Management*. 2016. No. 3 (44). P. 15–21.
6. Isaeva N.V. Atman / Stepin V.S., Guseinov A.A., Semigin G.Yu., Ogurtsov A.P. *New philosophical encyclopedia*. Moscow: Mysl, 2000. 736 p.
7. Labazanova S. Kh., Ilyasova K. Kh., Dikaeva L. Kh. Islamic banking: history of emergence and specificity // // *Industrial economy*. 2022. No. 5. P. 244–247.
8. Lossky, N. O. *Christianity and Buddhism // Christianity and Hinduism*. Collection of articles. Moscow: Publishing house of the St. Vladimir Brotherhood., 1994. P. 25–64.
9. Ostanin A. V. Genesis of ideas of a secular model of the state // *Bulletin of Omsk State University. Series. Law*. 2010. No. 2. P. 27–35.
10. Official website of the Moscow Patriarchate // URL: <http://www.patriarchia.ru/index.html> (date accessed: 30.03.2024)
11. Papayan, R. A. *Christian roots of modern law*. Moscow: NORMA Publishing House, 2002. 416 p.
12. Polomoshnov P. Islamic and Christian anthropology as alternative versions of religious humanism // *Russia and the Muslim world*. 2017. No. 12 (306). P. 5–18.

13. Popova A. V. Christian axiology and ontology of contract law // Journal of Russian Law. 2019. No. 1. P. 26–36.
14. The extensive Russian truth / text: electronic // URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/RP/prp.htm> (date of access: 03/24/2024)
15. Collection of interpretations of the Holy Scripture / text: electronic // URL: <https://bible.optina.ru/> (date of access: 03/16/2024)
16. Svetsitskaya I. S. Early Christianity: pages of history. Moscow: publishing house of political literature, 1988. 336 p.
17. The Holy Synod of the Russian Orthodox Church. On the inviolability of human life from the moment of conception (12/27/2023), journal No. 138 / text: electronic URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/6088088.html> (date accessed: 03/24/2024)
18. Christianity and Hinduism. Collection of articles. Moscow: Publishing House of the Holy Vladimir Brotherhood, 1994. 165 p.
19. Shchipkov V. A. Introduction to the Genealogy of the Secular / Moscow, MGIMO, text: electronic // URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock.com> (date of access: 24.03.2024)
20. BBC: The Islamic Veil across Europe / URL: <https://web.archive.org/web/20180209161441/http://www.bbc.com/news/world-europe-13038095> (date of access: 24.03.2024)
21. Berlinerblau J. Secularism: The Basics. Routledge. London: Imprint, 2022. 220 p. / ISBN 9780367691585.
22. Catechism of the Catholic Church / URL: <http://www.scborromeo.org/ccc/para/2376.htm> (access date 04/25/2024).

For citation: Germanenko D.D. Religious values as the basis for the formation of morality and law: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 27–32.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.21

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.33

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В СОВРЕМЕННУЮ ЭПОХУ

А.А. Грубов*

Аннотация. В статье анализируется государственный суверенитет в современных реалиях. Принцип невмешательства во внутренние дела государств на протяжении XIX–XX веков неизменно выступал в качестве основополагающего принципа отношений между государствами. В последнее время смысловое наполнение суверенитета постепенно меняется. Конец XX – начало XXI веков оказались ознаменованы стремительным развитием процессов глобализации.

Ключевые слова: государство, суверенитет, глобализация, современность, глобализационные процессы.

Понятие «суверенитет» впервые появилось во Франции в XVI веке, но важно отметить, что объективных предпосылок для разработки концепции суверенитета не было. Понятие было введено в научный оборот французским юристом Жаном Боденом (1529–1596). Разработанная им концепция определяла данное понятие как полноту власти над определённой территорией и людьми, населяющими её. И в то же время Ж.Боден отмечал, что власть являлась независимой от внешних сил [5, с. 8].

Однако, на власть было много претендентов, феодалы и церковь стремились обособить свою власть, получить более высокий статус, чем государство. Для того чтобы сохранить баланс сил и не потерять власть, монарх должен был быть юридически полноправным правителем, то есть сувереном-обладателем неделимых властных полномочий.

Но всё изменилось, когда настала эпоха буржуазных революций, и абсолютный характер суверенитета, определённый в трактовках Жана Бодена, пошатнулся. Тут суверенитет начал приобретать современные черты. Он уже связывался не с божественной властью монарха, а с суверенитетом народа, то есть власть и народ являются единственными носителями суверенитета. Эта морально психологическая обоснованность прослеживается в ч.1 ст. 3 Конституции Российской Федерации «Носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ» [1]. Суверенитет означает независимость и самостоятельность в определении и проведении политики как внутри, так и вне гос-

---

* **Грубов Александр Андреевич** – магистр права, партнер-учредитель «Мишиев, Грубов и партнеры» (Санкт-Петербург). E-mail: aleksandr.grubov@mail.ru

ударства, это верховенство государства по отношению к любым другим организациям, существующим на его территории [3, с. 50].

Развитие и дальнейшее использование методов юридического утверждения власти развивалось с учетом опыта функционирования таких государств, как: Англия, Франция и Испания.

Политический философ Томас Гоббс (1588–1679) выдвигал идеи, суть которых заключалась в неделимости власти. Также он утверждал, что опасностью для суверенитета является разделение властей, и был противником данной теории. В своих работах Т.Гоббс являлся сторонником абсолютизма и считал, что государство произошло на договорной основе суверена и его подданных.

Тем самым подданные передавали свои естественные права суверену-государю. Беря за основу договорную теорию возникновения государства, Т.Гоббс строил теорию, которая уже была приближена к современным теориям суверенитета [2, с.19].

Что касается нашей страны, то первым, кто рассуждал на тему суверенитета и выдвигал идеи, связанные с легализацией властных полномочий царя, был Волоцкий игумен Иосиф Санин. Его доводы были похожи на суждения иностранных коллег. Он также считал, что царская власть независима и является верховной, при этом подчёркивая божественное происхождение власти.

Новая стадия развития суверенитета настала, когда государственный строй стал более демократичным и на законодательном уровне гарантировал права и свободы граждан. Тогда суверенитет связывался с демократическим устройством государства. Одним из первых, кто развил эту теорию в таком виде, являлся М. Ориу (1856–1929).

М. Ориу в своих трудах делил суверенитет на политический и юридический. В его понимании политический суверенитет – это суверенитет, пребывающий в политической организации, создавая законы, а юридический – пребывает в народных массах, при этом подчиняя всех положительному праву [2, с. 23].

Он считал, что в демократическом государстве власть осуществляется всеми гражданами. С другой стороны, распыление-дисперсия властных полномочий свидетельствует о реализации внутреннего суверенитета всеми гражданами через референдумы, митинги и т. д.

Различают несколько видов суверенитета, а именно: государственный суверенитет, национальный суверенитет и народный суверенитет.

Понятие «государственный суверенитет» появилось в конце средних веков в результате необходимости отделения государственной власти от церковной.

Государственный суверенитет – это юридическое качество независимого государства, означающее верховенство и независимость государственной власти внутри страны и в международных отношениях.

Сущность государственного суверенитета состоит в том, что государству подчиняются все подсистемы и социальные институты, при этом оно находится на вершине иерархии. Такие важные направления, как: здравоохранение, образование, защита – не смогут существовать без государ-

ственного суверенитета. Выделяется два вида реализации государственного суверенитета: внешний и внутренний.

Внешний – государство осуществляет внешнюю политику от имени граждан, когда оно, сосуществуя с другими государствами на международной арене, осуществляет свою внешнюю политику на основании разнообразных интересов. *Внутренний* – государство как суверенная структура издает законы, легально применяет силу, охраняет территорию и т.п.

Внутренний суверенитет рассматривает дела, касающиеся внутренних форм жизни государства, т.е. всех политических, экономических, социальных и прочих структур, являющихся внутригосударственными.

Главным признаком внутреннего суверенитета является способность государства издавать законы, действующие на всей его территории.

Национальный суверенитет выражается в праве нации определять свою судьбу, т.е. возможность самоопределения для сохранения языка, культуры и истории, политической свободы нации и её полномочия.

Оно является предметом споров, так как по определению представляет возможность отделения субъектов, что подрывает как государственный, так и национальный суверенитет. В нашей стране такое событие имело место быть во время чеченской войны 1995–2000 г., когда страна была на грани потери своего субъекта [6].

Народный суверенитет – это право определять экономическую, социальную и политическую систему государства. Проще говоря, это право на определение характера государства, которое осуществляется народом. В ч. 1 ст. 3 Конституции РФ сказано, что носителем суверенитета и источником власти в стране является её многонациональный народ [1].

Исходя из вышеперечисленного, следует подчеркнуть, что доминирующей нации, осуществляющей данное право, нет.

Народ участвует в реализации народного суверенитета через демократические инструменты, такие как: референдумы, выборы, петиции, общественные организации, пикеты.

Но осуществлять данное право через постоянные референдумы или выборы невозможно, поэтому народ делает это через своих представителей: Президент РФ, Федеральное собрание, муниципальные органы субъектов РФ.

В современном мире государству приходится уделять много внимания защите своих суверенных прав, так как с развитием технологий появились множество сфер реализации суверенитета, от которых зависит нормальное функционирование государства. Такими сферами реализации суверенитета являются: культурная, экономическая, военная и информационная.

В настоящее время происходит процесс навязывания своих интересов вследствие преобладания одних стран над другими. Порой мнение одного государства выдаётся за мнение всего мирового сообщества.

Принято считать, что глобализация опосредует расширение, углубление и ускорение всемирной взаимозависимости; что она представляет собой сложный процесс интеграции, движимый главным образом либеральными идеями экономического развития, которые с неизбежностью под-

страивают под себя политическую и социальную сферы. Политические аспекты глобализации находят выражение в усилении внимания к наднациональным процессам нормотворчества, конституционализации международного права, поддержанию безопасности и порядка в мировой системе через глобальные платформы, а также – в повышении значимости транснациональных институтов – международных организаций, причем, как межправительственных, так и неправительственных. Кроме того, глобализацию невозможно представить вне процессов развития информационных технологий и средств коммуникации.

Названные процессы, однако, не способствуют сближению уровней благосостояния государств и не обеспечивают тождественности их роли в международных отношениях. По факту они лишь усиливают неравномерность развития отдельных стран [8, с. 7].

Одним из последствий глобализации, таким образом, становится угроза современному миропорядку, которая состоит в тенденции «размывания» суверенитета национальных государств, его трансформации и возможной утраты главной роли в определении судеб отдельных стран в будущем. Не всех стран вообще, а только тех, которые в принципе способны играть самостоятельную роль в мировой политике.

Современные информационные технологии и средства коммуникации (в связи с невозможностью полного контроля за деятельностью иностранных коммуникаторов) способны формировать «невидимые» для государства сферы развития общественных отношений и, следовательно, пространства, выпадающие полностью или частично из зоны контроля управляющих структур государства. Согласно прогнозам экспертов, например, если в недалеком будущем наиболее крупные американские электронные сети (Twitter, Google, Youtube, Facebook), способные передавать свои сообщения в любые уголки планеты, захватят основные позиции в глобальном кибер-пространстве, они будут контролировать информационную систему всего человечества [5, с. 161].

Влияние информационных конгломератов, неограниченное определенной территорией, вполне способно составить конкуренцию национальным правительствам, действующим в тех или иных географических границах.

Таким образом, на основании всего вышеизложенного, можно сделать вывод о том, что, несмотря на усиление глобального управления и регулирования, суверенное государство не исчезает, хотя его роль меняется [7]. В частности, многие новые стандартизированные правила, достигнутые по соглашению между государствами, могут работать только в том случае, если существуют территориальные органы, способные и полномочные применять их на местном уровне.

Кроме того, для того чтобы международные договоры могли быть реализованы, они должны пройти ратификацию на национальном уровне (обсуждение, одобрение в органах законодательной власти и подписание главами государств).

В связи с этим национальные интересы России представляют собой публичные интересы. Главным источником их фиксации выступает Конституция РФ и конституционные нормы [7].

На конференции «Валдай» В.В. Путин отмечал, что Россия свой выбор сделала, ее приоритеты – это дальнейшее совершенствование институтов демократии и открытой экономики, ускоренное внутреннее развитие с учетом всех позитивных современных тенденций в мире и объединение общества на основе традиционных ценностей и патриотизма [4].

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принятая всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комаров С.А. и др. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
2. Иконникова Г.И. Философия права: учебник для вузов / Г.И. Иконникова, В.П. Ляшенко. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 359 с.
3. Комаров С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 9-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 504 с.
4. Конференция «Валдай» // <https://www.youtube.com/watch?v=duUL8bFTf64>
5. Мельникова О.А. Информационное обеспечение внешнеполитической деятельности современных государств (политологический анализ): дис. ... канд. полит. наук. – М., 2021. – 204 с.
6. Мсоева Ф.Б., Лолаева А.С. Проблемы суверенитета и федерализма в истории и праве России // Вестник академического научного центра. – 2018. – № 1. – С. 7–10.
7. Нудненко Л.А. Конституционное право России: учебник для вузов / Л. А. Нудненко. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 526 с.
8. Эбзеев Б.С. Глобализация и становление транснационального конституционализма // Гражданин. Выборы. Власть. – 2016. – № 2-3. – С. 3–20.

Для цитирования: Грубов А.А. Государственный суверенитет в современную эпоху: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 33–37.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.33

STATE SOVEREIGNTY IN THE MODERN ERA

Aleksandr A. Grubov*

Annotation. The article analyzes state sovereignty in modern realities. The principle of non-interference in the internal affairs of States has always been a fundamental principle of relations between States throughout the 19th and 20th centuries. Recently, the meaning of sovereignty has been gradually changing. The end of the XX – beginning of the XXI centuries were marked by the rapid development of globalization processes.

Keywords: state, sovereignty, globalization, modernity, globalization processes.

---

* **Grubov Alexander Andreevich** – Master of Law, founding Partner of «Mishiev, Grubov and Partners» (St. Petersburg). E-mail: aleksandr.grubov@mail.ru

The concept of "sovereignty" first appeared in France in the 16th century, but it is important to note that there were no objective prerequisites for the development of the concept of sovereignty. The concept was introduced into scientific use by the French jurist Jean Bodin (1529–1596). The concept developed by him defined this concept as the fullness of power over a certain territory and the people inhabiting it. And at the same time, J. Bodin noted that power is independent of external forces [5, p. 8].

However, there were many contenders for power, feudal lords and the church sought to separate their power, to get a higher status, than the state. In order to maintain the balance of power and not lose power, the monarch had to be a legally full-fledged ruler, that is, with a sovereign-the owner of indivisible powers.

But everything changed when the era of bourgeois revolutions came, and the absolute nature of sovereignty, defined in the interpretation of Jean Bodin, was shaken. Here sovereignty began to take on modern features. It was no longer associated with the divine authority of the monarch, but with the sovereignty of the people, that is, the government and the people are the sole bearers of sovereignty. This moral and psychological justification can be traced in Part 1 of Article 3 of the Constitution of the Russian Federation "The bearer of sovereignty and the only source of power in the Russian Federation is its a multinational people" [1]. Sovereignty means independence and independence in determining and conducting policy both inside and outside the state, it is the supremacy of the state in relation to any other organizations existing on its territory [3, p. 50].

The development and further use of methods of legal approval of power was developed taking into account the experience of functioning of such states as: England, France and Spain.

The political philosopher Thomas Hobbes (1588–1679) put forward ideas whose essence was the indefeasibility of power. He also argued that the separation of powers was a danger to sovereignty, and was opposed to this theory. In his works, T. Hobbes was a supporter of absolutism and believed that the state occurred on a contractual basis for the sovereign and his subjects.

Thus, the subjects transferred their natural rights to the sovereign-the sovereign. Taking as a basis the contractual theory of the emergence of the state, T. Hobbes built a theory that was already close to modern sovereignty [2, p.19].

As for our country, the first person to discuss sovereignty and put forward ideas related to the legalization of the tsar's power was the Volotsk Abbot Iosif Sanin. His arguments were similar to those of his foreign colleagues. He also believed that the royal authority is not absolute and is supreme, while emphasizing the divine origin of power.

A new stage in the development of sovereignty has come when the State system has become more democratic and the rights and freedoms of citizens are guaranteed at the legislative level. Then sovereignty was associated with the democratic structure of the state. One of the first people to develop this theory in this form was M. Oriu (1856–1929).

M. Oriu in his works divided sovereignty into political and legal. In his understanding, political sovereignty is sovereignty that resides in a political or-

ganization, creating laws, and legal sovereignty resides in the masses of the people, while subordinating everyone to the tax law [2, p. 23].

He believed that in a democratic state, power is exercised by all citizens. On the other hand, the dispersion of power shows the realization of internal sovereignty by all citizens through referendums, rallies, etc.

There are several types of sovereignty, namely: state sovereignty, essence of state sovereignty and national sovereignty.

The concept of "state sovereignty" appeared at the end of the Middle Ages as a result of the need to separate state power from church power.

State sovereignty – is a legal quality of an independent State, which means the supremacy and independence of State power within the country and in international relations.

The essence of state sovereignty is that all subsystems and social institutions are subordinate to the state, while it is at the top of the hierarchy. Such important areas as healthcare, education, and protection – cannot exist without State sovereignty. There are two types of implementation of state sovereignty: external and internal.

External – a State carries out foreign policy on behalf of its citizens, when it, co-existing with other States in the international arena, carries out its foreign policy on the basis of various interests. *Internal* – the state, as a sovereign structure issues laws, uses force legally, protects the territory, etc.

Internal sovereignty deals with cases concerning the internal forms of life of the State, i.e. all political, economic, social and other structures that are internal to the State.

The main feature of internal sovereignty is the ability of the State to issue laws that apply throughout its territory.

National sovereignty is expressed in the right of a nation to determine its own destiny, i.e. the possibility of self-determination in order to preserve the language, culture and history, political freedom of the nation and its sovereignty.

It is a subject of controversy, since by definition it represents the possibility of separation of subjects, which undermines both State and national sovereignty. In our country, such an event took place during the Chechen war of 1995–2000, when the country was on the verge of losing its subject [6].

People's sovereignty is the right to determine the economic, social and political system of the State. Simply put, it is the right to determine the nature of the State, which is exercised by the people. Part 1 of Article 3 of the Constitution of the Russian Federation states that the bearer of sovereignty and the source of power in a country is its multinational people [1].

Based on the above, it should be emphasized that there is no dominant nation exercising this right.

The people participate in the exercise of popular sovereignty through democratic instruments, such as referendums, elections, petitions, public organizations and pickets.

But it is impossible to exercise this right through permanent referendums or elections, so the people do it through their representatives: the President of the Russian Federation, the Federal Assembly, and the municipal bodies of subjects of the Russian Federation.

In the modern world, the state has to pay a lot of attention to the protection of its sovereign rights, since with the development of technology, many areas of sovereignty realization have emerged, on which the normal functioning of the state depends. Such areas of sovereignty realization are: cultural, economic, military and informational.

Currently, there is a process of imposing their own interests due to the predominance of some countries over others. Sometimes the opinion of a certain State is passed off as the opinion of the entire world community.

It is generally accepted that globalization mediates the expansion, deepening and acceleration of global interdependence; that it is a complex process of integration, driven mainly by liberal ideas of economic development, which inevitably cover the political and social spheres. The political aspects of globalization are reflected in increased attention to national rule-making processes, the constitutionalization of international law, the maintenance of security and order in the world system through global platforms, as well as in the increasing importance of transnational institutions – international organizations, both intergovernmental and non – governmental. In addition, globalization cannot be imagined outside of the development of information technologies and communication tools.

These processes, however, do not contribute to the convergence of the welfare levels of States and do not ensure the identity of their role in international relations. In fact, they only increase the disparity in the development of individual countries [8, p. 7].

One of the consequences of globalization, therefore, is the threat to the modern world order, which consists in the tendency to "blura" the sovereignty of national states, its transformation and possible loss of the main role in determining the fate of individual countries in the future. Not all countries in general, but only those that are in principle capable of playing an independent role in world politics.

Modern information technologies and means of communication (due to the impossibility of complete control over the activities of individual communicators) are able to form "invisible" areas of development of public relations for the state and, consequently, areas that fall completely or partially out of the control one of the state's governing structures. According to experts' forecasts, for example, if in the near future the largest American electronic networks (Twitter, Google, Youtube, Facebook), capable of transmitting their messages to any corner of the planet, seize the main positions in the global cyber space, they will control the information system of all mankind [5, p.161].

The influence of information conglomerates, unlimited by a certain territory, is quite capable of competing with national governments operating in certain geographical areas.

Thus, based on all the above, we can conclude that, despite the strengthening of global governance and regulation, the sovereign state does not disappear, although its role is changing [7]. In particular, many new standardized rules reached by agreement between States can only work if there are territorial authorities that are able and competent to apply them at the local level.

In addition, in order for international treaties to be implemented, they must be ratified at the national level (approved by the legislature, and signed by Heads of State).

In this regard, Russia's national interests are public interests. The main source of their fixation is the Constitution of the Russian Federation and constitutional norms [7].

At the Valdai Conference, Vladimir Putin noted that Russia has made its choice, and its priorities are further improvement of the institutions of democracy and an open economy, accelerated internal development, taking into account all the positive modern trends in the world, and uniting society on the basis of traditional values and patriotism [4].

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation"(adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the All-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru; Komarov S. A. et al. Commentary to the Constitution of the Russian Federation. 5th ed. and add. / / Edited by prof. S. A. Komarov. Moscow: Publishing House "Yurayt", 2023. 411 p. (Series: Professional commentary).

2. *Ikonnikova G. I.* Philosophy of Law: a textbook for universities. 4th ed., reprint. Moscow.: Yurayt Publishing House, 2024. 359 p.

3. *Komarov S.A.* General Theory of State and Law: textbook for universities. — 9th ed. and add. Moscow: Yurayt Publishing House, 2018. 504p.

4. Valdai Conference // <https://www.youtube.com/watch?v=duUL8bFTf64>

5. *Melnikova O. A.* Information support for the foreign policy activities of modern states (political science analysis): dis. ... candidate of Political Science. Moscow, 2021, 204 p. (in Russian). 204 p.

6. *Msoeva F. B., Lolaeva A. S.* Problems of Sovereignty and Federalism in the History and Law of Russia. 2018. No. 1. Pp. 7–10.

7. *Nudnenko L. A.* Constitutional Law of Russia: textbook for universities / L. A.Nudnenko. 10th ed., reprint. Moscow: Yurayt Publishing House, 2024. 526 p.

8. *Ebzeev B. S.* Globalization and the formation of transnational constitutionalism. Elections. Power. 2016. № 2-3. Pp. 3–20.

For citation: Grubov A.A. State Sovereignty in the Modern Era: article // *Yuridicheskaya mysl.* 2024. № 2 (134). P. 37–41.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.33

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.42

СООТНОШЕНИЕ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М.А. Дидидзе*

Аннотация. В статье анализируются понятия «государство» и «право», теоретические аспекты их соотношения между собой, акцентируется внимание на сложности вопросов определения данных понятий. Автор анализирует основные концепции, такие как: тоталитарная, либеральная, прагматическая, выявляя их ключевые принципы и особенности.

Ключевые слова: государство, право, соотношение государства и права, модели соотношения государства и права, теоретические концепции.

Государство и право – это необходимые формы организации совместной жизни людей. Сложность и проблемы их соотношения связаны с тем, что с постоянным развитием общества возникают новые подходы к определению сущности таких понятий как государство и право. Для подробного анализа соотношения государства и права в первую очередь необходимо уяснить понятия и определить признаки, сущность и государства, и права [2].

Вопрос определения понятия государства является дискуссионным, так как связан с этапами формирования и развития института государства. Первоначально под термином государство подразумевалось объединение людей, проживающих на определенной территории и подчиняющихся единому правительству, обладающему суверенной властью [4].

Как писал Г. Кельзен, понятие государства может употребляться в двух смыслах: узком и широком. В узком понимании под государством может пониматься для обозначения какого-либо государственного органа, территории, на которой проживает население, а в широком – для обозначения общества как такового или же какой-либо особой формы общества [10, с. 181]. Таким образом, это свидетельствует о том, что термин «государство» может быть употреблен в нескольких смысловых значениях, которые рассматривают разные явления.

---

* **Дидидзе Милана Аркадьевна**, магистрант кафедры экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова. E-mail: ma.dididze@gmail.com

Научный руководитель – **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой экономических и финансовых расследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. E-mail: matgip2017@yandex.ru

Иные авторы – Гогин А.А., Липинский Д.А., Малько А.В., также придерживаются целесообразности интерпретирования понятия государства в узком и широком смысле. Под государством в широком смысле они выделяют организованное общество, которое объединяет территория, а не родственная связь (как было в первобытном обществе) [4]. Характерным признаком для такого общества является аппарат управления, который выделяется из самого общества (публичная власть) и не совпадает с самим обществом. Под государством в широком смысле авторы понимают «политико-территориальный союз людей, управляемый особой публичной властью, выраженной в специальном аппарате управления и принуждения» [4]. Приведенное понятие позволяет достаточно точно выделить признаки государства.

Исходя из определений в современной учебной литературе, можно сделать вывод, что государство определяется как «политическая организация общества, обеспечивающая его единство и целостность, осуществляющая посредством государственного механизма управление делами общества, суверенную публичную власть, придающая праву общеобязательное значение, гарантирующая права, свободы граждан, законность и правопорядок» [9].

Вышеперечисленные определения государства – не единственные, каждый авторы на разных этапах развития общества наделяли «государство» признаками, присущими конкретному этапу развития. На современном этапе развития Российской Федерации, с присущими государству признаками – наличие публичной власти, административно-территориальная организация, регулярный сбор налогов, суверенитет, аппарат принуждения, и складывается понятие «государства».

Государство – это субъект управления и власти, а право выступает в качестве его инструмента. Право – это важный инструмент воздействия на государство (например, установление общеобязательных норм для государственных служащих) и регулирования общественных, экономических и иных отношений.

В юридической литературе нет единого определения права, так как право представляет собой сложное общественное явление, имеющее важную роль в жизни общества. Но, в первую очередь, право представляет собой систему норм или правил поведения.

В общем смысле под правом понимается система общеобязательных норм поведения, закрепленных в законах и других признаваемых государством источниках (позитивное право).

Так как государство и право – это два сложных общественных явления, то относительно соотношения государства и права также нет единого мнения. В современной юридической литературе выделяют три модели соотношения государства и права: 1) тоталитарная; 2) либеральная; 3) прагматическая [3]. С.А. Комаров предлагает выделять: этатистский, естественно-правовой и интегративный подходы к вопросу о соотношении государства и права [1, с. 82].

Тоталитарная модель соотношения государства и права предусматривает приоритет государства над правом, то есть право при таком подходе

де находится в подчиненном положении, а государство устанавливает такое право, которое будет отвечать интересам государства. В рамках тоталитарной модели законность означает не соблюдение субъективных прав и свобод, а соблюдение норм права, исходящих от государства [7].

Либеральная модель предусматривает связанность государства и права, при этом праву принадлежит приоритет в сравнении с государством. В рамках этой модели государство ограничивается правом (эта модель вытекает из нерушимости естественного закона и неотчуждаемости основанных на нем субъективных прав).

В либеральной модели право порождает государство – как социальную организацию, которая приводит поведение людей в соответствие с нормами права [5, с. 58].

Либеральная модель соотношения государства и права обычно утверждает, что государство существует для защиты прав и свобод индивидуумов, а также для обеспечения справедливости и равенства перед законом. Эта модель часто поддерживает идею разделения властей и ограничения власти государства, чтобы предотвратить злоупотребления и сохранить субъективные права.

Третья модель соотношения государства и права – *прагматическая*, предусматривает связь государства и права, то есть государство и право не могут существовать друг без друга и оказывают воздействие друг на друга. Соответственно, в данной модели прослеживается двухсторонняя связь: право без государства бессильно, государство же не способно существовать без права как регулятора общественных отношений [6].

Прагматическая модель соотношения государства и права подразумевает, что правовые нормы и институты должны быть гибкими и адаптивными к изменяющимся обстоятельствам и потребностям общества. Она признаёт, что правовая система должна учитывать конкретные обстоятельства и эффективно реагировать на вызовы времени, вместо того чтобы строго придерживаться абстрактных принципов. Эта модель подчеркивает практические результаты и решения, ориентированные на достижение конкретных целей, вместо того чтобы стремиться к абсолютной идеальности. В рамках прагматической модели «государство находит в праве порядок, а право в государстве – власть, которую оно утверждает» [8, с. 239].

Прагматический подход к соотношению государства и права позволяет выявить путем анализа, насколько успешно правовая система реагирует на вызовы и потребности общества, а также способность правовых институтов адаптироваться к изменяющимся обстоятельствам. Оценка эффективности законодательства, его реализации и применения на практике является ключевым критерием при применении прагматического подхода.

Таким образом, в настоящее время в юридической науке наблюдается разнообразие подходов к соотношению государства и права, и нет одного преобладающего подхода. Различные школы права и теории предлагают разные интерпретации этого соотношения. Предпочтительный подход может зависеть от конкретной страны, политической ситуации, исторического контекста и взглядов ученых.

Библиографический список

1. Комаров, С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С.А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2018. – 504 с.
2. Мартышин О.В. К истории формирования понятия «государство» // Вестник университета им. О.Е. Кутафина. – 2018. – № 4 (44). – С. 37–48.
3. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник / Н.И. Матузов, А.В. Малько. – М.: Юрист, 2004. – 245 с.
4. Теория государства и права [Текст]: учебник / [А. А. Гогин и др.]; под ред. А.В. Малько и Д.А. Липинского. – М.: Проспект, 2016. – 324 с.
5. Теория государства и права: сборник статей / Красноярский университет [КрасГУ]. Юридический институт [ЮИ]; отв. ред. В.Д. Ардашкин; редкол.: И.Д. Мишина, В.М. Шафиров. – [4-е изд., перераб. и доп.]. – Красноярск: Красноярский университет [КрасГУ], 2004. – 253 с. – ISBN 5-9604000-5-7
6. Теория государства и права: учебник / Л. А. Морозова. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Эксмо, 2010. – 510 с.
7. Салихов М.М. Взаимодействие государства и права в правовом государстве // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2013. – № 15 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-gosudarstva-i-prava-v-pravovom-gosudarstve> (дата обращения: 22.05.2024).
8. Сырых В.М. Проблемы теории государства и права: учебник / [Кашанина Т.В. и др.]. – М.: Эксмо, 2008. – 525 с.
9. Шевчук, Д.А. Теория государства и права: конспект лекций / Д.А. Шевчук. – М., 2009. – 299 с.
10. Kelsen H. General Theory of Law and State. N.Y., 1961. 516 p.

Для цитирования: Дидидзе М.А. Соотношение государства и права: теоретический аспект: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 42–45.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.42

**THE RELATIONSHIP BETWEEN STATE AND LAW:
THEORETICAL ASPECT****Milana A. Dididze***

Annotation. The article analyzes the concepts of "state" and "law", theoretical aspects of their relationship with each other, focusing on the complexity of issues of defining these concepts. The author analyzes the main concepts, such as totalitarian, liberal, pragmatic, identifying their key principles and features.

Keywords: state, law, relationship between state and law, models of relationship between state and law, theoretical concepts.

---

* **Dididze Milana Arkadyevna**, Master's student of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (faculty) of Moscow State University named after M.V. Lomonosov. E-mail: ma.dididze@gmail.com

Scientific supervisor: **Alik Galimzyanovich Khabibulin**, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: matgip2017@yandex.ru

The state and law are necessary forms of organizing the common life of people. The complexity and problems of their relationship are related to the fact that with the constant development of society, new approaches to defining the essence of such concepts as state and law arise. For a detailed analysis of the relationship between state and law, it is first necessary to clarify the concepts and determine the characteristics and essence of both the state and law [2].

The question of defining the concept of the state is debatable, since it is associated with the stages of formation and development of the institution of the state. Initially, the term state implied an association of people living in a certain territory and subordinate to a single government with sovereign power [4].

As G. Kelsen wrote, the concept of the state can be used in two senses: narrow and broad. In a narrow sense, the state can be understood to denote any government body, the territory in which the population lives, and in a broad sense – to denote society as such or any special form of society [10, p. 181]. Thus, this indicates that the term "state" can be used in several semantic meanings that consider different phenomena.

Other authors – Gogin A.A., Lipinsky D.A., Malko A.V., also adhere to the expediency of interpreting the concept of the state in a narrow and broad sense. Under the state in a broad sense, they distinguish an organized society that is united by territory, and not by kinship (as was the case in primitive society) [4]. A characteristic feature of such a society is the management apparatus, which is separated from the society itself (public authority) and does not coincide with the society itself. Under the state in a broad sense, the authors understand "a political-territorial union of people, governed by a special public authority, expressed in a special apparatus of governance and coercion" [4]. The given concept allows us to quite accurately identify the features of the state.

Based on the definitions in modern educational literature, we can conclude that the state is defined as "a political organization of society that ensures its unity and integrity, exercises through the state mechanism the management of society's affairs, sovereign public power, giving the law a generally binding meaning, guaranteeing the rights, freedoms of citizens, legality and law and order" [9].

The above definitions of the state are not the only ones; each author at different stages of society's development endowed the "state" with features inherent to a specific stage of development. At the current stage of development of the Russian Federation, with the features inherent to the state – the presence of public authority, administrative-territorial organization, regular tax collection, sovereignty, coercive apparatus, the concept of "state" is formed.

The state is the subject of governance and power, and law acts as its instrument. Law is an important instrument of influence on the state (for example, establishing generally binding standards for civil servants) and regulating social, economic and other relations.

There is no single definition of law in legal literature, since law is a complex social phenomenon that plays an important role in the life of society. But first of all, law is a system of norms or rules of conduct.

In a general sense, law is understood as a system of generally binding norms of conduct enshrined in laws and other sources recognized by the state (positive law).

Since the state and law are two complex social phenomena, there is also no consensus regarding the relationship between the state and law. In modern legal literature, three models of the relationship between the state and law are distinguished: 1) totalitarian; 2) liberal; 3) pragmatic [3]. S.A. Komarov suggests distinguishing between the statist, natural law and integrative approaches to the issue of the relationship between the state and law [1, p. 82].

The totalitarian model of the relationship between state and law provides for the priority of the state over law, that is, law under this approach is in a subordinate position, and the state establishes a law that will meet the interests of the state. Within the framework of the totalitarian model, legality does not mean the observance of subjective rights and freedoms, but the observance of legal norms emanating from the state [7].

Liberal model provides for the connection between the state and law, with law having priority over the state. Within the framework of this model, the state is limited by law (this model follows from the inviolability of natural law and the inalienability of subjective rights based on it).

In the liberal model, law gives rise to the state as a social organization that brings people's behavior into line with the norms of law [5, p. 58].

The liberal model of the relationship between state and law usually asserts that the state exists to protect the rights and freedoms of individuals, as well as to ensure justice and equality before the law. This model often supports the idea of separation of powers and limiting the power of the state in order to prevent abuses and preserve subjective rights.

The third model of the relationship between state and law is *pragmatic*, it provides for a connection between state and law, that is, state and law cannot exist without each other and have an impact on each other. Accordingly, in this model a two-way connection can be traced: law without the state is powerless, while the state is not capable of existing without law as a regulator of social relations [6].

The pragmatic model of the relationship between state and law implies that legal norms and institutions should be flexible and adaptive to changing circumstances and the needs of society. It recognizes that the legal system should take into account specific circumstances and respond effectively to the challenges of the time, rather than strictly adhering to abstract principles. This model emphasizes practical results and solutions aimed at achieving specific goals, rather than striving for absolute perfection. Within the framework of the pragmatic model, "the state finds order in law, and law in the state – the power that it asserts" [8, p. 239].

The pragmatic approach to the relationship between state and law allows us to identify through analysis how successfully the legal system responds to the challenges and needs of society, as well as the ability of legal institutions to adapt to changing circumstances. Evaluation of the effectiveness of legislation, its implementation and application in practice is a key criterion when applying the pragmatic approach.

Thus, at present, there is a variety of approaches to the relationship between state and law in legal science, and there is no single prevailing approach. Different schools of law and theory offer different interpretations of this rela-

tionship. The preferred approach may depend on the specific country, political situation, historical context, and scholarly views.

Bibliographic list

1. Komarov, S.A. General Theory of State and Law: textbook for universities / S.A. Komarov. 10th ed., cor. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2018. 504 p.
2. Martyshin, O.V. On the history of the formation of the concept of "state" // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2018. No. 4 (44). P. 37–48.
3. Matuzov, N.I., Malko, A.V. Theory of State and Law: textbook / N.I. Moscow: Jurist, 2004. 245 p.
4. Theory of State and Law [Text]: textbook / [A.A. Gogin et al.]; edited by A.V. Malko and D.A. Lipinsky. Moscow: Prospect, 2016. 324 p.
5. Theory of State and Law: Collection of Articles / Krasnoyarsk University [KrasGU]. Law Institute [UI]; ed. V.D. Ardashkin; editorial board: I.D. Mishina, V.M. Shafirov. [4th ed., revised and enlarged]. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk University [KrasGU], 2004. 253 p. ISBN 5-9604000-5-7
6. Theory of State and Law: Textbook / L. A. Morozova. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Eksmo, 2010. 510 p.
7. Salikhov M.M. Interaction of State and Law in a Rule of Law State // Legality and Law and Order in Modern Society. 2013. No. 15 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimodeystvie-gosudarstva-i-prava-v-pravovom-gosudarstve>.
8. Syrykh V.M. Problems of the Theory of State and Law. Moscow: Eksmo, 2008. 525 p.
9. Shevchuk, D.A. Theory of State and Law: Lecture Notes / D.A. Shevchuk. Moscow, 2009. 299 p.
10. Kelsen H. General Theory of Law and State. N.Y., 1961. 516 p.

For citation: Dididze M.A. The relationship between state and law: theoretical aspect: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 45–48.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.42

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 348.01/.07

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.49

СРАВНЕНИЕ СВЕТСКОГО И ЦЕРКОВНОГО СУДА

А.С. Каротаев*

Аннотация. Судебная система является неотъемлемой частью механизма государственной власти любого государства, она обеспечивает защиту прав и свобод граждан, а также разрешает споры, возникающие между субъектами права. В истории человечества существовали различные формы судопроизводства. На протяжении многих лет на территории России сосуществовали такие формы как: суд светский и суд церковный. Данная статья посвящена сравнению этих двух институтов, анализируются их исторические корни, принципы функционирования, а также современное состояние.

Ключевые слова: светский суд, церковный суд, право, религия, православие, каноническое право, божественное право.

История и принципы деятельности судебной системы. Судебная система является одним из важнейших институтов любого государства, обеспечивая правопорядок и справедливость. Исторически сложилось так, что наряду со светскими судами, функционирующими на основе государственного законодательства, существовали и церковные суды, руководствующиеся религиозными нормами и канонами. На протяжении веков эти две системы взаимодействовали и влияли друг на друга.

Светский суд имеет долгую историю, уходящую корнями в древние цивилизации, само его зарождение связано с возникновением государства. С развитием государства и права светский суд приобрел четкую структуру и процедуры, основанные на законах.

Церковный суд также имеет древнюю историю, связанную с формированием религиозных институтов. В разных конфессиях церковный суд развивался по-разному, но общими оставались его религиозный характер и ориентированность на каноническое право.

В России вплоть до начала XVIII века православный церковный суд обладал широкой юрисдикцией, рассматривая не только дела, связанные с религиозными вопросами, но и некоторые гражданские дела. Реформы

---

* **Каротаев Алексей Сергеевич**, обучающийся 1 курса факультета подготовки следователей ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева». E-mail: akarotaev@yandex.ru

Научный руководитель – **Сунцова Елена Анатольевна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева», кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции. E-mail: suntsovanelly@mail.ru

Петра I существенно ограничили компетенцию церковного суда, передав большую часть дел в ведение светских судов. По сути, произошло разделение судебной системы на государственную и церковную. И такая система просуществовала на протяжении двух веков. Но события 1917 года и последующий советский период государственности стали тяжелыми испытаниями для церкви. Осуществлялись церковные гонения, закрывали храмы, проводилась антирелигиозная политика. Послабления были, но они носили временный характер. Поворотный момент произошел в конце 1980-х годов, когда была объявлена политика гласности, был снят запрет на религиозную пропаганду, а религиозные объединения получили большую свободу, в сравнении с предшествующим советским периодом государственности.

Светский суд руководствуется рядом принципов, закрепленных в Федеральном конституционном законе «О судебной системе Российской Федерации» [3], в Уголовно-процессуальном кодексе РФ [4], Кодексе административного судопроизводства Российской Федерации [5] и в других нормативных правовых актах. К ним можно отнести принципы законности, независимости, состязательности и гласности, и другие.

Церковные суды Русской Православной Церкви тоже имеют свою внутреннюю нормативную основу и на основе её осуществляют судебную власть. Они руководствуются священными канонами, Уставом Русской Православной Церкви, Положением о церковном суде Русской Православной Церкви, и иными установлениями Православной церкви [9].

Необходимо также сказать о разном происхождении права церковного и права светского. Светское право исходит от государства и ее основу ее деятельности составляют источники права, признанные в государстве. В свою очередь, первоисточником церковного права является Божественная воля Основателя Церкви. Она действовала в Церкви при ее создании – ей Церковь будет подчиняться «во все дни до скончания века» [6].

Нормы Божественного права выступают основным источником церковного права. Но из этого следует, что нормы не охватывают полностью весь строй и порядок церковной жизни. Они служат лишь первооснованием, высшим началом законодательства самой Церкви. В связи с этим Церковь сама является источником права, регламентируя свое внутрицерковное устройство.

Но, Церковь – как институт является неотъемлемой частью общества, где наряду с собственно церковным законодательством источником права для Церкви служит и государственное законодательство. Это объясняется тем, что в области внешнего права Церкви, то есть ее правового положения в государстве и гражданском обществе, воля государственной власти является суверенной и единственным законодательным источником [6], но как было выше сказано – внутреннее устройство определяется самостоятельно и независимо от государства.

Сравнительная характеристика. Церковный суд в современных условиях имеет определенную юрисдикцию, рассматривая дела, связанные с внутренними вопросами религиозных организаций, такие как дисциплинарные проступки священнослужителей, брачно-семейные отношения верующих, вопросы канонического права. Церковные суды предназначены

для восстановления нарушенного порядка и строя церковной жизни и призваны способствовать соблюдению священных канонов и иных установлений Православной Церкви.

Сравнивая светский и церковный суды, следует признать, что это два разных института правосудия с различными целями и принципами. Они не конкурируют друг с другом, а дополняют друг друга, отражая разные аспекты жизни человека – гражданский и духовный.

В современном мире светские суды играют главную роль в обеспечении справедливости и защите прав и свобод субъектов права. Церковные суды сохраняют свое влияние на духовную жизнь верующих и священнослужителей церкви и могут быть применены для разрешения религиозных споров.

Характеристика	Светский суд	Церковный суд
Основа деятельности	Нормативные правовые акты, принятые государством	Священные каноны, Устав Русской Православной Церкви, Положение о церковном суде Русской Православной Церкви, иные установления Православной церкви
Принципы деятельности	Равенство всех перед законом и судом, состязательность сторон, презумпция невиновности, гласность и др.	Религиозные нормы, священные каноны.
Предназначение	Защита прав и свобод граждан, конституционного строя РФ, соблюдение законности и справедливости при исполнении и применении законов и иных нормативных актов	Предназначены для восстановления нарушенного порядка и строя церковной жизни и призваны способствовать соблюдению священных канонов и иных установлений Православной Церкви
Субъекты правосудия	Граждане государства, лица, находящиеся на территории РФ	Верующие, принадлежащие к Православной Церкви, священнослужители Церкви
Санкции за нарушение правил	Штрафы, лишение свободы, другие меры наказания, предусмотренные законом	Епитимья, то есть понуждение к покаянию, запрещение в служении для священников, отлучение от Церкви
Влияние на общество	Применяет правовые нормы, регулирует общественные отношения, защищает права граждан	Влияет на моральные и нравственные устои общества, формирует мировоззрение, регулирует семейные отношения, оказывает влияние на духовную жизнь верующих

Современное состояние. В современном мире светский и церковный суд сосуществуют, взаимодействуя и дополняя друг друга в определенных сферах.

Хотя в Конституции РФ закреплено, что государство является светским [1; 7], духовная составляющая обществу необходима. Так в ноябре

2013 года участники конференции «Триумф и крах империи: уроки истории», среди которых были российские бизнесмены, общественные деятели и ученые, выступили с инициативой закрепить особую роль православия в Конституции России. В своем обращении они заявили: «Государственный суверенитет Российской Федерации – это закон. Мы призываем поддерживать и ее духовный суверенитет, провозгласив особую роль православия в Конституции России» [8].

Позднее 14 марта 2020 года Законом Российской Федерации о поправке Конституцию РФ была введена статья 67.1, где в п. 2 закреплено: «Российская Федерация, объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство» [2].

Упоминание о вере в Бога может служить основой для укрепления нравственных устоев общества и формирования его духовной сплоченности. Также это показывает значимость церкви для общества. В связи с этим такой институт как церковный суд не потеряет своей востребованности и будет одним из «инструментов» поддержания духовной чистоты общества.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru/
2. Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // www.consultant.ru/
3. Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 16.04.2022) «О судебной системе Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) // www.consultant.ru/
4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // www.consultant.ru/
5. «Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации» от 08.03.2015 № 21-ФЗ (ред. от 06.04.2024) // www.consultant.ru/
6. Каноническое право. Государственное законодательство по церковным делам – протоиерей Владислав Цыпин // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyпин/kanonicheskoe-pravo/1_15 (Дата обращения: 28.05.2024).
7. Комаров С.А. и др. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
8. Обращение о признании в Конституции особой роли Православия // URL: <https://www.pravmir.ru/obrashhenie-o-priznanii-v-konstitucii-osoboj-rol-i-pravoslaviya/> (Дата обращения: 01.06.2024).
9. Положение о церковном суде Русской Православной Церкви (Московского Патриархата) от 26.06.2008 // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428440.html> (Дата обращения: 28.05.2024).

Для цитирования: Каротаев А.С. Сравнение светского и церковного суда: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 49–52.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.49

COMPARISON OF SECULAR AND ECCLESIASTICAL COURT

Aleksey S. Karotaev*

Annotation. The judicial system is an integral part of the mechanism of state power of any state, it ensures the protection of the rights and freedoms of citizens, and also resolves disputes arising between subjects of law. In the history of mankind, there were various forms of legal proceedings. For many years, such forms as secular court and ecclesiastical court coexisted on the territory of Russia. This article is devoted to the comparison of these two institutions, their historical roots, principles of functioning, as well as the current state are analyzed.

Keywords: secular court, ecclesiastical court, law, religion, Orthodoxy, canon law, divine law.

History and principles of the judicial system. The judicial system is one of the most important institutions of any state, ensuring law and order and justice. Historically, along with secular courts, functioning on the basis of state legislation, there were also ecclesiastical courts, guided by religious norms and canons. Over the centuries, these two systems interacted and influenced each other.

The secular court has a long history, rooted in ancient civilizations, its very origin is associated with the emergence of the state. With the development of the state and law, the secular court acquired a clear structure and procedures based on laws.

The ecclesiastical court also has an ancient history associated with the formation of religious institutions. In different confessions, the ecclesiastical court developed differently, but its religious character and focus on canon law remained common.

In Russia, up until the beginning of the 18th century, the Orthodox church court had broad jurisdiction, considering not only cases related to religious issues, but also some civil cases. The reforms of Peter I significantly limited the competence of the church court, transferring most of the cases to the jurisdiction of secular courts. In essence, the judicial system was divided into state and church. And this system existed for two centuries. But the events of 1917 and the subsequent Soviet period of statehood became difficult trials for the church. Church persecutions were carried out, churches were closed, anti-religious policies were carried out. There were concessions, but they were temporary. The turning point occurred in the late 1980s, when the policy of glasnost was announced, the ban on religious

---

* **Karotaev Aleksey Sergeevich**, 1st year student of the faculty of training investigators of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow Academy of the Investigative Committee named after A. Ya. Sukharev". E-mail: akarotaev@yandex.ru

Supervisor – **Elena Anatolyevna Suntsova**, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev", Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Lieutenant Colonel of Justice. E-mail: suntsovanelly@mail.ru

propaganda was lifted, and religious associations received greater freedom, in comparison with the previous Soviet period of statehood. The secular court is guided by a number of principles enshrined in the Federal Constitutional Law "On the Judicial System of the Russian Federation" [3], in the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [4], the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation [5] and other regulatory legal acts. These include the principles of legality, independence, adversarial proceedings and publicity, and others.

The ecclesiastical courts of the Russian Orthodox Church also have their own internal regulatory framework and exercise judicial power on its basis. They are guided by sacred canons, the Charter of the Russian Orthodox Church, the Regulation on the ecclesiastical court of the Russian Orthodox Church, and other regulations of the Orthodox Church [9].

It is also necessary to mention the different origins of ecclesiastical law and secular law. Secular law comes from the state and its basis of activity is formed by sources of law recognized in the state. In turn, the primary source of ecclesiastical law is the Divine will of the Founder of the Church. It was in force in the Church at its creation – the Church will be subordinate to it “all the days until the end of the age” [6].

The norms of Divine Law are the main source of Church law. But it follows from this that the norms do not fully cover the entire structure and order of Church life. They serve only as the primary foundation, the highest principle of the legislation of the Church itself. In this regard, the Church itself is a source of law, regulating its internal Church structure.

But the Church as an institution is an integral part of society, where, along with church legislation itself, the source of law for the Church is also state legislation. This is explained by the fact that in the area of external law of the Church, that is, its legal status in the state and civil society, the will of state power is sovereign and the only legislative source [6], but as was said above, the internal structure is determined independently and independently of the state.

Comparative characteristics. In modern conditions, the ecclesiastical court has a certain jurisdiction, considering cases related to internal issues of religious organizations, such as disciplinary offenses of clergy, marital and family relations of believers, and issues of canon law. Church courts are intended to restore the disturbed order and structure of church life and are called upon to promote observance of sacred canons and other regulations of the Orthodox Church.

Comparing secular and ecclesiastical courts, it should be recognized that these are two different institutions of justice with different goals and principles. They do not compete with each other, but complement each other, reflecting different aspects of human life – civil and spiritual. In the modern world, secular courts play a major role in ensuring justice and protecting the rights and freedoms of legal entities. Church courts retain their influence on the spiritual life of believers and clergy of the church and can be used to resolve religious disputes.

Characteristic	Secular court	Church court
Basis	Regulatory legal acts adopted by the state	Sacred canons, the Charter of the Russian Orthodox Church, the Regulation on the Church Court of the Russian Orthodox Church, and other regulations of the Orthodox Church
Of activity Principles	Equality of all before the law and the court, adversarial nature of the parties, presumption of innocence, publicity, etc.	Religious norms, sacred canons
Of activity Purpose Subjects	Protection of the rights and freedoms of citizens, the constitutional order of the Russian Federation, observance of legality and justice in the execution and application of laws and other regulations	They are intended to restore the disturbed order and structure of church life and are called upon to promote the observance of sacred canons and other regulations of the Orthodox Church
Of justice	Citizens of the state, persons located on the territory of the Russian Federation	Believers belonging to the Orthodox Church, clergy of the Church
Penalties For violating	Fines, imprisonment, other penalties provided by law	Penance, that is, compulsion to repent, prohibition of service for priests, excommunication from the Church
Influence on society rules	Applies legal norms, regulates public relations, protects the rights of citizens	Influences the moral and ethical foundations of society, forms a worldview, regulates family relationships, and influences the spiritual life of believers

Current state. In the modern world, secular and ecclesiastical courts co-exist, interacting and complementing each other in certain areas.

Although the Constitution of the Russian Federation establishes that the state is secular [1; 7], a spiritual component is necessary for society. Thus, in November 2013, participants in the conference "Triumph and Collapse of the Empire: Lessons of History", among whom were Russian businessmen, public figures and scientists, came forward with an initiative to enshrine the special role of Orthodoxy in the Constitution of Russia. In their address, they stated: "The state sovereignty of the Russian Federation is the law. We call for support for its spiritual sovereignty, proclaiming the special role of Orthodoxy in the Constitution of Russia" [8].

Later, on March 14, 2020, the Law of the Russian Federation on Amending the Constitution of the Russian Federation introduced Article 67.1, where paragraph 2 states: "The Russian Federation, united by a thousand-year history, preserving the memory of ancestors who passed on to us ideals and faith in God, as well as continuity in the development of the Russian state, recognizes the historically established state unity" [2].

Mentioning faith in God can serve as a basis for strengthening the moral foundations of society and forming its spiritual cohesion. It also shows the importance of the church for society. In this regard, such an institution as a church court will not lose its relevance and will be one of the “instruments” for maintaining the spiritual purity of society.

Bibliographic list

1. "Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru/
2. Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation dated 14.03.2020 No. 1-FKZ "On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority" // www.consultant.ru/
3. Federal Constitutional Law dated 31.12.1996 No. 1-FKZ (as amended on 16.04.2022) "On the judicial system of the Russian Federation" (as amended and supplemented, entered into force on 01.01.2023) // www.consultant.ru/
4. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" dated 18.12.2001 No. 174-FZ (as amended on 22.04.2024) // www.consultant.ru/
5. "Code of Administrative Procedure of the Russian Federation" dated 08.03.2015 No. 21-FZ (as amended on 06.04.2024) // www.consultant.ru/
6. Canon Law. State Legislation on Church Affairs – Archpriest Vladislav Tsyypin // URL: https://azbyka.ru/otechnik/Vladislav_Tsyypin/kanonicheskoe-pravo/1_15 (Accessed: 28.05.2024).
7. Komarov S.A. et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2023. 411 p. (Series: Professional commentary).
8. Appeal on the recognition of the special role of Orthodoxy in the Constitution // URL: <https://www.pravmir.ru/obrashhenie-o-priznanii-v-konstitucii-osoboj-rolipravosla-viya/> (Date of access: 01.06.2024).
9. Regulation on the church court of the Russian Orthodox Church (Moscow Patriarchate) dated 26.06.2008 // URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/428440.html> (Date of access: 28.05.2024).

For citation: Karotaev A.S. Comparison of secular and ecclesiastical court: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 53–56.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.49

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.114.5

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.57

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ОСНОВНОЙ КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ СОСТОЯНИЯ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА

А.Р. Кизатов*
Д.А. Прошаков**

Аннотация. В статье рассматриваются характерные черты феномена правовая культура. Анализируются основные компоненты и значимость правовой культуры, а также связь между правовой культурой и правосознанием. Рассматриваются факторы, способствующие негативному воздействию на правовую культуру общества, включая такие как: правовой нигилизм и правовой идеализм.

Ключевые слова: общество, правовая культура, правосознание, правовые явления, правовой нигилизм, правовой идеализм.

Общественное развитие невозможно без формирования правовой культуры общества, которая выступает в качестве объективной необходимости, и является показателем его зрелости. В юридической литературе под правовой культурой понимается «обусловленное всем социальным, духовным, политическим и экономическим строем качественное состояние правовой жизни общества, выражающееся в достигнутом уровне развития правовой деятельности, юридических актов, правосознания и в целом в уровне правового развития субъекта (человека, различных групп, всего населения), а также степени гарантированности государством и гражданским обществом свобод и прав человека» [9, с. 152]. Правовую культуру можно рассматривать в **широком** и **узком** смысле слова. Правовая культура (в широком смысле слова) – это совокупность компонентов юридической надстройки в их реальном функционировании, комплекс представлений той или иной общности людей о праве, его реализации, о деятельно-

---

* **Кизатов Амин Русланович**, обучающийся ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева». E-mail: kizatovamin5@gmail.ru

** **Прошаков Дмитрий Александрович**, обучающийся ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева». E-mail: dimaproshakov@yandex.ru

Научный руководитель – **Сунцова Елена Анатольевна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин факультета подготовки следователей ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета Российской Федерации имени А.Я. Сухарева», кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции. E-mail: suntsovanelly@mail.ru

сти государственных органов, должностных лиц, а правовая культура (в узком смысле слова) – это совокупность материализованных идей, чувств, представлений как осознанной необходимости и внутренней потребности поведения личности в сфере права, базирующаяся на правовом сознании [5, с. 443–444].

Таким образом, правовая культура представляет собой определенный уровень развития правовой жизни общества. Этот уровень правовой жизни социума складывается из различных частей или элементов.

Правовая культура является довольно сложным и необычным явлением, которое имеет большое количество характерных признаков [2; 3], но нами будут выделены самые главные.

Во-первых, высокий уровень правосознания. Чтобы дать характеристику этому признаку, нужно разобраться с понятийно-категориальным аппаратом, а именно с «правосознанием». По поводу этого феномена юристы спорят до сих пор, потому что определение этого понятия зависит от типа правопонимания, которого придерживается субъект, поэтому единого понятия нет [1]. Например, Рыбаков В. А. в своей работе «Правосознание: к вопросу о понятии» дал определение, которое наиболее полно отражает всю природу правосознания: «правосознание – это система знаний о праве, об истории становления и развития права, его современного состояния, система понятий, идей о должном порядке правового регулирования общественной жизни» [8, с. 23].

Таким образом, предполагается осведомленность о действующем законодательстве, об истории правовой семьи, к которой относятся те или иные правовые явления; соблюдение, исполнение или использование этих законов, так, как только знание юридических предписаний не даст ожидаемого результата; правильное осознание своих прав и обязанностей, свободы и ответственности, своего статуса в обществе, норм взаимоотношений с другими людьми, согражданами, о чем писали еще дореволюционные исследователи [4, с. 5–20]. Следует отметить также и юридическую активность, то есть организованную инициативную работу лиц по предотвращению нарушений закона; борьбу с преступностью; обеспечение законности и соблюдения законов в обществе; преодоление юридического беспредела; убежденность в важности, пользе и нужности законов и других нормативно-правовых актов, внутреннее принятие их.

Также правовая культура имеет собственную структуру, которая представлена двумя элементами: *идеологическим* (охватывает все аспекты права в его различных формах и проявлениях, что делает ее уникальной по сравнению с другими формами идеологии) и *психологическим* (познание объекта опытным путем, то есть на своем личном опыте).

Так же стоит отметить, что правовая культура и правосознание являются двумя важными аспектами правовой системы любого общества. Правовая культура представляет собой совокупность норм, ценностей, обычаев и традиций, которые формируются в процессе жизни общества и оказывают влияние на поведение его членов в сфере права. Правосознание – это сознательная реализация (соблюдение, исполнение, использование) прав и обязанностей каждым гражданином, это форма общественного сознания, си-

стема понятий, представлений, идей о должном порядке правового регулирования общественной жизни [5, с. 436].

Связь между правовой культурой и правосознанием неразрывна. Правовая культура формирует правосознание, влияя на восприятие гражданами правовых норм и принципов, их поведение в соответствии с законом и сознательную позицию по отношению к правам и обязанностям. Без развитой правовой культуры невозможно формирование правосознания и сознательного соблюдения правил правового порядка.

Одним из важных аспектов взаимосвязи правовой культуры и правосознания является правовое воспитание. Оно направлено на формирование у граждан знаний о законах, правилах поведения и правах, развитие навыков соблюдения правовых норм и принципов. Через правовое воспитание общество передает свои ценности и нормы, укрепляет правовую культуру и формирует у граждан сознательное отношение к закону.

Кроме того, важным фактором, определяющим связь между правовой культурой и правосознанием, является информационная политика государства. Правительство должно осуществлять эффективную информационную работу по распространению знаний о правовых нормах и принципах, обеспечивая доступ граждан к правовой информации, проводя просветительскую деятельность и поддерживая диалог с обществом.

Любое общество нуждается в определенных нормах, правилах и законах, чтобы обеспечить порядок, справедливость и защиту прав граждан. Правовая культура является важной составляющей стабильности и развития общества [6]. Однако существуют, как минимум, два противоположных правовых явления, которые могут негативно повлиять на формирование правовой культуры – это правовой нигилизм и правовой идеализм.

Правовой нигилизм представляет собой отрицание значения и важности законов, правил и норм. Люди, придерживающиеся этой установки, склонны игнорировать законы и нормы общества, считая их ненужными или несправедливыми. Они могут нарушать законы без каких-либо сожалений или последствий. В результате подобного поведения формируется атмосфера беззакония и безнаказанности, что может привести к увеличению преступности и нарушений прав граждан.

Правовой идеализм, напротив, заключается в чрезмерной вере в законы и правила, идеализации правовой системы. Люди, придерживающиеся этих взглядов, могут полагать, что законы и правила автоматически гарантируют справедливость и порядок в обществе, не учитывая возможности их недостатков или пробелов. Это может привести к идеализации правовой системы, которая на самом деле далека от идеала. Люди могут слепо доверять законам и органам правопорядка, не задумываясь о возможной несправедливости или коррупции в них.

Оба явления могут иметь серьезные негативные последствия для правовой культуры общества. Правовой нигилизм может привести к разрушению законности, угрозе безопасности и устойчивости общества, а также снижению доверия к правовой системе. Люди, игнорирующие законы

и нормы, несут ответственность за свои действия и создают опасную среду для себя и окружающих.

Таким образом, подводя итог всему вышесказанному, можно сделать вывод о том, что правовая культура, несомненно, определяет качество общества, но не напрямую, она действует посредством правового сознания и правового воспитания, которые тесно связаны с данным явлением [7]. Также следует отметить, что для развития общества через повышение уровня правовой культуры необходимо государственно-правовое регулирование, а именно через разработку нормативно-правовых актов, чтобы не возникало таких разрушительных феноменов как правовой идеализм и правовой нигилизм.

Библиографический список

1. *Гуляихин В. Н.* Архетипы правосознания в системе правовой культуры личности (Архивная копия от 22 февраля 2014 на Wayback Machine) // Юридические исследования. – 2014. – № 1. – С. 54–74.

2. *Гуляихин В. Н.* Правовая культура как объект научного исследования: методологические подходы, структура и критерии оценки (Архивная копия от 16 октября 2013 на Wayback Machine) // Юридические исследования. – 2013. – № 4. – С. 135–158.

3. *Дмитриенко, Ю. Н.* Подходы к изучению украинского соционического правового сознания и культуры / Ю. Н. Дмитриенко // Форум права. – 2011. – № 3. – С. 227–231.

4. *Дугин А.Г.* Теория евразийского государства // В кн.: Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. – М., 1998. – 640 с.

5. *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: Учебник. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.

6. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учебник. – М.: Юристъ, 2004. – 245 с.

7. *Романенко М.А., Рудикова Н.В.* Правовая культура как качественное состояние правовой жизни общества // Правовая культура. – 2007 – № 1 (2). – С. 25–31.

8. *Рыбаков В. А.* Правосознание: к вопросу о понятии // Вестник Омского университета. Серия «Право». – 2015. – № 3 (44). – С. 23–28.

9. Теория государства и права: учебник / под ред. Алексеева С.С. и др. – М.: Норма, 2005. – 496 с.

Для цитирования: *Кизатов А.Р., Прошаков Д.А.* Правовая культура как основной критерий оценки состояния современного общества: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 57–60.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.57

LEGAL CULTURE AS THE MAIN CRITERION FOR ASSESSING THE STATE OF MODERN SOCIETY

Amin R. Kizatov*
Dmitry A. Proshakov**

Annotation. The article examines the characteristic features of the phenomenon of legal culture. The main components and significance of legal culture, as well as the relationship between legal culture and legal consciousness are analyzed. Factors that contribute to the negative impact on the legal culture of society, including legal nihilism and legal idealism, are considered.

Keywords: society, legal culture, legal consciousness, legal phenomena, legal nihilism, legal idealism.

Social development is impossible without the formation of a legal culture of society, which acts as an objective necessity and is an indicator of its maturity. In legal literature, legal culture is understood as “the qualitative state of the legal life of society, conditioned by the entire social, spiritual, political and economic system, expressed in the achieved level of development of legal activity, legal acts, legal consciousness and, in general, in the level of legal development of the subject (person, various groups, the entire population), as well as the degree of guarantee of freedoms and human rights by the state and civil society” [9, p. 152]. Legal culture can be considered in a broad and narrow sense of the word. Legal culture (in the broad sense of the word) is a set of components of the legal superstructure in their actual functioning, a complex of ideas of a particular community of people about the law, its implementation, about the activities of state bodies, officials, and legal culture (in the narrow sense of the word) is a set of materialized ideas, feelings, ideas as a conscious necessity and internal need for the behavior of an individual in the field of law, based on legal consciousness [5, pp. 443–444].

Thus, legal culture represents a certain level of development of the legal life of society. This level of the legal life of society consists of various parts or elements.

Legal culture is a rather complex and unusual phenomenon, which has a large number of characteristic features [2; 3], but we will highlight the most important ones.

Firstly, a high level of legal consciousness. To characterize this feature, it is necessary to understand the conceptual and categorical apparatus, namely,

---

* **Kizatov Amin Ruslanovich**, student of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev». E-mail: kizatovamin5@gmail.ru

** **Proshakov Dmitry Aleksandrovich**, student of the Federal State Educational Institution of Higher Education «Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev». E-mail: dimaproshakov@yandex.ru

Scientific supervisor – **Elena Anatolyevna Suntsova**, Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines of the Faculty of Investigator Training of the Federal State Educational Institution of Higher Education “Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation named after A.Ya. Sukharev”, Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Lieutenant Colonel of Justice. E-mail: suntsovanelly@mail.ru

"legal consciousness". Lawyers still argue about this phenomenon, because the definition of this concept depends on the type of legal understanding that the subject adheres to, so there is no single concept [1]. For example, Rybakov V. A. in his work "Legal consciousness: on the issue of the concept" gave a definition that most fully reflects the entire nature of legal consciousness: "legal consciousness is a system of knowledge about law, about the history of the formation and development of law, its current state, a system of concepts, ideas about the proper order of legal regulation of public life" [8, p. 23].

Thus, it presupposes awareness of current legislation, about the history of the legal family to which certain legal phenomena belong; compliance, execution or use of these laws, since only knowledge of legal regulations does not give the expected result; correct awareness of one's rights and obligations, freedom and responsibility, one's status in society, norms of relationships with other people, fellow citizens, which was written about by pre-revolutionary researchers [4, pp. 5–20]. It is also necessary to note legal activity, that is, organized proactive work of individuals to prevent violations of the law; the fight against crime; ensuring legality and compliance with laws in society; overcoming legal chaos; conviction in the importance, benefit and necessity of laws and other regulatory legal acts, their internal acceptance.

Also, legal culture has its own structure, which is represented by two elements: ideological (covers all aspects of law in its various forms and manifestations, which makes it unique in comparison with other forms of ideology) and psychological (knowledge of the object empirically, that is, from one's own personal experience).

It is also worth noting that legal culture and legal consciousness are two important aspects of the legal system of any society. Legal culture is a set of norms, values, customs and traditions that are formed in the course of the life of society and influence the behavior of its members in the sphere of law. Legal consciousness is the conscious realization (observance, execution, use) of rights and obligations by each citizen, it is a form of public consciousness, a system of concepts, ideas, ideas about the proper order of legal regulation of public life [5, p. 436].

The connection between legal culture and legal consciousness is inseparable. Legal culture forms legal consciousness, influencing the perception of legal norms and principles by citizens, their behavior in accordance with the law and a conscious position in relation to rights and obligations. Without a developed legal culture, it is impossible to form legal consciousness and conscious observance of the rules of the legal order.

One of the important aspects of the relationship between legal culture and legal consciousness is legal education. It is aimed at forming citizens' knowledge of laws, rules of conduct and rights, developing skills in observing legal norms and principles. Through legal education, society transmits its values and norms, strengthens legal culture and forms a conscious attitude to the law in citizens.

In addition, an important factor determining the connection between legal culture and legal consciousness is the information policy of the state. The government should carry out effective information work to disseminate

knowledge about legal norms and principles, ensuring citizens' access to legal information, conducting educational activities and maintaining a dialogue with society.

Any society needs certain norms, rules and laws to ensure order, justice and protection of citizens' rights. Legal culture is an important component of the stability and development of society [6]. However, there are at least two opposing legal phenomena that can negatively affect the formation of legal culture – legal nihilism and legal idealism.

Legal nihilism is a denial of the meaning and importance of laws, rules and norms. People who adhere to this attitude tend to ignore the laws and norms of society, considering them unnecessary or unfair. They can violate laws without any regrets or consequences. As a result of such behavior, an atmosphere of lawlessness and impunity is formed, which can lead to an increase in crime and violations of citizens' rights.

Legal idealism, on the other hand, is an excessive belief in laws and rules, an idealization of the legal system. People who hold these views may believe that laws and rules automatically guarantee justice and order in society, without taking into account the possibility of their shortcomings or gaps. This can lead to the idealization of a legal system that is in fact far from ideal. People may blindly trust laws and law enforcement agencies, without thinking about possible injustice or corruption in them.

Both phenomena can have serious negative consequences for the legal culture of society. Legal nihilism can lead to the destruction of the rule of law, a threat to the security and stability of society, and a decrease in trust in the legal system. People who ignore laws and regulations are responsible for their actions and create a dangerous environment for themselves and others.

Thus, summing up all of the above, we can conclude that legal culture undoubtedly determines the quality of society, but not directly, it acts through legal consciousness and legal education, which are closely related to this phenomenon [7]. It should also be noted that for the development of society through raising the level of legal culture, state and legal regulation is necessary, namely through the development of normative legal acts, so that such destructive phenomena as legal idealism and legal nihilism do not arise.

Bibliographic list

1. Gulyaikhin V. N. Archetypes of legal consciousness in the system of legal culture of the individual (Archive copy from February 22, 2014 on the Wayback Machine) // Legal studies. 2014. No. 1. Pp. 54–74.

2. Gulyaikhin V.N. Legal culture as an object of scientific research: methodological approaches, structure and evaluation criteria (Archive copy from October 16, 2013 on the Wayback Machine) // Legal studies. 2013. No. 4. Pp. 135–158.

3. Dmitrienko, Yu.N. Approaches to the study of Ukrainian socionic legal consciousness and culture / Yu.N. Dmitrienko // Forum of law. 2011. No. 3. Pp. 227–231.

4. Dugin A.G. Theory of the Eurasian state // In the book: Alekseev N.N. Russian people and state. Moscow, 1998. 640 p.

5. Komarov S. A. General theory of state and law: Textbook. 10th ed., corrected. and add. Moscow: Publishing house Yurait, 2022. 528 p.

6. Matuzov N.I., Malko A.V. Theory of state and law: textbook. Moscow: Jurist, 2004. 245 p.

7. Romanenko M.A., Rudikova N.V. Legal culture as a qualitative state of the legal life of society // Legal culture. 2007. No. 1 (2). P. 25–31.

8. Rybakov V.A. Legal consciousness: on the issue of the concept // Bulletin of Omsk University. Series "Law". 2015. No. 3 (44). P. 23–28.

9. Theory of State and Law: textbook / edited by Alekseev S.S. et al. Moscow: Norma, 2005. 496 p.

For citation: Kizatov A.R., Proshakov D.A. Legal culture as the main criterion for assessing the state of modern society: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 61–64.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.57

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.65

АССОЦИАЛЬНЫЙ ПОДХОД К ПОНИМАНИЮ ОБЩЕСТВЕННЫХ СИСТЕМ

К.Е. Луковкин*

Аннотация. В статье предлагается новый ассоциальный подход к пониманию сущности общественных систем любого типа, суть которого сводится к переносу субъектности с отдельного человека на союз людей, автономную социальную систему (асс). Подобная система может быть образована только при наличии у ее элементов-людей ассоциальности, то есть способности объединяться в такую систему и действовать как функции от ее имени. Новый подход восприятия социальной материи объясняется на примере базового элемента любого общества – семьи. Вводится ряд связанных с новым подходом понятий.

Ключевые слова: общая теория систем, общество, социология, философия, органическая теория, теория государства и права.

Органическая теория происхождения социальных систем и государства подвергалась последовательной критике с самого момента своего возникновения. Постепенно с учетом критики и появления новых исследований в этом направлении, данная теория претерпела конструктивные изменения и отошла от наивного социал-дарвинизма в пользу метатеории систем, междисциплинарный характер которой и применимость к социальным наукам в настоящий момент не оспаривается. В контексте последней любые социальные системы воспринимаются как объекты, существующие по законам общей теории систем, основы которой разработаны Л. Бераланфи. Последовательную теорию развития социальных систем разработал Т. Парсонс в работе «Система современных обществ», где были изложены принципы их существования с точки зрения структурно-функционального анализа [6]. Несмотря на постоянную критику уже этой теории Парсонса, она вызывает неизменный интерес у исследователей за счет достаточно точно сформулированных концепций, замены которым на сегодняшний день не существует.

Основной комплекс критических аргументов в пользу несостоятельности органической теории сводится к несовместимости физической и социальной материи: существование природы и человеческого общества якобы регулируется разными законами, которые несопоставимы [4, с. 33–34]. Безусловно, замечания о разнородности этих двух материй справедливы,

---

* **Луковкин Кирилл Евгеньевич**, доцент кафедры права Ульяновского государственного педагогического университета имени И.Н. Ульянова, кандидат исторических наук. E-mail: zvezdochet2009@yandex.ru

но близоруки и не учитывают их общего источника – природы как таковой. Человеческое общество понимается критиками как оторванная от реальности система, полностью регулируемая людьми и пребывающая в своеобразном «мире идей», в то время как проявления такого мира вполне материальны. Это довольно странный подход, согласно которому выходит, что и человек должен рассматриваться как нечто оторванное от природы, хотя очевидно, что это не так. Человек – часть природы. Разум и психология человека – тоже.

Как справедливо подчёркивает Н.И. Грачев, «...ошибочно было бы рассматривать общество и государство как исключительно социальные явления, подчиняющиеся только лишь законам общественного развития. Образование общества и государства явились этапами развития человека как части биосферы и ноосферы (энергоинформационного поля) Земли. И в качестве таковых они подчиняются законам движения всего мироздания (макрокосма)» [2, с. 19].

Вместе с тем совершенно верно, что механический перенос законов живой природы на социальные процессы тоже неверен и ведет по ложному пути. Корень противоречий видится в уяснении исследуемого объекта с точки зрения общей теории систем. Именно эта метатеория призвана соединить чисто эволюционный и социальный подходы к пониманию любого общества как исследуемого объекта. Проблема заключается в отсутствии понятийного аппарата, который мог бы адаптировать социальные явления под теорию систем. Избавившись от заимствованных из биологии устаревших понятий вроде «социальный организм», социальная система не получила нового более концептуального и точного категориально-понятийного комплекса, ограничившись привычными категориями вроде «общество», «коллектив», «государство» и т.п. В результате в социальных и правовых науках господствуют разные теории, раскрывающие отдельные аспекты социума и государства, но не объединенные в единую научную картину, а в широком дискурсе системный подход до сих пор ошибочно воспринимается как продвинутая версия органической теории.

Но, прежде, чем применить новый понятийный комплекс к социальной системе, нужно еще раз понять ее сущность и место в природе как таковой. Очевидно, что материя – это многоуровневая сущность. Исходя из общей концепции естествознания и философских постулатов, всю материю можно представить в виде пирамиды, где последовательно имеются следующие уровни, от низшего к высшему: неживая природа; живая неразумная природа; человеческое общество как носитель разума и часть живой природы.

Ни один уровень не может существовать без опоры на предыдущий и связи с ним. Все объекты на всех уровнях подчиняются универсальным законам общей теории систем, поскольку являются системами разной сложности. Вместе с тем, объекты каждого уровня имеют свои структурные особенности, присущие только им, что естественно. И, если при описании неживой и живой природы исследователи сохраняют объективность, в исследовании социальных объектов может возникнуть опасность антропного принципа: человек в обществе воспринимается как актер, полностью

управляющий социальными процессами и остальной природой, в то время как исходя из теории систем, само общество точно так же является просто частью всей материи. Иными словами, человеческое общество – это такая же природа, только более сложно устроенная, но также подчиняющаяся универсальным законам. Безусловно, общество, а шире государство или цивилизация, способны серьезно менять природу вокруг себя, но если бы оно стояло вне физических и биологических законов, то люди были бы способны, к примеру, пренебрегать земным притяжением и летать силой мысли, обходиться без пищи и тому подобное. Ничего этого мы не наблюдаем.

Таким образом, социальная система – это один из сложных уровней материи, существование которого возможно при наличии социальных взаимодействий между элементами системы, людьми. Но людей в социальной системе следует воспринимать именно как элементы в первую очередь, а не как автономные объекты, обладающие волей и сознанием. В контексте социальной материи человек имеет ценность именно как ее элемент, а не отдельно взятый индивид: «...человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек» [3, с. 443].

Уже Аристотель понимал, что ни одно даже самое малое и примитивное человеческое сообщество не является простой суммой индивидов. Это всегда качественное состояние, всегда новый объект, то есть система. Более того, как подчеркивает Г. Спенсер, социальная организация имеет законы более сильные, чем личная воля людей [7, с. 151].

Феномен общества нужно понимать точно так же, как и феномен жизни. Следуя логике преобразования материи из неживой в живую, а из неразумной в разумную, чтобы понять суть общества нужно понять, что отличает жизнь от нежизни и почему. Это качественно иное состояние материи. Значит, человеческое общество обладает также качественно иным состоянием по сравнению с другими представителями живой природы. Это состояние характеризуется сложной системой коммуникации и абстрактным мышлением, которое позволяет создавать единую систему понятий и структур, то есть правил взаимодействия в целях выживания. Общество – это инструмент выживания, созданный в плоскости информационных моделей, социальных программ. Общество – это программа поведения, общая для носителей данной программы.

Но подобными программами обладают и другие высшие животные – приматы, волки, дельфины и т.д. Даже у насекомых (муравьи, термиты) наблюдается социальный инстинкт. В чем же состоит их отличие от человеческого социума? Разница заключается в том, что человеческая социальная система – это самосовершенствующаяся программа, то есть новая социальная форма органической материи, способная к самостоятельному принятию решений и постановке задач независимо от ее носителей, то есть людей. Подобное утверждение может звучать парадоксально, ведь любое сообщество создано из людей. И кажется несомненным, что решения принимают люди. Это верно до определенного момента. Люди действительно принимают решения, но как только человек включается в какое-либо со-

общество, он принимает законы его существования, а значит теряет автономность. И как только это происходит, сообщество как система начинает функционировать по своим законам. Если абстрагироваться от конкретного человека как индивида, и воспринимать его как элемент, социальные системы воспринимались бы как новый уровень организации и понимания материи. Любое социальное действие совершается членами сообщества в интересах и в соответствии с логикой того сообщества, в котором они состоят. Учитывая эту специфику, можно разработать соответствующий понятийный аппарат.

Говоря о любой системе, применяют минимальный набор понятий: элемент, связь, энергия, энтропия, порядок, задачи. Несмотря на критику социал-дарвинизма, полностью уйти от сопоставления общества с живой природой все же нельзя, поскольку именно жизнь является основной базой для изучения автономных открытых систем. Однако смысл в том, что рассматривать жизнь для поставленных целей следует не с позиции теории эволюции, а с позиции теории открытых систем.

Таким образом, центральным понятием в новой теории общественных систем должно стать определение базовой социальной единицы – социальной системы. Именно эта система, а не конкретный человек, является основой для построения социальной реальности. Ни один отдельно взятый человек не способен породить общество (парадокс Робинзона), но уже два взаимодействующих между собой человека это не просто сумма двух индивидов, а нечто качественно новое, то, что и следует назвать первичной социальной системой.

Такая система обладает всеми её признаками: она автономна, открыта, динамична, обучаема, состоит из элементов. В данном случае допустим термин «асс» (от «автономная социальная система»). Асс – базовая социальная единица, сообщество, состоящее из ассоциированных элементов-людей, обладающее автономностью, открытостью, способностью к получению опыта, постановке и выполнению задач, заложенных в нее социальной программой ее носителями. Все многообразие ассов составляет человеческий социум и многообразные социальные образования в различных сферах жизни.

Элемент асса – человек, являющийся в социальном контексте обладателем способности к ассоциации, носителем программной информации, передатчиком для коммуникации и одновременно механизмом, то есть материальным проявлением асса. Асс существует в реальности в виде совокупности людей, объединённых между собой общей программой. Человек имеет разную степень свободы при взаимодействии с ассом; эта свобода определяется сутью того асса, в котором он состоит.

Ассоциальность – внутренняя сущностная способность человека не просто к общению с себе подобными, а к объединению в социальные системы, ассы, а также к разработке, дополнению, изменению совместной программы их существования.

Ассоциация – устойчивая двусторонняя ассоциальная связь между двумя и более элементами асса и определение морфологической программы его существования.

Структура асса – его внутреннее строение, формируемое в логике поставленных задач и целей существования. Ассы могут иметь разную степень сложности, быть однородными или сложно структурированными, адаптированными или изолированными, и т.д.

Связь – канал передачи информации внутри и вовне асса, функционирующий через элементы, людей. В традиционном социологическом подходе это общественное отношение между людьми, определяемое их социальными ролями и функциями.

Энергия – количество и качество полезной информации, получаемой и отдаваемой ассом для существования и обеспечения себя как системы. Типы энергии зависят от вида асса. Например, если асс является политией, то есть публичной системой управления, базовой энергией для его существования является власть, то есть отношение власти и подчинения (программа и ее оперативная информация). Энергии разных типов внутри сложных ассов могут преобразовываться один в другой, например, ресурсы преобразуются во власть, действует внутренняя система распределения социальной энергии, регулировка статусов через право и т.д.

Социон – единица социальной энергии.

Морфология асса – это его элементное наполнение, то есть количественный и качественный состав элементов-людей, способных выполнять свои функции. Качество асса определяется ассоциальным качеством состоящих в нем людей, их природными возможностями.

Упорядоченность асса – показатель его стабильности и существования. Ассы с высоким уровнем порядка существуют долго, с низким – мало.

Энтропия асса – показатель хаоса внутри асса как системы. Если энтропия не выходит наружу, асс выходит из равновесия, прекращает существование и распадается вследствие дисфункций элементов.

Задачи асса – цели, преследуемые ассом и определяемые его морфологией для существования, то есть поддержания себя как самовоспроизводящейся автономной системы.

В качестве примера, сущность асса можно описать на привычном и самом естественном первичном социальном образовании – семье. Семья является исторически самой длительной формой совместного существования людей. Поскольку существование семьи имеет целью объединение людей на основе психоэмоциональной связи с целью воспроизводства человека, такая социальная система выполняет одну из базовых функций любого крупного сообщества и государства, увеличивая социальную материю как таковую.

Семью часто называют «ячейкой общества». Однако в контексте общей теории систем и восприятия семьи с макро-позиций, она представляет собой не статичную ячейку, а активную сущность с собственным «жизненным» циклом. Что же является качественно иным состоянием такой автономной системы как семья по сравнению с аналогичным ситуативным союзом? Что позволяет заявлять о существовании полноценной автономной социальной системы?

Это функциональное объединение двух индивидов, которые объединяют свою автономию в над-индивидуальную структуру, отвечающую всем

признаком открытой системы. Объединение происходит по ассоциальному признаку симпатии (любовь), у союза имеется программа существования и цели (совместная жизнь, рождение детей), между элементами системы происходит разделение функций (принятие решений, получение дохода, уборка, приготовление пищи и т.д.), энергией для существования системы становятся материальные ресурсы (деньги, предметы, жизненное пространство, статусы и т.д.) и обмен социально-психологической информацией (общение) для получения опыта с целью успешного выполнения морфологических целей семьи. Семья поддерживает как внутренние между элементами (муж-жена-дети), так и внешние связи с социальной средой и другими ассами разных типов и уровней, следуя закону открытых систем, за счет чего сохраняется ее стабильность.

Представитель семьи выступает в социальных внешних контактах не просто как индивид, а как часть асса, играя по Парсонсу, социальную роль «муж» или «отец» [5, с. 476], то есть воспринимается не как автономная единица, а часть целого. При этом члены семьи также являются носителями культурной мета-программы, характерной для социума, в котором находятся, что автоматически переносит мета-программные установки на саму семью и определяет ее морфологические особенности. В теории Парсонса этими установками называются ценности. Кроме того, поскольку семья является ассом, ее цель предполагает размножение, но не только в смысле физического воспроизводства потомства, а возможности в перспективе рождения нового асса, новой семьи, которая реципирует программу старой семьи и продолжит ее с изменениями в будущем. Таким образом происходит воспроизводство социальной материи на самом базовом уровне.

По таким же принципам устроены и существуют всевозможные иные автономные социальные системы, из которых состоит человеческое общество, и многообразие которых зависит от комбинаций социальных связей между ассоциированными элементами. Асс появляется только при образовании ассоциации, устойчивой двусторонней ассоциальной связи между двумя и более элементами и определением морфологической программой для своего существования.

Таким образом, в статье разработан категориально-понятийный аппарат, необходимый для изложения нового подхода к пониманию социальных систем – ассов, объясняющего генезис человеческого общества в широком смысле с позиции теории открытых систем. Принципиальное положение нового подхода заключается в восприятии человека как лишенного абсолютной автономности элемента, а автономной системы, асса, как первичного субъекта социальной материи, из множества которых состоит социум, человеческое общество. Человек участвует в общественных отношениях не просто выполняя социальную роль, а реализуясь исключительно как функция, и всегда воспринимается как часть автономной социальной системы (асса).

Библиографический список

1. Берталандфи Л. фон. Общая теория систем: критический обзор. – М.: Прогресс, 1969. – 520 с.

2. Грачев Н.И. Функции государства как социально-политического организма // Вестник СГЮА. – 2017. – № 1 (114). – С. 16–27.
3. Древнегреческая философия: От Платона до Аристотеля. – М.: АСТ, 2003. – 829 с.
4. Кокошкин, Ф. Ф. Лекции по общему государственному праву. – Изд. 2-е. – М., 1912. – 306 с.
5. Мухаев, Р.Т. История политических и правовых учений. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. – 591 с.
6. Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. – М.: Аспект-Пресс, 1997. – 270 с.
7. Спенсер, Г. Личность и государство. – М.: АСТ, 2023. – 224 с.

Для цитирования: Луковкин К.Е. Ассоциальный подход к пониманию общественных систем: статья // Теория государства и права. – 2024. – № 3-2 (40). – С. 65–71.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.65

ASSOCIAL APPROACH TO UNDERSTANDING SOCIAL SYSTEMS

Kirill E. Lukovkin*

Annotation. The article proposes a new associative approach to understanding the essence of social systems of any type, the essence of which is reduced to the transfer of subjectivity from an individual to a union of people, an autonomous social system (ASS). Such a system can be formed only if its elements-people have asociality, that is, the ability to unite into such a system and act as functions on its behalf. The new approach to the perception of social matter is explained using the example of the basic element of any society – the family. A number of concepts associated with the new approach are introduced.

Key words: general systems theory, society, sociology, philosophy, organic theory, theory of state and law.

The organic theory of the origin of social systems and the state has been subject to consistent criticism since its inception. Gradually, taking into account criticism and the emergence of new research in this area, this theory has undergone constructive changes and moved away from naive social Darwinism in favor of the meta-theory of systems, the interdisciplinary nature of which and applicability to the social sciences is currently not disputed. In the context of the latter, any social systems are perceived as objects that exist according to the laws of the general theory of systems, the foundations of which were developed by L. Bertalanffy. A consistent theory of the development of social systems was developed by T. Parsons in his work "The System of Modern Societies", where the principles of their existence were set out from the point of view of structural-functional analysis [6]. Despite the constant criticism of this theory

---

* **Lukovkin Kirill Evgenievich**, Associate Professor of the Law Department of the Ulyanovsk State Pedagogical University named after I.N. Ulyanov, Candidate of Historical Sciences. E-mail: zvezdochet2009@yandex.ru

of Parsons, it arouses continued interest among researchers due to the fairly precisely formulated concepts, which have no replacement today.

The main set of critical arguments in favor of the inconsistency of the organic theory comes down to the incompatibility of physical and social matter: the existence of nature and human society is allegedly regulated by different laws that are incomparable [4, pp. 33–34]. Of course, the comments about the heterogeneity of these two matters are fair, but they are short-sighted and do not take into account their common source – nature as such. Human society is understood by critics as a system divorced from reality, completely regulated by people and existing in a kind of "world of ideas", while the manifestations of such a world are quite material. This is a rather strange approach, according to which it turns out that man should also be considered as something divorced from nature, although this is obviously not the case. Man is a part of nature. The mind and psychology of man are also.

As N.I. Grachev rightly emphasizes, "... it would be a mistake to consider society and the state as exclusively social phenomena, subject only to the laws of social development. The formation of society and the state were stages in the development of man as part of the biosphere and noosphere (energy-information field) of the Earth. And as such, they are subject to the laws of motion of the entire universe (macrocosm)" [2, p. 19].

At the same time, it is absolutely true that the mechanical transfer of the laws of living nature to social processes is also incorrect and leads down the wrong path. The root of the contradictions is seen in the clarification of the object under study from the point of view of the general theory of systems. It is this metatheory that is called upon to combine purely evolutionary and social approaches to understanding any society as an object under study. The problem lies in the lack of a conceptual apparatus that could adapt social phenomena to systems theory. Having gotten rid of outdated concepts borrowed from biology such as "social organism", the social system did not receive a new, more conceptual and precise categorical-conceptual complex, limiting itself to familiar categories such as "society", "collective", "state", etc. As a result, social and legal sciences are dominated by different theories that reveal individual aspects of society and the state, but are not united into a single scientific picture, and in the broad discourse the systems approach is still mistakenly perceived as an advanced version of the organic theory.

But before applying the new conceptual complex to the social system, it is necessary to once again understand its essence and place in nature as such. It is obvious that matter is a multi-level entity. Based on the general concept of natural science and philosophical postulates, all matter can be represented as a pyramid, where the following levels are successively present, from the lowest to the highest: inanimate nature; living irrational nature; human society as a bearer of reason and part of living nature.

No level can exist without support from the previous one and connection with it. All objects at all levels are subject to the universal laws of the general theory of systems, since they are systems of varying complexity. At the same time, objects of each level have their own structural features inherent only to them, which is natural. And if researchers maintain objectivity when describing

inanimate and animate nature, the danger of the anthropic principle may arise in the study of social objects: a person in society is perceived as an actor who completely controls social processes and the rest of nature, while based on systems theory, society itself is also just a part of all matter. In other words, human society is the same nature, only more complexly structured, but also subject to universal laws. Of course, society, and more broadly a state or civilization, are capable of seriously changing the nature around them, but if it stood outside physical and biological laws, then people would be able, for example, to disregard gravity and fly with the power of thought, do without food, and so on. We do not observe any of this.

Thus, a social system is one of the complex levels of matter, the existence of which is possible in the presence of social interactions between the elements of the system, people. But people in a social system should be perceived as elements first and foremost, and not as autonomous objects with will and consciousness. In the context of social matter, a person has value precisely as its element, and not as an individual taken separately: "...man by nature is a political being, and he who by virtue of his nature, and not as a result of accidental circumstances, lives outside the state, is either an underdeveloped being in the moral sense, or a superman" [3, p. 443].

Aristotle already understood that not even the smallest and most primitive human community is a simple sum of individuals. It is always a qualitative state, always a new object, that is, a system. Moreover, as G. Spencer emphasizes, social organization has laws stronger than the personal will of people [7, p. 151].

The phenomenon of society must be understood in exactly the same way as the phenomenon of life. Following the logic of the transformation of matter from inanimate to animate, and from irrational to intelligent, in order to understand the essence of society, it is necessary to understand what distinguishes life from non-life and why. This is a qualitatively different state of matter. This means that human society also has a qualitatively different state compared to other representatives of living nature. This state is characterized by a complex system of communication and abstract thinking, which allows for the creation of a unified system of concepts and structures, that is, rules of interaction for the purpose of survival. Society is a survival tool created in the plane of information models, social programs. Society is a behavior program common to the carriers of this program.

But other higher animals also have similar programs – primates, wolves, dolphins, etc. Even insects (ants, termites) have a social instinct. How do they differ from human society? The difference is that the human social system is a self-improving program, that is, a new social form of organic matter capable of making independent decisions and setting tasks regardless of its carriers, that is, people. Such a statement may sound paradoxical, because any community is made up of people. And it seems certain that people make decisions. This is true up to a certain point. People do make decisions, but as soon as a person joins a community, he accepts the laws of its existence, which means he loses autonomy. And as soon as this happens, the community as a system begins to function according to its own laws. If we abstract from a specific per-

son as an individual and perceive him as an element, social systems would be perceived as a new level of organization and understanding of matter. Any social action is performed by members of a community in the interests and in accordance with the logic of the community in which they are members. Taking this specificity into account, it is possible to develop a corresponding conceptual apparatus that could well be applied in the science of the theory of state and law.

When speaking about any system, a minimum set of concepts is used: element, connection, energy, entropy, order, tasks. Despite the criticism of social Darwinism, it is still impossible to completely avoid comparing society with living nature, since it is life that is the main basis for studying autonomous open systems. However, the point is that life should be considered for the purposes set not from the standpoint of the theory of evolution, but from the standpoint of the theory of open systems.

Thus, the central concept in the new theory of social systems should be the definition of the basic social unit – the social system. It is this system, and not a specific person, that is the basis for constructing social reality. No single person is capable of creating a society (Robinson's paradox), but two people interacting with each other are not just the sum of two individuals, but something qualitatively new, something that should be called a primary social system.

Such a system has all its attributes: it is autonomous, open, dynamic, trainable, and consists of elements. In this case, the term "ace" (from "autonomous social system") is acceptable. An ace is a basic social unit, a community consisting of associated elements-people, possessing autonomy, openness, the ability to gain experience, set and perform tasks laid down in it by the social program of its carriers. All the diversity of aces makes up human society and diverse social formations in various spheres of life.

An element of an ace is a person who, in a social context, is the owner of the ability to associate, a carrier of program information, a transmitter for communication and at the same time a mechanism, that is, a material manifestation of an ace. An ace exists in reality as a group of people united by a common program. A person has varying degrees of freedom when interacting with an ace; this freedom is determined by the essence of the ace in which he is a member.

Asociality is the internal essential ability of a person not only to communicate with his own kind, but to unite into social systems, asses, as well as to develop, supplement, and change the joint program of their existence.

Association is a stable two-way associative connection between two or more elements of an as the definition of the morphological program of its existence.

The structure of an as is its internal structure, formed in the logic of the tasks and goals of existence. Asses can have varying degrees of complexity, be homogeneous or complexly structured, adapted or isolated, etc.

Communication is a channel for transmitting information inside and outside an as functioning through elements, people. In the traditional sociological approach, this is a social relationship between people, determined by their social roles and functions.

Energy is the quantity and quality of useful information received and given by an as for the existence and provision of itself as a system. The types of energy depend on the type of as. For example, if an ace is a polity, that is, a public sys-

tem of governance, the basic energy for its existence is power, that is, the relationship of power and subordination (the program and its operational information). Energies of different types inside complex ace can be transformed into one another, for example, resources are transformed into power, an internal system of distribution of social energy operates, regulation of statuses through law, etc.

Socion is a unit of social energy.

The morphology of an ace is its elemental content, that is, the quantitative and qualitative composition of elements-people capable of performing their functions. The quality of an ace is determined by the associative quality of the people in it, their natural capabilities.

The orderliness of an ace is an indicator of its stability and existence. Aces with a high level of order exist for a long time, with a low one – for a short time.

The entropy of an ace is an indicator of chaos inside an ace as a system. If entropy does not come out, the ace goes out of balance, ceases to exist and disintegrates due to dysfunctions of the elements.

The tasks of the ace are the goals pursued by the ace and determined by its morphology for existence, that is, maintaining itself as a self-reproducing autonomous system.

As an example, the essence of the ace can be described on the usual and most natural primary social formation – the family. The family is historically the longest form of coexistence of people. Since the existence of a family is aimed at uniting people on the basis of a psycho-emotional connection for the purpose of human reproduction, such a social system performs one of the basic functions of any large community and state, increasing social matter as such.

The family is often called the "unit of society". However, in the context of the general theory of systems and the perception of the family from macro-positions, it is not a static cell, but an active entity with its own "life" cycle. What is the qualitatively different state of such an autonomous system as a family compared to a similar situational union? What allows us to declare the existence of a full-fledged autonomous social system?

This is a functional association of two individuals who combine their autonomy into a supra-individual structure that meets all the characteristics of an open system. The association occurs according to the associative characteristic of sympathy (love), the union has a program of existence and goals (living together, having children), there is a division of functions between the elements of the system (decision-making, earning income, cleaning, cooking, etc.), the energy for the existence of the system is material resources (money, objects, living space, statuses, etc.) and the exchange of socio-psychological information (communication) to gain experience in order to successfully fulfill the morphological goals of the family. The family maintains both internal connections between the elements (husband-wife-children) and external connections with the social environment and other asses of different types and levels, following the law of open systems, due to which its stability is maintained.

A family representative acts in external social contacts not simply as an individual, but as part of an ace, playing, according to Parsons, the social role of "husband" or "father" [5, p. 476], that is, he is perceived not as an autonomous unit, but as part of a whole. At the same time, family members are also

carriers of a cultural meta-program characteristic of the society in which they are located, which automatically transfers meta-program attitudes to the family itself and determines its morphological features. In Parsons' theory, these attitudes are called values. In addition, since the family is an ace, its goal implies reproduction, but not only in the sense of physical reproduction of offspring, but the possibility in the future of the birth of a new ace, a new family, which receives the program of the old family and continues it with changes in the future. Thus, the reproduction of social matter occurs at the most basic level.

All sorts of other autonomous social systems that make up human society are structured and exist according to the same principles, and the diversity of which depends on the combinations of social connections between associated elements. An ass appears only when an association is formed, a stable two-way associative connection between two or more elements and a morphological program is defined for its existence.

Thus, the article develops a categorical-conceptual apparatus necessary for presenting a new approach to understanding social systems – ass, explaining the genesis of human society in a broad sense from the standpoint of open systems theory. The fundamental position of the new approach is to perceive a person as an element deprived of absolute autonomy, and an autonomous system, an ass, as the primary subject of social matter, of which society, human society, consists. A person participates in social relations not simply by fulfilling a social role, but by being realized exclusively as a function, and is always perceived as part of an autonomous social system (ass).

Bibliographic list

1. Bertalanffy L. von. *General Systems Theory: A Critical Review*. Moscow: Progress, 1969. 520 p.
2. Grachev N. I. *Functions of the State as a Socio-Political Organism // Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2017. No. 1 (114). P. 16–27.
3. *Ancient Greek Philosophy: From Plato to Aristotle*. Moscow: AST, 2003. 829 p.
4. Kokoshkin, F. F. *Lectures on General State Law*. 2nd ed. Moscow, 1912. 306 p.
5. Mukhaev, R. T. *History of Political and Legal Doctrines*. Moscow: UNITY-DANA, 2005. 591 p.
6. Parsons T. *The System of Modern Societies / trans. from English*. L. A. Sedova and A. D. Kovaleva. Moscow: Aspekt-Press, 1997. 270 p.
7. Spencer, G. *Personality and State*. Moscow: AST, 2023. 224 p.

For citation: Lukovkin K.E. Antisocial approach to understanding social systems: article // *Theory of state and law*. 2024. No. 3-2 (40). P. 71–76.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.65

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 34.01

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.77

ПОНЯТИЕ, ПРИЗНАКИ И РОЛЬ БЛАГОРОДНОГО МУЖА В ТЕОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА КУН ФУ ЦЗЫ

А.К. Тачкова*

Аннотация. В статье на основе анализа конфуцианской философии и китайских памятников, и источников права рассматривается понятие, основные признаки и роль благородного мужа в теории государства и права Кун Фу Цзы, приводятся примеры цифровизации этических принципов в виде социального рейтинга в современном Китае. На основе анализа трактата древнекитайского философа, современных лингвистической, юридической, социально-философской российской и зарубежной научной литературы делается вывод о тесной связи идеологического учения Кун Фу Цзы с современным цифровым государством.

Ключевые слова: благородный муж, государство, право, социальный рейтинг, цифровое государство, конфуцианство, Кун Фу Цзы.

Кун Фу Цзы, известного в Европе под именем Конфуций, считают основателем патриархальной теории происхождения государства. Это обусловлено тем, что в конфуцианстве создан культ большой монолитной семьи, центром которой является отец [2, 137]. Власть отца в семье уподобляется государству, где все члены общества безоговорочно подчиняются правителю. Легитимность власти обусловлена не страхом перед законом, а морально-нравственными отношениями. Принцип легитимности власти иллюстрирует конфуцианская категория «сяо». Иероглиф «сяо» представляет собой комбинацию из обозначений «старый» и «ребенок», важно заметить, что иероглиф «старый» находится выше иероглифа «ребенок». Отец выше сына – простое объяснение принципа «сыновней почтительности».

Подобная забота о старших проходит рефреном через весь конфуцианский канон. Разработанную и пропагандируемую концепцию «сяо» Конфуций предлагал использовать как основу развития общества [2, 136]. Следование пути отца, исполнение его воли – вплоть до смерти сына – должно было установить крепкую связь между поколениями, связь с традицией, уважение к семье, а через него – уважение к всему народу Китая. Один из

---

* **Тачкова Алена Константиновна**, студентка Юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». E-mail: 234113@edu.fa.ru.

Научный руководитель – **Попова Анна Владиславовна**, профессор кафедры международного и публичного права Юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент. E-mail: anna0710@yandex.ru.

любимых учеников Конфуция, Ю-цзы, сказал: «Сыновняя почитательность и любовь к старшим – это и есть корень человеколюбия» [3, 22]. Нужно не просто материально обеспечивать родителей, а выражать свои глубокие чувства уважения и любви к ним, проявлять мягкость и уступчивость в общении, терпеливо относиться к их замечаниям. Категория «сяо» имеет не только этический, но и политический характер.

Принцип «сыновней почитательности» способствовал укреплению вертикали власти. Чем глубже внедрен в общество дух покорности и сыновней почитательности, послушания родителям, тем легче иметь дело государству с послушными гражданами [2, 140]. Государство есть семья семей – лаконичное описание принципа функционирования государства по Конфуцию. Государственное управление, как и все процессы в обществе, должно соответствовать правилам «ли». Люди должны изучать и понимать правила, а не слепо следовать им: «Если ты не будешь учить правила, а тебя не будет, на чем утвердиться» [4, 262].

Также эти правила необходимо внедрить в общественное сознание так, чтобы они оставались жизнеспособными долгое время. Механизм их установления строился на принципе «хэ», что с китайского переводится как «единение через разномыслие». Единство в обществе достигается путем столкновения полярных сил. Правитель при создании законов должен подвергнуть их обсуждению среди чиновников, от которых требовалось соблюдения свободной состоятельности мнений. В современном мире такой прием при принятии единого решения называется «мозговой штурм». Если принцип «единение через разномыслие» был проигнорирован, то данные правила не являются пригодными для распространения. Те правила, которые были навязаны обществу насильственным путем, будут восприняты неглубоко, поверхностно. «Конфуций критиковал легистов за то, что они, используя закон, пытались уничтожить различия между благородными и простыми людьми» [4, 175]. В 219-м году до н.э. в честь императора Цин Ши Хуанди, считавшимся одним из активных проповедников легизма, воздвигнули стены, на которых были записи, подчеркивающие добродетель императора, его почитательное отношение к родителям, стремление заботиться о царстве [1, 572].

Последователь Конфуция по имени Сюнь-цзы синтезирует конфуцианство и легизм [1, 572]. Предпосылкой данного процесса являлась схожая основа двух философских школ: выступления против раздробленности, поддержка централизации государства, придание сакрального смысла роли правителя [1, 571]. Это послужит становлению принципа «ли» и «фа», который действует в Китае и на сегодняшний день. Конфуций в рамках суждений о государстве выделял два типа людей: управляющих и управляемых. Управляющими могут быть только «благородные мужчины», т.к. они сочетают в себе все хорошее, что может быть в человеке. Конфуций понимал, что управление государством – дело не из легких, поэтому эту работу следует доверить лучшим. Люди, исполняющие государственные функции, должны действовать в соответствии с конфуцианской категорией «жан», что с китайского переводится как «уступчивость». Так Конфуций говорил о «жан»: «Если управлять государством, опираясь на вежливость, то какие могут

быть трудности?» [1, 153]. Идея «жан» состоит в том, что люди должны преодолеть жажду власти и достичь такого состояния, при котором они будут уступать друг другу властные полномочия, тогда власть перестанет быть тяжелым бременем, а «уступчивость» станет системообразующим элементом государственного устройства.

Чтобы «благородный муж» получил доступ к государственной власти, ему нужно следовать четырем принципам «дао»:

- первое «дао» – «ци син», что означает «самоуважение». Управляющий должен сохранять чувство собственного достоинства, не заискивать, не зазнаваться;

- второе «дао» – умение брать ответственность;

- третье «дао» – наставление и воспитание народа;

- четвертое «дао» – управление народом, проведение государственной политики в соответствии с принципом «и», при это управляемые – весь остальной народ.

Важно подметить, что отношения управляющих и управляемых строятся на принципе взаимообусловленных прав и обязанностей. Как говорил Конфуций: «В хорошо управляемом государстве достаточно продовольствия, достаточно оружия и есть доверие народа» [3, 28]. Главное для Конфуция – избежать конфликта между управляющими и управляемыми. Первые должны добиться доверия народа, а последние сохранить это доверие. В учении Конфуция отведена особая роль «Небу». Именно «цзюнь-цзы» может постичь и объяснить веления «Неба», т.к. он в совершенстве владеет «ли». Воля «Неба» выражалась через различные природные явления: затмения, засухи, потопа, грозы. Толковать явления могли только образованные сановники, поэтому их роль в управлении государством была огромна. Правитель попадал в сильную зависимость от чиновников, т.к. они могли выгодно для себя истолковать любое явление природы. «Благородный муж» испытывает страх перед «Небом».

Делая вывод из всего вышесказанного, можно резюмировать, что в китайской политической философии особое место занимает концепция об идеальном человеке. Китайское общество приняло и пронесло сквозь века образ «благородного мужа». Пережив тяжелые кризисы, мировую изоляцию, а затем провозгласив в стране социализм, Китай стать ведущей экономикой мира. Он «обращается к старине» и чтит принципы конфуцианства, применяя их на практике в управлении государством. Государство по конфуцианству берет истоки и принцип функционирования из семьи. Управлением должны заниматься только достойные люди, мобилизующие в себе все лучшие качества, которые могут быть у человека. Через образ «цзюнь-цзы» Конфуций поднял значение бюрократии в системе управления, которая должна не только следить за исполнением правил народом, но и сама претворять их в жизнь.

Благородный муж («цзюнь-цзы») – идеальный человек, наглядный пример для подражания, некий эталон, к которому должен стремиться каждый, ключевая категория определения достоинств человека. Кун Фу Цзы (Конфуций) четко обозначает качества, правила, принцип мышления «благородного мужа». Ханьский философ Дун Чжуншу выделил из учения

Конфуция пять понятий: «жэнь» (гуманность) «ли» (правила), «чжи» (мудрость), «и» (долг), «синь» (искренность) [6, 72]. Каждое из этих качеств можно рассмотреть отдельно, но нужно учитывать, что любая составляющая «благородного мужа» дополняет другую. Отсутствие какого-либо качества уже исключает наличие другого или нескольких. Также следует обратить внимание на написание данных категорий на китайском языке, потому что значение иероглифов, из которых состоит слово, помогает верно толковать смысл понятия.

«Если названия не соответствуют сущности, то и со словами неблагополучно. Если со словами неблагополучно, то дела не будут ладиться. А когда дела не ладятся, то ритуал и музыка не действенны. Если ритуал и музыка не действенны, то наказания не достигают своей истинной цели. А когда наказания не достигают своей истинной цели, народ не знает, как с пользой распорядиться силой своих рук и ног. Поэтому совершенный человек, вводя названия, должен произносить их правильно, а то, что произносит, непременно осуществлять. В словах совершенного человека не должно быть и тени неточного» [4, 256] – цитата Кун Фу Цзы, раскрывающая «принцип исправления имен». Данный принцип означает, что каждый человек должен быть на своем месте. Каждому необходимо дать свое «имя», то есть статус. Управление государством должно соответствовать принципам «ли», поэтому именно благородные мужи должны быть у власти, так как они являются воплощением Правил «ли» [4, 175].

В первую очередь, следует изучить категорию «жэнь», это обосновано тем, что «жэнь» является отдельной составляющей не только конфуцианской морали, но и иных категорий, рассматриваемых нами далее. Иероглиф, обозначающий «гуманность», состоит из иероглифа «человек» и графического знака, означающий цифру «два», на русский язык «жэнь» чаще всего переводят как «гуманность», «человеколюбие» [8, 21]. Из этого следует, что «жэнь» является важной составляющей межличностных отношений. У Конфуция данная категория начинает обозначать различные ненасильственные аспекты созидательного процесса, направленного на достижение в обществе всеобщей гармонии [2, 136].

Только люди, обладающие «гуманностью», в силах оградить общество от социального беспорядка. Человеколюбие подразумевает внутреннее психическое сознание человека, а также основные принципы поведения и этические нормы. Оно основывается на любви к людям, а наивысшей ценностью считается стремление человека к «обретению гуманности и справедливости» [5]. Принцип «человеколюбия» идентичен золотому правилу морали – не нужно делать другим того, чего и себе не желаешь. Так Конфуций говорил о «гуманности»: «Преодолеть себя и вернуться к правилам – в этом заключается человеколюбие. Если однажды ты преодолеешь себя и возвратишься к правилам, то в Поднебесной назовут тебя обладающим человеколюбием» [4, 195].

Принцип «ли» обозначает систему родовой иерархии, практику жертвоприношений духам и божествам с целью обретения их благословения, а также соответствующие ритуалы и этические нормы [8, 67]. Соблюдение ритуала – условие благополучия рода, которое зависело от исполнения четко определенных правил и установок. Данная категория придавала риту-

альный характер межличностным отношениям на разных уровнях, выражающийся в церемониях. Но ритуал есть не только этикет, но и внутреннее требование к себе, самодисциплина. Все критерии нравственности, разработанные Конфуцием, органически объединялись им в общие правила поведения [3, 22]. Эти правила включают несколько других моральных принципов: «долг», «вежливость», «благодетельность». Ритуал также можно понимать как систему передачи опыта предшествующих поколений будущим. «Человеколюбие» является нравственной основой «ли».

Действовавшие веками и ставшие нормой жизни нравственные правила «ли» играли гораздо большую роль в обществе и государстве, нежели закон. Правила «ли» находятся в категории императивных норм, т.к. они подкреплены не только нерушимым авторитетом Конфуция, но и правом. Например, Танский кодекс, текст которого дошел до наших дней. Данный нормативно-правовой акт освобождает от ответственности родственников, вступившихся за мать, отца, бабушку или деда, даже если противоправное деяние повлекло смерть потерпевшего [7, 260].

Еще одной важной нравственной категорией является «чжи», которую чаще всего переводят как «мудрость», «знание» [8, 72]. Категория «чжи» в конфуцианстве часто используется в паре с «жэнь». Мудрый человек ценит «гуманность» в людях, он применяет «человеколюбие» для извлечения пользы. Процесс получения знаний должен быть основан на человеколюбии: «Если то, что можешь достичь с помощью знаний, не опирается на человеколюбие, то достигнутое будет утрачено» [4, 262]. «Мудрость» в трудных ситуациях наставляет человека сделать выбор в пользу добра. «Благородный муж» должен постоянно самосовершенствоваться, быть жадным до знаний.

Большинство китайских исследователей трактуют «и» как синтез понятий «долг» и «справедливость». Внутренне чувство справедливости должно реализовываться через исполнение общественного долга. Идея «ли» представляет собой должное соответствие моральных качеств человека его поступкам, субъективных потребностей – объективным требованиям [3, 22]. Также стоит обратить внимание, что в древности в Китае значение иероглифа «и» тесно связывалось с жертвоприношением. Категория «и» также неразрывно связана с категорией «жэнь», является ее конкретизацией. Исполнять долг перед собой, семьей и обществом нужно для достижения человеколюбия. Благодаря справедливым поступкам в человеке укрепляется «человеколюбие».

Иероглиф, обозначающий «синь», состоит из графем «человек» и «речь» и переводится на русский как «искренность», «верность» [8, 79]. «Синь» означает, что «благородный муж» должен быть осторожным и осмотрительным в словах и поступках, а также верным своим принципам и преданным правителю [2, 164]. В конфуцианстве через категорию «синь» отличали человека от животного. Каждое действие «благородного мужа» должно исходить от сердца, т.е. быть искренним. Если человек выполняет правила не от чистых побуждений, а из собственной выгоды, то он не является «благородным мужем».

Также философ противопоставляет «благородного мужа» («цзюнь-цзы») «низкому человеку» («сяо-жэнь»). Иероглиф, обозначающий «цзюнь-

цзы», представляет собой объединение иероглифа «цзюнь», что означает «государь», и иероглифа «цзы», означающий «сын». Буквальное значение «цзюнь-цзы» – государев сын. «Сяо-жэнь» дословно переводится как «маленький человек» или «низкий человек». Но не стоит трактовать «сяо-жэнь» как «простолюдин».

На наш взгляд, учение Конфуция имеет больше этико-политический, нежели классовый характер. Конфуций говорил: «Высший – тот, кто обладает знаниями от рождения, следующий – тот, кто приобретает знания в учении; за ним следует тот, кто приступил к учению, столкнувшись с трудностями. Того, кто, столкнувшись с трудностями, не приступил к учению, народ причислял к низшим» [4, 279]. Оба термина следует рассматривать не только с точки зрения этики. «Цзюнь-цзы» и «сяо-жэнь» представляют собой два социальных конструкта, сущностные признаки которых противоречат друг другу, а также находятся в антонимических отношениях. Конфуций настойчиво подчеркивает разницу в этическом стандарте на двух сконструированных полюсах: «Благородный муж помогает людям претворять то хорошее, что заложено в них, и не помогает претворять то плохое, что заложено в них. Маленький человек поступает наоборот» [2, 170].

Подводя итоги, можно сказать, что каждая из добродетелей «благородного мужа» является условием появления, существования и функционирования других. Каждое качество следует рассматривать комплексно. Единство «жэнь», «ли», «и», «синь» и «чжу» – сущность «благородного мужа». Конфуций не раз говорил своим ученикам, что не создает ничего нового, а лишь передает уже устоявшиеся каноны жизни. Философу удалось синтезировать в своем учении все нравственные представления о жизни, социуме и места человека в нем. Конфуций не мыслит «цзюнь-цзы» в отрыве от государственной службы. Проявление качеств «благородного мужа» в государственном управлении мы рассмотрим далее.

Библиографический список

1. *Караев, Э.Т.* Неоконфуцианство как синергетический союз конфуцианства и легизма / Э.Т. Катаев // Вестник науки. – 2023. – № 11. – С. 568–574.
2. *Караев, Э.Т.* Политическая и правовая мысль Древнего Китая: монография / Э. Т. Караев. – Москва: МАКС Пресс, 2021. – 553 с. – ISBN 978-5-317-06641-3.
3. Конфуцианское «Четверокнижие»: пер. с кит. и коммент. А.И. Кобзева и др.; вступ. ст. Л.С. Переломова. – Москва: «Восточная литература» РАН, 2004. – 431 с. – ISBN 5-02-018290-7.
4. Конфуций Суждения и беседы / Конфуций; пер. с кит. Л.С. Переломов. – Москва: РИПОЛ классик, 2017. – 588 с. – ISBN 978-8-386-09724-0.
5. *Ли Цзя, Сюй Баофэн.* Энциклопедический словарь китайской культуры. Более 1000 важнейших понятий / Ли Цзя, Сюй Баофэн. – Москва: Издательство «ЭКМО», 2023 // URL: https://bookmate.ru/books/gbBn5YQT?username=b120150_8149&utm_source=telegram&utm_campaign=users_referral&utm_content=Android&utm_medium=referral
6. *Ордин А.В., Маркина О.А.* Конфуцианство-Неоконфуцианство-Постконфуцианство: историческая ретроспектива / А.В. Ордин, О.А. Маркина // Наука, образование, общество. – 2021. – С. 71–73.

7. Цзюани 17–25 / Перевод с китайского и комментариев В.М. Рыбакова. – Санкт-Петербург: Петербургское Востоковедение, 2005. – 384 с.

8. Чэнь Лян. Лингвокультурологический анализ китайского трактата Конфуция «Лунь юй» и его переводов на русский язык: дисс. ... канд. филол. наук. / Чэнь Лян; Российский университет дружбы народов. – Москва, 2022. – 174 с.

Для цитирования: Тачкова А.К. Понятие, признаки и роль благородного мужа в теории государства и права Кун Фу Цзы: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 77–83.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.77

CONCEPT, CHARACTERISTICS AND ROLE OF A NOBLE MAN IN THE THEORY OF STATE AND LAW OF KONG FU TZU

Alena K. Tachkova*

Annotation. The article, based on the analysis of Confucian philosophy and Chinese monuments and sources of law, examines the concept, main features and role of a noble man in the theory of state and law of Kong Fu Tzu, provides examples of digitalization of ethical principles in the form of a social rating in modern China. Based on the analysis of the treatise of the ancient Chinese philosopher, modern linguistic, legal, socio-philosophical Russian and foreign scientific literature, a conclusion is made about the close connection between the ideological teachings of Kong Fu Tzu and the modern digital state.

Keywords: noble man, state, law, social rating, digital state, Confucianism, Kong Fu Tzu.

Kong Fu Tzu, known in Europe as Confucius, is considered the founder of the patriarchal theory of the origin of the state. This is due to the fact that Confucianism created the cult of a large monolithic family, the center of which is the father [2, p. 137]. The power of the father in the family is likened to the state, where all members of society unconditionally obey the ruler. The legitimacy of power is conditioned not by fear of the law, but by moral and ethical relations. The principle of the legitimacy of power is illustrated by the Confucian category of "xiao". The hieroglyph "xiao" is a combination of the designations "old" and "child", it is important to note that the hieroglyph "old" is above the hieroglyph "child". The father is above the son – a simple explanation of the principle of "filial piety".

Such concern for the elders runs like a refrain through the entire Confucian canon. Confucius proposed to use the developed and promoted concept of

---

* **Tachkova Alena Konstantinovna**, student of the Faculty of Law of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation”. E-mail: 234113@edu.fa.ru.

Scientific supervisor – **Anna Vladislavovna Popova**, professor of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education “Financial University under the Government of the Russian Federation”, Doctor of Law, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. E-mail: anna0710@yandex.ru.

"xiao" as a basis for the development of society [2, p. 136]. Following the father's path, fulfilling his will – up to the death of the son – was supposed to establish a strong connection between generations, a connection with tradition, respect for the family, and through it – respect for all the people of China. One of Confucius's favorite students, Yu Tzu, said: "Filial piety and love for elders – this is the root of humanity" [3, p. 22]. It is necessary not only to provide for parents financially, but also to express deep feelings of respect and love for them, to be gentle and accommodating in communication, and to be patient with their comments. The category of "xiao" has not only an ethical, but also a political character.

The principle of "filial piety" contributed to the strengthening of the vertical of power. The deeper the spirit of obedience and filial piety, obedience to parents is embedded in society, the easier it is for the state to deal with obedient citizens [2, p. 140]. The state is a family of families – a laconic description of the principle of functioning of the state according to Confucius. Public administration, like all processes in society, must comply with the rules of "li". People must study and understand the rules, and not blindly follow them: "If you do not learn the rules, you will have nothing to establish yourself on" [4, p. 262].

Also, these rules must be introduced into the public consciousness so that they remain viable for a long time. The mechanism for their establishment was based on the principle of "he", which is translated from Chinese as "unity through dissent". Unity in society is achieved through a clash of polar forces. When creating laws, the ruler must subject them to discussion among officials, who were required to observe free competition of opinions. In the modern world, such a technique for making a unified decision is called "brainstorming". If the principle of "unity through dissent" was ignored, then these rules are not suitable for dissemination. Those rules that were imposed on society by force will be perceived shallowly, superficially. "Confucius criticized the Legalists for using the law to try to eliminate the differences between noble and common people" [4, p. 175]. In 219 BC, in honor of Emperor Qing Shi Huangdi, who was considered one of the active preachers of Legalism, walls were erected on which there were inscriptions emphasizing the virtue of the emperor, his respectful attitude toward his parents, and his desire to take care of the kingdom [1, p. 572].

A follower of Confucius named Xunzi synthesizes Confucianism and Legalism [1, p. 572]. The prerequisite for this process was the similar basis of the two philosophical schools: opposition to fragmentation, support for the centralization of the state, and giving a sacred meaning to the role of the ruler [1, p. 571]. This will serve the formation of the principle of "li" and "fa", which is still in effect in China today. Confucius, in his judgments about the state, distinguished two types of people: those who govern and those who are governed. Only "noble men" can be governors, since they combine all the good that can be in a person. Confucius understood that governing a state is not an easy task, so this work should be entrusted to the best. People performing state functions must act in accordance with the Confucian category of "zhan", which is translated from Chinese as "compliance". This is how Confucius spoke about "zhang": "If you govern the state based on politeness, then what difficulties can there be?" [1, p. 153]. The idea of "zhang" is that people must overcome the

thirst for power and reach a state in which they will yield authority to each other, then power will cease to be a heavy burden, and "compliance" will become a system-forming element of the state structure.

In order for a "noble man" to gain access to state power, he must follow the four principles of "dao":

- the first "dao" is "qi xing", which means "self-respect". The manager must maintain a sense of self-worth, not curry favor, not become arrogant;
- the second "dao" is the ability to take responsibility;
- the third "dao" is the instruction and education of the people;
- the fourth "dao" is governing the people, conducting state policy in accordance with the principle of "yi", while the governed are the rest of the people.

It is important to note that the relationship between the governors and the governed is built on the principle of interdependent rights and obligations. As Confucius said: "In a well-governed state there is enough food, enough weapons and there is the trust of the people" [3, p. 28]. The main thing for Confucius is to avoid conflict between the governors and the governed. The former must gain the trust of the people, and the latter must maintain this trust. In the teachings of Confucius, a special role is assigned to "Heaven". It is "jun-tzu" who can comprehend and explain the dictates of "Heaven", since he perfectly masters "li". The will of "Heaven" was expressed through various natural phenomena: eclipses, droughts, floods, thunderstorms. Only educated dignitaries could interpret the phenomena, so their role in governing the state was enormous. The ruler became heavily dependent on officials, since they could interpret any natural phenomenon to their advantage. The "noble man" fears "Heaven".

Drawing a conclusion from all of the above, we can summarize that the concept of an ideal man occupies a special place in Chinese political philosophy. Chinese society accepted and carried the image of a "noble man" through the centuries. Having survived severe crises, global isolation, and then proclaimed socialism in the country, China became the world's leading economy. It "turns to antiquity" and honors the principles of Confucianism, applying them in practice in governing the state. According to Confucianism, the state takes its origins and principle of functioning from the family. Only worthy people should be engaged in governance, mobilizing in themselves all the best qualities that a person can have. Through the image of "jun-tzu", Confucius raised the importance of bureaucracy in the system of governance, which should not only monitor the implementation of rules by the people, but also implement them itself.

A noble man ("jun-tzu") is an ideal person, a clear example to follow, a certain standard to which everyone should strive, a key category for determining human dignity. Kong Fu Tzu (Confucius) clearly defines the qualities, rules, and principles of thinking of a "noble man". The Han philosopher Dong Zhongshu identified five concepts from Confucius's teachings: "ren" (humanity), "li" (rules), "zhi" (wisdom), "yi" (duty), "xin" (sincerity) [6, p. 72]. Each of these qualities can be considered separately, but it should be taken into account that any component of a "noble man" complements another. The absence of any quality already excludes the presence of another or several. You should

also pay attention to the spelling of these categories in Chinese, because the meaning of the hieroglyphs that make up the word helps to correctly interpret the meaning of the concept. "If the names do not correspond to the essence, then the words will not be successful. If the words are unsuccessful, then things will not go well. And when things do not go well, then the ritual and music are ineffective. If the ritual and music are ineffective, then the punishments do not achieve their true goal. And when the punishments do not achieve their true goal, the people do not know how to use the strength of their arms and legs to good effect. Therefore, a perfect person, when introducing names, must pronounce them correctly, and what he pronounces, he must certainly carry out. In the words of a perfect person there should not be a shadow of inaccuracy" [4, p. 256] – a quote from Kong Fu Tzu, revealing the "principle of correcting names". This principle means that each person must be in his place. Everyone must be given his "name", that is, status. The governance of the state must comply with the principles of "li", therefore it is noble men who should be in power, since they are the embodiment of the Rules of "li" [4, p. 175].

First of all, it is necessary to study the category of "ren", this is justified by the fact that "ren" is a separate component of not only Confucian morality, but also other categories that we will consider further. The hieroglyph denoting "humanity" consists of the hieroglyph "man" and a graphic sign meaning the number "two", in Russian "ren" is most often translated as "humanity", "philanthropy" [8, p. 21]. From this it follows that "ren" is an important component of interpersonal relations. In Confucius, this category begins to denote various non-violent aspects of the creative process aimed at achieving universal harmony in society [2, p. 136].

Only people with "humanity" are able to protect society from social disorder. Humanity implies the internal mental consciousness of a person, as well as the basic principles of behavior and ethical standards. It is based on love for people, and the highest value is considered to be a person's desire to "gain humanity and justice [5]. The principle of "humanity" is identical to the golden rule of morality – do not do to others what you do not want for yourself. This is how Confucius spoke about "humanity": "To overcome yourself and return to the rules – this is what humanism consists of. If one day you overcome yourself and return to the rules, then in the Celestial Empire you will be called possessing humaneness" [4, p. 195].

The principle of "li" denotes the system of clan hierarchy, the practice of sacrificing to spirits and deities in order to obtain their blessing, as well as the corresponding rituals and ethical standards [8, p. 67]. Observance of the ritual is a condition of the well-being of the clan, which depended on the implementation of clearly defined rules and regulations. This category gave a ritual character to interpersonal relations at different levels, expressed in ceremonies. But ritual is not only etiquette, but also an internal requirement for oneself, self-discipline. All the criteria of morality developed by Confucius were organically combined by him into general rules of behavior [3, p. 22]. These rules include several other moral principles: "duty", "politeness", "beneficence". Ritual can also be understood as a system of transmitting the experience of previous generations to future ones. "Humanity" is the moral basis of "li".

The moral rules of "li", which have been in force for centuries and have become the norm of life, played a much greater role in society and the state than the law. The rules of "li" are in the category of imperative norms, since they are supported not only by the inviolable authority of Confucius, but also by law. For example, the Tang Code, the text of which has survived to this day. This normative legal act exempts relatives from liability who stood up for a mother, father, grandmother or grandfather, even if the illegal act resulted in the death of the victim [7, p. 260].

Another important moral category is "zhi", which is most often translated as "wisdom", "knowledge" [8, p. 72]. The category of "zhi" in Confucianism is often used in pairs with "ren". A wise person values "humanity" in people, he uses "philanthropy" to extract benefits. The process of acquiring knowledge should be based on philanthropy: "If what you can achieve with the help of knowledge is not based on philanthropy, then what has been achieved will be lost" [4, p. 262]. "Wisdom" in difficult situations instructs a person to make a choice in favor of good. "A noble man" must constantly improve himself, be greedy for knowledge. Most Chinese researchers interpret "i" as a synthesis of the concepts of "duty" and "justice". The internal sense of justice should be realized through the fulfillment of social duty. The idea of "li" is the proper correspondence of a person's moral qualities to his actions, subjective needs – to objective requirements [3, p. 22]. It is also worth noting that in ancient China, the meaning of the hieroglyph "i" was closely associated with sacrifice. The category of "i" is also inextricably linked with the category of "ren", is its concretization. To achieve humanity, one must fulfill one's duty to oneself, one's family, and one's society. Through just actions, "humanity" is strengthened in a person.

The hieroglyph for "xin" consists of the graphemes "man" and "speech" and is translated into Russian as "sincerity", "loyalty" [8, p. 79]. "Xin" means that a "noble man" must be careful and circumspect in words and actions, as well as true to his principles and loyal to the ruler [2, p. 164]. In Confucianism, the category of "xin" was used to distinguish man from animal. Every action of a "noble man" must come from the heart, i.e. be sincere. If a person follows the rules not from pure motives, but for his own benefit, then he is not a "noble man".

The philosopher also contrasts a "noble man" ("jun-zi") with a "low man" ("xiao-ren"). The character for "jun-tzu" is a combination of the character "jun", which means "sovereign", and the character "zi", which means "son". The literal meaning of "jun-tzu" is the son of the sovereign. "Xiao-ren" is literally translated as "little man" or "low man". But "xiao-ren" should not be interpreted as "commoner".

In our opinion, the teachings of Confucius have more of an ethical and political character than a class character. Confucius said: "The highest is the one who has knowledge from birth, the next is the one who acquires knowledge through study; he is followed by the one who began to study after encountering difficulties. The one who, having encountered difficulties, did not begin to study, the people ranked among the lowest" [4, p. 279]. Both terms should be considered not only from the point of view of ethics. "Junzi" and "xiaoren" represent two social constructs, the essential features of which contradict each other and

are also in antonymous relations. Confucius persistently emphasizes the difference in the ethical standard at the two constructed poles: “A noble man helps people to realize the good that is inherent in them, and does not help to realize the bad that is inherent in them. A small man does the opposite” [2, p. 170].

To sum up, we can say that each of the virtues of a “noble man” is a condition for the emergence, existence and functioning of others. Each quality should be considered in its entirety. The unity of “ren”, “li”, “yi”, “xin” and “zhu” is the essence of a “noble man”. Confucius repeatedly told his students that he did not create anything new, but only conveyed the already established canons of life. The philosopher managed to synthesize in his teaching all moral ideas about life, society and the place of man in it. Confucius does not think of “junzi” in isolation from public service. We will consider the manifestation of the qualities of a “noble man” in public administration further.

Bibliographic list

1. Karaev, E.T. Neo-Confucianism as a synergetic union of Confucianism and Legalism / E.T. Kataev // Bulletin of Science. 2023. No. 11. Pp. 568–574.
2. Karaev, E.T. Political and Legal Thought of Ancient China: monograph / E. T. Karaev. Moscow: MAKS Press, 2021. 553 p. ISBN 978-5-317-06641-3.
3. Confucian "Four Books": trans. from Chinese and commentary by A.I. Kobzev et al.; introduction by L.S. Perelomova. Moscow: "Eastern Literature" RAS, 2004. 431 p. ISBN 5-02-018290-7.
4. Confucius Judgments and Conversations / Confucius; trans. from Chinese. L.S. Perelomov. Moscow: RIPOL classic, 2017. 588 p. ISBN 978-8-386-09724-0.
5. Li Jia, Xu Baofeng. Encyclopedic Dictionary of Chinese Culture. More than 1000 Most Important Concepts / Li Jia, Xu Baofeng. Moscow: EKSMO Publishing House, 2023 // URL: https://bookmate.ru/books/gbBn5YQT?username=b1201508149&utm_source=telegram&utm_campaign=users_referral&utm_content=Android&utm_medium=referral
6. Ordin, A.V., Markina, O.A. Confucianism-Neo-Confucianism-Post-Confucianism: Historical Retrospective / A.V. Ordin, O.A. Markina // In the collection of articles of the International scientific and practical conference "Science, Education, Society". Penza: Science and Education (IP Gulyaev G.Yu.), 2021. Pp. 71–73.
7. Juani 17–25 / Translation from Chinese and commentary by V.M. Rybakov. St. Petersburg: Petersburg Oriental Studies, 2005. 384 p.
8. Chen Liang. Linguocultural analysis of the Chinese treatise by Confucius "Analects" and its translations into Russian: diss. ... Cand. Philological Sciences. / Chen Liang; Peoples' Friendship University of Russia. Moscow, 2022. 174 p.

For citation: Tachkova A.K. Concept, characteristics and role of a noble man in the theory of state and law of Kong Fu Tzu: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 83–88.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.77

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.89

ЦИФРОВИЗАЦИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ: ЭТИЧЕСКИЕ И ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ

А.О. Чайникова*

Аннотация. В статье дается обзор изменений следственной деятельности под влиянием информационных технологий. Процесс цифровизации и информационные инновации проникают во все сферы государственной и общественной жизни, в том числе и в правовую реальность, влияя как положительно, так и отрицательно на ее составляющие. Рассмотрены нормативные правовые акты, в которых закреплены термины «цифровизация», «информационные технологии», «защита информации».

Ключевые слова: цифровизация, право, информационные технологии, блокчейн, цифровые следы, искусственный интеллект, кибербезопасность.

Широкое использование информационно-телекоммуникационных технологий приводит к зарождению новых информационных моделей «личность-общество», «личность-природа», «государство-гражданин», становлению кибернетической (информационной) цивилизации [7]. Информационные технологии проникают во все сферы государственной и общественной жизни, включая право, принося за собой автоматизацию рутинных процессов [10]. Однако данный аспект, обладая, несомненно, положительными началами, несёт за собой новые вызовы и угрозы [5], а также открывает новые направления деятельности для правоохранительных органов, обеспечивающих информационную безопасность.

Цифровую трансформацию и прогрессивность деятельности за счёт использования информационных технологий логично рассматривать как со стороны представителей преступного мира, которые совершенствуют и оттачивают механизмы совершения преступлений, а также находят лазейки и пробелы в деятельности тех, кто, в свою очередь, выступает в противостояние со второй стороной, применяющей информационные технологии для повышения эффективности своей деятельности, а именно правоохранительные органы государства.

---

* **Чайникова Анастасия Олеговна** – студент 1 курса Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева. E-mail: aaa_ch.a@mail.ru

Научный руководитель – **Солодовникова Альбина Владимировна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Московской академии Следственного комитета имени А.Я. Сухарева, кандидат юридических наук, старший лейтенант юстиции. E-mail: a.v.solodovnikova@mail.ru

Перед раскрытием самой сущности данной проблематики следует упомянуть об интересном факте. Преступность в информационной сфере способна оказывать положительный эффект в области обеспечения этой самой безопасности. Так, США привлекают для работы над программным обеспечением безопасности лиц, которые ранее своими преступными действиями нанесли ущерб государству и выявили уязвимости, потенциальные каналы утечки персональных данных и др.

Для начала следует рассмотреть понятийно-категориальный аппарат. Рассмотрим правовые основы, в которых закреплены термины «цифровизация», «информационные технологии». Согласно приказу Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428, цифровизация (цифровое развитие) предполагает под собой процесс организации выполнения в цифровой среде функций и деятельности, ранее выполнявшихся людьми и организациями без использования цифровых продуктов [3]. Определение «информационных технологий» содержится в Федеральном законе от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», а именно информационные технологии предполагают под собой процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов [1]. Следует отметить, что в УПК РФ внесены изменения, направленные на оптимизацию досудебной стадии уголовного судопроизводства за счёт использования современных цифровых платформ и технологий, что, в свою очередь, упрощает работу компетентных органов [2].

Имеются и определённые возможности, которые открываются в работе следствия при использовании цифровых технологий, а именно: автоматизация процесса следствия; архивирование и анализ объёмных и многоэпизодных уголовных дел, в особенности, для автоматического составления следственного документа, постановлений о привлечении обвиняемого и обвинительных заключений и др.; получение сведений по уголовным делам из оперативных учетов; разработка автоматизированных методик расследования преступлений различных видов; сбор данных по расследуемым уголовным делам и проведение статистического анализа в установленных формах; автоматизация контроля за выполнением процессуальных планов и сроков; создание, использование и преумножение базы данных для получения информации, необходимой в процессе следствия.

Если говорить об автоматизации самого процесса следствия, то важно отметить, что компьютерные информационные технологии широко используются при создании электронных документов, составление календарных графиков расследования и, соответственно, планов; при быстром поиске справочной информации в базах данных других правоохранительных органов; при проведении анализа и статистики расследования уголовных дел; анализе баз данных прошлых преступлений и др.

Важную роль играют основные инструменты, на которые опираются компетентные лица при проведении следственных действий, используя в свою очередь цифровые технологии, которые предоставляют новые возможности для сбора и анализа данных, включая персональные данные [6].

Электронные доказательства представляют собой информацию, которая хранится в электронном виде и может быть использована в судебном процессе. Они могут быть представлены различными электронными письмами и сообщениями в мессенджерах, фотографиями, видеофайлами, электронными документами, хранящимися на компьютерах, серверах, смартфонах и других электронных устройствах. Благодаря рациональному использованию данного вида доказательств, возможно, определить точное время и дату создания электронных данных, можно копировать их, хранить в цифровом виде, что упрощает доступ к ним, а также собирать большие объемы данных, которые в физической форме порой трудно хранить, а также и обрабатывать человеком. Напротив, возникают и вызовы в использовании данного вида доказательств, а именно важно подтверждать достоверность и неизменность электронных данных. Нельзя допустить фальсификаций и модификации электронных данных, которые, в свою очередь, могут выступать доказательствами в судебных разбирательствах.

Ни для кого не секрет, что в настоящее время в ходе следственных действий используются системы аудио- и видеозаписи. С использованием устройств для записи аудио и видео проводятся допросы, осмотры места происшествия в целях фиксации следственных действий. Несомненно, у данного аспекта есть плюсы, а именно формирование наглядной картины события, сохранение информации о событии для дальнейшего анализа, снижение риска субъективных интерпретаций. Но, при этом же поднимается вопрос этики следственной деятельности. А именно вопрос конфиденциальности. Необходимо соблюдение прав приватности. Помимо этого, требуется специальное оборудование и программное обеспечение для более качественного записи звука и видео.

Говоря о видеозаписи, важно упомянуть и о добавочном инструменте – искусственном интеллекте (далее – ИИ), который активно внедряется в нашу жизнь и в следственную деятельность в том числе [4; 8]. Он применяется в системах распознавания лиц, анализа текста, предсказания преступности, автоматизации документооборота. С использованием данного инструмента в следственной деятельности улучшается процесс принятия решений, повышается точность и скорость обработки данных, автоматизируются рутинные операции. Здесь же возникает этические проблемы. Ответственность за решение, принимаемое искусственным интеллектом, придется нести человеку. Помимо этого возможен риск дискриминации и неравенства при принятии определенного решения в ходе применения ИИ в рамках следственной деятельности.

В современном мире можно встретить зашифрованные данные, электронные подписи и др. Криптография – искусство и наука шифрования и расшифрования информации. С одной стороны, преимуществом является конфиденциальность – гарантированная защита информации от несанкционированного доступа, но, с другой стороны, сложность и стоимость реализации.

В современном мире используются и блокчейн технологии, которые присутствуют и в следственной деятельности. Блокчейн представляет собой распределенную базу данных, обеспечивающую безопасность, прозрач-

ность и неизменность информации [9]. Примером этому может служить хранение электронных доказательств, отслеживание передвижения предметов, управление доступами к информации.

Важно создать правовой и организационный механизмы, обеспечивающие безопасное, рациональное и эффективное использование информационных технологий в рамках осуществления следственных действий. Блокчейн обеспечивает открытый и неизменяемый учет всех действий, что затрудняет сокрытие коррупционных схем, что способствует повышению эффективности проводимых следственных действий.

Обобщая вышесказанное, следует отметить преимущество цифровизации в правовой среде: повышение эффективности скорости, точности, доступности и прозрачности процессов следственной деятельности. Однако невозможно исключить этические и правовые вызовы цифровизации следственной деятельности. Важно соразмерно использовать цифровые инструменты расследования в целях соблюдения прав и свобод человека. Важно обеспечить доступность цифровых инструментов для всех участников процесса, что обеспечит справедливый доступ к правосудию.

Кроме того, необходимо установить правовые рамки для использования искусственного интеллекта, противодействия дискриминации и обеспечению прозрачности алгоритмов, которые в свою очередь используются этим же искусственным интеллектом.

Библиографический список

1. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // www.consultant.ru
2. Федеральный закон от 25 декабря 2023 г. № 672-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // www.consultant.ru
3. Приказ Минкомсвязи России от 01.08.2018 № 428 «Об утверждении Разъяснений (методических рекомендаций) по разработке региональных проектов в рамках федеральных проектов национальной программы "Цифровая экономика Российской Федерации"» // www.consultant.ru
4. *Абдулина, Э.М.* Искусственный интеллект: проблемы и перспективы / Э.М. Абдулина // Молодой ученый. – 2020. – № 1 (291). – С. 9–10.
5. Воробьев С.М., Комаров С.А. Риски в информационной цивилизации: теоретико-правовое осмысление: статья // Теория государства и права. – 2019. – № 3. – С. 20–36.
6. *Комаров С.А., Мицкая Е.В.* Правовое регулирование обеспечения информационной безопасности и защиты персональных данных: монография [Текст] / Под ред. С.А. Комарова. – СПб.: Издательство Юридического института (Санкт-Петербург), 2018. – 168 с.
7. *Комаров С.А. и др.* Теоретико-правовая парадигма существования кибернетической (информационной) цивилизации: монография / Под ред. С.А. Комарова. – М.: Изд-во МАТГиП, 2022. – 320 с.
8. *Перова, М.В.* Проблемы развития искусственного интеллекта / М.В. Перова, А. Д. Дмитриева // Молодой ученый. – 2021. – № 4 (346). – С. 12–15.
9. *Скорубская, Я.Е.* Перспективы развития правового регулирования блокчейн-технологии / Я.Е. Скорубская // Молодой ученый. – 2022. – № 18 (413). – С. 354–356.

10. Халикова, С.М. Трансформация права в условиях цифровизации / С.М. Халикова // Молодой ученый. – 2020. – № 35 (325). – С. 137–139.

Для цитирования: Чайникова А.О. Цифровизация следственной деятельности: этические и правовые вызовы: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 89–93.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.89

DIGITALIZATION OF INVESTIGATIVE ACTIVITIES: ETHICAL AND LEGAL CHALLENGES

Anastasia O. Chainikova*

Annotation. The article provides an overview of changes in investigative activities under the influence of information technologies. The process of digitalization and information innovations penetrate into all spheres of state and public life, including legal reality, influencing both positively and negatively its components. Regulatory legal acts that enshrine the terms "digitalization", "information technology", "information protection" are considered.

Keywords: digitalization, law, information technology, blockchain, digital traces, artificial intelligence, cybersecurity.

The widespread use of information and telecommunication technologies leads to the emergence of new information models "personality-society", "personality-nature", "state-citizen", the formation of a cybernetic (information) civilization [7]. Information technologies penetrate into all spheres of state and public life, including law, bringing with them the automation of routine processes [10]. However, this aspect, while undoubtedly having positive principles, brings with it new challenges and threats [5], and also opens up new areas of activity for law enforcement agencies that ensure information security.

It is logical to consider digital transformation and progressiveness of activity due to the use of information technologies from the side of representatives of the criminal world, who improve and hone the mechanisms for committing crimes, and also find loopholes and gaps in the activities of those who, in turn, oppose the second party using information technologies to improve the efficiency of their activities, namely, law enforcement agencies of the state.

Before disclosing the essence of this issue, it is worth mentioning an interesting fact. Crime in the information sphere can have a positive effect in the field of ensuring this very security. Thus, the United States attracts individuals who have previously caused damage to the state through their criminal actions and identified vulnerabilities, potential channels for leakage of personal data, etc. to work on security software.

---

* **Chainikova Anastasia Olegovna** – 1st year student of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev. E-mail: aaa_ch.a@mail.ru

Scientific supervisor – **Solodovnikova Albina Vladimirovna**, associate professor of the department of state and legal disciplines of the Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev, candidate of legal sciences, senior lieutenant of justice. E-mail: a.v.solodovnikova@mail.ru

First, it is necessary to consider the conceptual and categorical apparatus. Let us consider the legal basis in which the terms "digitalization" and "information technology" are enshrined. According to the order of the Ministry of Communications of Russia dated 01.08.2018 No. 428, digitalization (digital development) implies the process of organizing the implementation in the digital environment of functions and activities previously performed by people and organizations without the use of digital products [3]. The definition of "information technology" is contained in the Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technology and the Protection of Information", namely, information technology implies the processes, methods of searching, collecting, storing, processing, providing, distributing information and the methods for implementing such processes and methods [1]. It should be noted that amendments have been made to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation aimed at optimizing the pre-trial stage of criminal proceedings through the use of modern digital platforms and technologies, which in turn simplifies the work of competent authorities [2].

There are also certain opportunities that open up in the work of the investigation when using digital technologies, namely: automation of the investigative process; archiving and analysis of voluminous and multi-episode criminal cases, in particular, for the automatic preparation of investigative documents, decisions on bringing the accused and indictments, etc.; obtaining information on criminal cases from operational records; development of automated methods for investigating various types of crimes; collection of data on criminal cases under investigation and conducting statistical analysis in established forms; automation of control over the implementation of procedural plans and deadlines; creation, use and expansion of a database to obtain information necessary in the investigation process.

If we talk about the automation of the investigation process itself, it is important to note that computer information technologies are widely used in the creation of electronic documents, the preparation of investigation calendars and, accordingly, plans; in the rapid search for reference information in the databases of other law enforcement agencies; in the analysis and statistics of criminal investigations; the analysis of databases of past crimes, etc.

An important role is played by the main tools that competent persons rely on when conducting investigative actions, using in turn digital technologies that provide new opportunities for collecting and analyzing data, including personal data [6].

Electronic evidence is information that is stored electronically and can be used in legal proceedings. They can be represented by various emails and messages in instant messengers, photographs, video files, electronic documents stored on computers, servers, smartphones and other electronic devices. Due to the rational use of this type of evidence, it is possible to determine the exact time and date of creation of electronic data, copy them, store them in digital form, which simplifies access to them, and collect large volumes of data that are sometimes difficult to store in physical form, as well as process by a person. On the contrary, there are also challenges in the use of this type of evidence, namely, it is important to confirm the reliability and immutability of

electronic data. It is impossible to allow falsification and modification of electronic data, which in turn can serve as evidence in court proceedings. It is no secret that currently, audio and video recording systems are used during investigative actions. Interrogations, inspections of the scene of the incident are carried out with the use of devices for recording audio and video in order to record investigative actions. Undoubtedly, this aspect has advantages, namely the formation of a visual picture of the event, preservation of information about the event for further analysis, reducing the risk of subjective interpretations. But at the same time, the issue of ethics of investigative activity arises. Namely, the issue of confidentiality. Privacy rights must be respected. In addition, special equipment and software are required for higher-quality audio and video recording.

Speaking about video recording, it is important to mention an additional tool – artificial intelligence (hereinafter – AI), which is actively being introduced into our lives and into investigative activities, including [4; 8]. It is used in face recognition systems, text analysis, crime prediction, and document flow automation. Using this tool in investigative activities improves the decision-making process, increases the accuracy and speed of data processing, and automates routine operations. Ethical issues also arise here. A person will have to bear responsibility for the decision made by artificial intelligence. In addition, there is a risk of discrimination and inequality when making a certain decision when using AI in investigative activities.

In today's conditions, you can find encrypted data, electronic signatures, etc. Cryptography is the art and science of encrypting and decrypting information. On the one hand, the advantage is confidentiality – guaranteed protection of information from unauthorized access, but, on the other hand, the complexity and cost of implementation.

In the modern world, blockchain technologies are also used, which are also present in investigative activities. Blockchain is a distributed database that ensures security, transparency and immutability of information [9]. An example of this is the storage of electronic evidence, tracking the movement of objects, and managing access to information. It is important to create legal and organizational mechanisms that ensure the safe, rational and effective use of information technology in the implementation of investigative actions. Blockchain provides an open and immutable record of all actions, which makes it difficult to conceal corruption schemes, which helps to increase the effectiveness of investigative actions.

Summarizing the above, it should be noted the advantage of digitalization in the legal environment: increasing the efficiency of speed, accuracy, accessibility and transparency of investigative processes. However, it is impossible to exclude the ethical and legal challenges of digitalization of investigative activities. It is important to use digital investigative tools proportionately in order to comply with human rights and freedoms. It is important to ensure the availability of digital tools for all participants in the process, which will ensure fair access to justice. In addition, it is necessary to establish a legal framework for the use of artificial intelligence, combat discrimination and ensure transparency of the algorithms that are in turn used by this same artificial intelligence.

Bibliographic list

1. Federal Law of July 27, 2006 No. 149-FZ "On Information, Information Technologies and Information Protection" // www.consultant.ru
2. Federal Law of December 25, 2023 No. 672-FZ "On Amendments to the Criminal Procedure Code of the Russian Federation" // www.consultant.ru
3. Order of the Ministry of Communications of Russia dated August 1, 2018 No. 428 "On Approval of Explanations (Methodological Recommendations) for the Development of Regional Projects within the Framework of Federal Projects of the National Program "Digital Economy of the Russian Federation" // www.consultant.ru
4. Abdulina, E.M. Artificial Intelligence: Problems and Prospects / E.M. Abdulina // *Young Scientist*. 2020. No. 1 (291). P. 9–10.
5. Vorobyov S.M., Komarov S.A. Risks in the information civilization: theoretical and legal understanding: article // *Theory of state and law*. 2019. No. 3. P. 20–36.
6. Komarov S.A., Mitskaya E.V. Legal regulation of information security and personal data protection: monograph [Text] / Ed. S.A. Komarov. St. Petersburg: Publishing House of the Law Institute (St. Petersburg), 2018. 168 p.
7. Komarov S.A. et al. Theoretical and legal paradigm of the existence of a cybernetic (information) civilization: monograph / Ed. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house of MATGiP, 2022. 320 p.
8. Perova, M.V. Problems of Artificial Intelligence Development / M.V. Perova, A.D. Dmitrieva // *Young Scientist*. 2021. No. 4 (346). P. 12–15.
9. Skorubskaya, Ya.E. Prospects for the Development of Legal Regulation of Blockchain Technology / Ya.E. Skorubskaya // *Young Scientist*. 2022. No. 18 (413). P. 354–356.
10. Khalikova, S.M. Transformation of Law in the Context of Digitalization / S.M. Khalikova // *Young Scientist*. 2020. No. 35 (325). P. 137–139.

For citation: Chainikova A.O. Digitalization of investigative activities: ethical and legal challenges: article // *Legal Thought*. 2024. No. 2 (134). P. 93–96.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.89

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.2. – ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 336.225.673

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.97

НАЛОГОВЫЙ КОНТРОЛЬ КАК ПРАВОВОЕ СРЕДСТВО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

К.В. Фирсова*

Аннотация. В статье анализируется сложившаяся концепция экономической безопасности, раскрываются содержательные аспекты понятий «экономическая безопасность», «финансовая безопасность», «финансовая система» и «налоговая система» для осмысления значимости конструирования новых приёмов и способов в налоговой сфере. Автором предлагается рассмотреть налоговый контроль как важный инструмент противодействия внутренним угрозам экономической безопасности РФ, его особенности и несовершенство.

Ключевые слова: финансовая безопасность, финансовая система, налоговая система, налоговый контроль, ФНС, специальный налоговый режим, дробление бизнеса.

В настоящее время обеспечение экономической безопасности Российской Федерации приобретает особое значение. Понятие «экономическая безопасность РФ» тесно связано с понятиями «экономический суверенитет», «финансовый суверенитет» и «финансовая безопасность». Согласно п. 25 Стратегии национальной безопасности, национальная безопасность включает в себя экономическую безопасность, а, значит, и её относительно самостоятельную часть – финансовую безопасность [9]. Экономическая безопасность отражает специфику отдельной сферы национальной безопасности, является состоянием защищённости экономического суверенитета, экономического пространства и стратегических национальных приоритетов (личность, общество,

---

* **Фирсова Карина Викторовна**, студент Высшей школы государственного аудита (факультета) МГУ имени М. В. Ломоносова. E-mail: revnevia@gmail.com

Научный руководитель – **Хабибулин Алик Галимзянович**, заведующий кафедрой экономических и финансовых исследований Высшей школы государственного аудита (факультет) МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор юридических наук, профессор. E-mail: matgip2017@yandex.ru

государство) от внутренних и внешних негативных факторов [5; 8; 23]. При этом существуют иные экономико-правовые и экономические подходы к понятию экономической безопасности.

Так, С.В. Степашин, А.И. Васильев, В.П. Сальников оценивают экономическую безопасность как защиту и баланс национальных, экономических и социальных интересов на основе стабильного и поступательного развития экономики. С.Ю. Глазьев, Е.М. Бухвальд, В.К. Сенчагов рассматривали экономическую безопасность как качественную характеристику состояния национальной экономики и производительных сил общества [22, с. 228–229]. Р.Ф. Исмагилов выделил ещё технико-экономическую независимость страны как важнейшую составляющую и, соответственно, расширил определение анализируемого понятия [17].

Другими словами, экономическая безопасность – это сложившаяся модель экономических отношений на определённом этапе развития государства, которая анализируется при помощи экономических показателей (производство ВВП и ВНП, демографические показатели, занятость населения, уровень безработицы, инфляция, денежное обращение, национальный доход, внешнеэкономическая деятельность).

Важнейшей составляющей экономической безопасности является финансовая безопасность. Её выделение обусловлено существованием финансовой системы как связующего звена различных секторов экономики и всех сфер общества, представляющего собой совокупность финансовых учреждений и финансовых рынков, которые с помощью ряда финансовых инструментов обеспечивают формирование, перераспределение и использование денежных средств. При этом понятийно-категориальный аппарат, использующийся при рассмотрении финансовой безопасности как объекта научных исследований в финансово-правовой сфере, отличается от терминологии экономической науки [23].

Отдельные понятия, например, деньги, денежные отношения, денежные обязательства, отражают взаимосвязь финансовой безопасности и экономической безопасности и определяют экономическую природу финансовой безопасности, однако при анализе финансовой безопасности они приобретают особые, специфические признаки, которые позволяют разграничить финансовую и экономическую безопасность. В рамках финансовой системы процесс перераспределения денежной массы приобретает «целовой» публичный характер. Это определяет предмет финансовых отношений, который включает в себя государственные, муниципальные и негосударственные публичные финансы.

Наличие множества форм собственности не усложняет квалификацию финансовых отношений, направленных на обеспечение финансовой безопасности, как таковых, то есть финансовая система основывается не на формах собственности, а на публичном интересе как квалифицирующем признаке финансовых отношений, способным реализоваться через любую форму собственности [18].

Финансовая система представляет собой структуру централизованных (бюджетная система, внебюджетные государственные фонды, кредит, обязательное государственное страхование) и децентрализованных денеж-

ных фондов (финансы предприятий различных форм собственности), осуществляющих финансовую деятельность [20]. В тех или иных формах органы публичной власти участвуют в аккумулировании, распределении и использовании денежных фондов для реализации целей и задач финансовой безопасности государства в целом.

Существуют органы общей компетенции, выполняющие функции по обеспечению финансовой безопасности в качестве дополнительных (Президент РФ, Федеральное Собрание РФ Правительство РФ), и органы специальной компетенции, осуществляющие деятельность по обеспечению финансовой безопасности в качестве основной (Совет Безопасности, Министерство финансов РФ, Центральный Банк России, Счётная палата РФ, Федеральная антимонопольная служба, Федеральная служба по финансовому мониторингу).

Внутри финансовой системы выделяется налоговая система, которая является совокупностью законно установленных налогов и сборов, взимаемых в государстве, форм и методов её построения, порядок налогообложения [19; 21]. Налоговые органы представлены аппаратами Министерства финансов, Федеральной налоговой службы, межрегиональными инспекциями и управлениями по субъектам ФНС России и состоит из трёх уровней (федерального, регионального и местного), что обуславливается закреплением принципа федерализма в Конституции РФ (ст. 1, 5, 72, 77) [1].

Основной задачей налоговой системы является аккумулирование фондов денежных средств, которые перераспределяются бюджетной системой, являющейся также составляющей финансовой системы страны и построенной аналогичным образом, то есть каждому уровню налоговой системы соответствует уровень бюджетной системы. Следовательно, финансовые ресурсы или налоги являются одним из доходных источников бюджетной системы, поэтому обеспечение финансовой безопасности налоговой системы приобретает особое значение.

Таким образом, взаимосвязь понятий «финансовая безопасность» и «экономическая безопасность» проявляется в общей экономической природе, которая отражается на содержании этих понятий. При этом финансовый суверенитет и экономический суверенитет являются объектами финансовой безопасности и экономической безопасности, соответственно. Степень и состояние их защищённости являются важными задачами органов публичной власти, обеспечивающих финансовую безопасность в рамках своей компетенции, в особенности ФНС России, от должного функционирования которой зависит состояние налоговой системы как объекта обеспечения финансовой безопасности.

Рассмотрение основных полномочий налоговых органов позволяют получить наиболее полное представление о том, какие действия предпринимаются для развития и обеспечения безопасности финансовой системы и её суверенитета через призму налоговой системы. В финансовой системе Российской Федерации выделяют налоговую систему. Налоговые органы представляют собой единую систему контроля, к которой относятся федеральный орган исполнительной власти (ФНС) и его территориальные органы (межрегиональные инспекции и управления).

Одним из направлений деятельности налоговых органов признаётся налоговый контроль, который гарантирует соблюдение налогового законодательства. Для предупреждения, предотвращения и обнаружения совершения налоговых правонарушений органы налогового контроля осуществляют камеральные и выездные налоговые проверки. Если налогоплательщик не устранил соответствующие ошибки в расчётах налогов или в перечислении ЕНП на ЕНС после сообщения налоговыми органами о результатах камеральной проверки бухгалтерских и налоговых отчётов, налоговый инспектор на основании решения налогового органа и в соответствии со статьёй 89 НК РФ проводит выездную налоговую проверку, по её итогам составляет протокол в порядке статьи 100 НК РФ с учётом выявленных нарушений, передаёт материалы руководителю или заместителю руководителя налогового органа, который выносит решение о привлечении к налоговой ответственности или об отказе в привлечении к налоговой ответственности за совершение налогового правонарушения, согласно положениям главы 16 НК РФ и статьи 101 НК РФ [2].

В отдельных случаях (непредставление налоговой декларации и иных обязательных документов или включение в них заведомо ложных сведений и не устранение нарушений до окончания срока вступления в законную силу решения налогового органа о привлечении к налоговой ответственности в соответствии со статьями 119 и 126.1 НК РФ) в соответствии с пунктом 3 статьи 32 НК РФ налоговый орган составляет мотивированное решение, содержащее информацию об обстоятельствах совершения налогового преступления, и направляет в следственные органы, которые по результатам рассмотрения материалов налоговой проверки, могут возбудить уголовное дело на основании части 1.3 статьи 140 УПК РФ [2; 4]. Таким образом, можно сделать вывод, что в законе чётко регламентируется инструмент налогового контроля по выявлению налоговых правонарушений и налоговых преступлений.

Однако не всегда то или иное действие налогоплательщика в случае несоответствия отчётов требованиям налогового законодательства можно оценить, исходя из норм закона, как налоговое преступление или налоговое правонарушение. Существуют также такие деяния, которые следует оценивать с позиции общих положений и принципов налогового права и ответственность за которые не может наступать в соответствии с главой 15 НК РФ [2] или статьями 198–199.2 УК РФ [3]. Под этим подразумевается злоупотребление правом путём обхода закона. Концепция развития гражданского законодательства от 7 октября 2009 года раскрывает сущность этого явления не только как гражданско-правовой проблемы, но и как общеправовой проблемы [6].

В отличие от гражданского права, где причины обхода закона зависят от множества особенностей гражданских правоотношений и поэтому нельзя представить их закрытый перечень, в налоговом праве причина такого явления заключается в намерении налогоплательщика получить необоснованную налоговую выгоду. Кроме того, существует способ получения необоснованной налоговой выгоды, который по своей природе является нарушением принципа добросовестности при формальном соблюдении требований закона.

Согласно позиции ФНС России, выраженной в Письме от 2 мая 2023 года, «дробление бизнеса» (необоснованное применение специального налогового режима) признаётся в качестве единственного возможного способа злоупотребления правом путём обхода закона, хотя на практике оптимизация налоговых отчислений и налогового планирования трактуется некоторыми налоговыми консультантами широко (например, В. В. Туровым), ввиду чего постоянно возникают иные проявления недобросовестности их клиентов-налогоплательщиков, соответственно, не следует ограничивать содержание понятия получения необоснованной налоговой выгоды [14]. При этом разъяснение ФНС России имеет большое значение для закрепления единого понимания органами государственной власти и гражданами «дробления бизнеса» как злоупотребления правом путём обхода закона. Эта позиция соответствует выводам Постановлений СКЭС Верховного Суда РФ и некоторым постановлениям арбитражных судов, Правительства РФ, Министерства финансов РФ, позиции Президента РФ [7; 11; 12; 13; 15]. Кроме того, она была заложена в основу проекта ФНС России «Дробление бизнеса. Концепция 2.1» [16].

Следует обратить особое внимание на проект ФНС России «Дробление бизнеса. Концепция 2.1», который разрабатывается во исполнение поручений Президента Правительству РФ по итогам Петербургского международного экономического форума в 2023 г. и Послания Президента Федеральному собранию, а также Постановления Совета Федерации «О реализации налоговой политики в целях обеспечения экономического роста». Этот доклад основан на предложениях налогового эксперта В. М. Зарипова, ФНС России, «Деловой России», «Опоры России», РСПП и Торгово-промышленной палаты. Согласно разрабатываемому документу, необходима налоговая амнистия для предпринимателей, которые использовали УСН без перехода на ОСН в целях облегчения налогового бремени, и установление прогрессивной шкалы лимитов доходов по УСН.

Исходя из данных Forbes, предлагается упразднить лимиты по численности сотрудников и стоимости основных средств, так как это создаёт риски неофициального трудоустройства и использование низкоквалифицированного труда [16]. Также предусматривается определение лимита не по контролирующему лицу, а по группе лиц, занимающихся одинаковым видом деятельности по ОКВЭД с одновременным повышением порога, то есть при выявлении необоснованного применения специального налогового режима будет осуществляться перерасчёт налогов не только у контролирующего лица, но и у подконтрольных лиц. При этом если организации и ИП с одним контролирующим лицом будут осуществлять разные виды деятельности и их совокупный доход будет выше 2 млрд рублей, то такие организации лишаются права на применение УСН и обязуются перейти на ОСН.

В 2021 году был введён элемент прогрессивной шкалы по УСН (сохранение за юридическим или физическим лицом права на использование УСН при превышении лимита доходов от 199,35 млн. рублей до 265,8 млн рублей). В соответствии с Концепцией будут установлены новые механизмы. Размер дохода будет определяться по итогам каждого квартала нарас-

тающим итогом. В случае превышения лимита доходов в конкретном квартале, налоговая ставка будет повышаться. В докладе ФНС предлагается введение принципа централизованного налогового администрирования, а именно выбор контролирующим лицом налоговой инспекции, если организации и ИП состоят на учёте в разных налоговых органах. При обнаружении в ходе камеральной налоговой проверки недоимки по УСН группа лиц должна будет доплатить налог и пени. Такие меры должны обеспечить поддержку малому и среднему бизнесу в условиях выбранного государством стратегического курса на стимулирование отечественного производства и способствование роста экономического потенциала.

Таким образом, ФНС России создаёт условия для единообразия функционирования налоговых органов и для унификации приёмов и методов налогового контроля.

Резюмируя вышесказанное, обеспечение экономической безопасности и финансовой безопасности являются основными задачами государства, закреплёнными в Стратегии национальной безопасности. Финансовая система РФ состоит из органов публичной власти, которые обладают основными или дополнительными полномочиями, осуществляемые в целях должного использования, распределения и аккумуляции публичных финансов в централизованных и децентрализованных денежных фондах.

Активное сотрудничество в рамках заключаемых соглашений и издаваемых приказов способствует стабильности финансовой системы и позволяет органам государственной власти в пределах своей компетенции предпринимать наиболее эффективные действия для упорядочивания перераспределения «целевых» денежных средств. ФНС России является одним из органов, обладающих специальными полномочиями в сфере обеспечения финансовой безопасности.

Осуществление налогового контроля в соответствии с налоговым законодательством нормализует функционирование финансовой системы путём наделения определёнными полномочиями налоговые органы. Установление порядка уплаты налогов и сборов (специальных налоговых режимов) систематизирует деятельность ФНС России, позволяет оптимизировать налоговую базу налогоплательщикам и определяет их экономико-правовые отношения между собой.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru; Комаров С.А. и др. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
2. Налоговый кодекс Российской Федерации (часть первая) от 31.07.1998 № 146-ФЗ (ред. от 31.07.2023) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165
3. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 14.02.2024) // www.consultant.ru

4. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 22.04.2024) // www.consultant.ru
5. Федеральный закон «О безопасности» от 28.12.2010 № 390-ФЗ (ред. от 10.07.2023) // www.consultant.ru
6. «Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации» (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // www.consultant.ru
7. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 29.02.2024 "Послание Президента Федеральному Собранию" // www.consultant.ru
8. Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // www.consultant.ru
9. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О стратегии национальной безопасности» // www.consultant.ru
10. Приказ Росстандарта от 31 января 2014 «ОК 029-2014 (КДЕС Ред. 2). Общероссийский классификатор видов экономической деятельности» (ред. 21.08.2023) // www.consultant.ru
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 21.07.2022 № 301-ЭС22-4481 по делу № А29-2698/2020 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404947403/?ysclid=lvwoa8ubp4417060792>
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2022 № 308-ЭС22-15224 по делу № А63-18516/2020 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405910001/?ysclid=lvwoea196m557347948>
13. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 16.11.2023 № Ф0610083/2023 по делу № А55-37631/2022 // www.consultant.ru
14. Письмо ФНС России от 02.05.2023 № КЧ-4-7/5569@ «О проведении налоговыми органами проверок организаций, оказывающих различный спектр услуг в области автомобильных дорог, а также управляющих организаций, оказывающих услуги в сфере жилищно-коммунального хозяйства» // www.consultant.ru
15. Письмо Департамента налоговой политики Минфина России от 9 ноября 2023 г. № 03-02-07/107221 «Об установлении признаков дробления бизнеса» // www.consultant.ru
16. *Агеева О.* Прогрессия по «упрощенке»: каким может быть решение против дробления бизнеса // Forbes. 2024. Финансы. 15 апреля // <https://www.forbes.ru/finansy/510223-progressia-po-uprosenke-kakim-mozet-byt-resenie-protiv-droblenia-biz-nesa>.
17. *Исмагилов Р.Ф.* Экономическая безопасность России (теоретико-правовой анализ): автореф. дисс... д-ра юрид. наук. – СПб, 2000. – 51 с.
18. *Карасёва (Сенцова) М.В.* Финансовое право – идентификация предмета // Финансовое право. – 2022. – № 8. – С. 2–6.
19. *Крохина, Ю.А.* Налоговое право: учебник для вузов / Ю.А. Крохина. – 10-е изд., перераб. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2023. – 503 с.
20. *Крохина Ю.А.* Финансовое право России: учебник / Ю. А. Крохина. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. – 720 с.
21. *Пепеляев С.Г.* Налоговое право: Учебник для вузов / Под ред. С.Г. Пепеляева. – М.: Пепеляев Групп, 2020. – 796 с.
22. *Прохожиев А., Корнилов М.* О проблеме критериев и оценок экономической безопасности // Общество и экономика. – 2013. – № 4-5. – С. 225–239.

23. Финансовый суверенитет и финансовая безопасность России: угрозы и риски: монография / А.Г. Хабибулин, Е.В. Анищенко, А.В. Анищенко, А.Н. Выборный; под общей редакцией А.Г. Хабибулина. – 2-е изд., расш. и допол. – М.: ВШГА МГУ, 2023. – 480 с.

Для цитирования: *Фирсова К.В.* Налоговый контроль как правовое средство обеспечения экономической безопасности государства: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 97–104.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.97

TAX CONTROL AS A LEGAL MEANS OF ENSURING THE ECONOMIC SECURITY OF THE STATE

Karina V. Firsova*

Annotation. The article analyzes the existing concept of economic security, reveals the substantive aspects of the concepts of "economic security", "financial security", "financial system" and "tax system" to understand the importance of constructing new techniques and methods in the tax sphere. The author proposes to consider tax control as an important tool for counteracting internal threats to the economic security of the Russian Federation, its features and imperfections.

Keywords: financial security, financial system, tax system, tax control, Federal Tax Service, special tax regime, business fragmentation.

At present, ensuring the economic security of the Russian Federation is of particular importance. The concept of "economic security of the Russian Federation" is closely related to the concepts of "economic sovereignty", "financial sovereignty" and "financial security". According to paragraph 25 of the National Security Strategy, national security includes economic security, and, therefore, its relatively independent part – financial security [9]. Economic security reflects the specifics of a separate sphere of national security, is a state of protection of economic sovereignty, economic space and strategic national priorities (individual, society, state) from internal and external negative factors [5; 8; 23]. At the same time, there are other economic, legal and economic approaches to the concept of economic security.

Thus, S.V. Stepashin, A.I. Vasiliev, V.P. Salnikov assess economic security as protection and balance of national, economic and social interests based on stable and progressive development of the economy. S.Yu. Glazyev, E.M. Bukhvald, V.K. Senchagov considered economic security as a qualitative characteristic of the state of the national economy and the productive forces of society

---

* **Firsova Karina Viktorovna**, student of the Higher School of Public Audit (faculty) of Lomonosov Moscow State University. E-mail: revnevian@gmail.com

Scientific supervisor: **Alik Galimzyanovich Khabibulin**, Head of the Department of Economic and Financial Investigations of the Higher School of Public Audit (Faculty) of Lomonosov Moscow State University, Professor of the Department of Theory of State and Law and Political Science of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Doctor of Law, Professor. E-mail: matgip2017@yandex.ru

[22, pp. 228–229]. R.F. Ismagilov also identified the technical and economic independence of the country as the most important component and, accordingly, expanded the definition of the analyzed concept [17].

In other words, economic security is an established model of economic relations at a certain stage of state development, which is analyzed using economic indicators (GDP and GNP production, demographic indicators, employment, unemployment, inflation, money circulation, national income, foreign economic activity).

The most important component of economic security is financial security. Its allocation is due to the existence of the financial system as a link between various sectors of the economy and all spheres of society, representing a set of financial institutions and financial markets that, with the help of a number of financial instruments, ensure the formation, redistribution and use of funds. At the same time, the conceptual and categorical apparatus used in considering financial security as an object of scientific research in the financial and legal sphere differs from the terminology of economic science [23].

Certain concepts, for example, money, monetary relations, monetary obligations, reflect the relationship between financial security and economic security and determine the economic nature of financial security, but when analyzing financial security they acquire special, specific characteristics that make it possible to distinguish between financial and economic security. Within the financial system, the process of redistribution of the money supply acquires a “targeted” public character. This determines the subject of financial relations, which includes state, municipal and non-state public finances.

The presence of multiple forms of ownership does not complicate the qualification of financial relations aimed at ensuring financial security, as such, that is, the financial system is based not on forms of ownership, but on public interest as a qualifying feature of financial relations, capable of being realized through any form of ownership [18].

The financial system is a structure of centralized (budget system, extra-budgetary state funds, credit, compulsory state insurance) and decentralized monetary funds (finances of enterprises of various forms of ownership) that carry out financial activities [20]. In one form or another, public authorities participate in the accumulation, distribution and use of monetary funds to achieve the goals and objectives of the financial security of the state as a whole.

There are bodies of general competence that perform functions to ensure financial security as additional (the President of the Russian Federation, the Federal Assembly of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation), and bodies of special competence that carry out activities to ensure financial security as the main one (the Security Council, the Ministry of Finance of the Russian Federation, the Central Bank of Russia, the Accounts Chamber of the Russian Federation, the Federal Antimonopoly Service, the Federal Financial Monitoring Service).

Within the financial system, there is a tax system, which is a set of legally established taxes and fees collected in the state, the forms and methods of its construction, and the procedure for taxation [19; 21]. Tax authorities are represented by the offices of the Ministry of Finance, the Federal Tax Service,

interregional inspectorates and departments of the subjects of the Federal Tax Service of Russia and consists of three levels (federal, regional and local), which is due to the consolidation of the principle of federalism in the Constitution of the Russian Federation (Articles 1, 5, 72, 77) [1].

The main task of the tax system is the accumulation of funds of money that are redistributed by the budget system, which is also a component of the country's financial system and is built in a similar way, that is, each level of the tax system corresponds to a level of the budget system. Consequently, financial resources or taxes are one of the sources of income of the budget system, therefore ensuring the financial security of the tax system is of particular importance.

Thus, the relationship between the concepts of "financial security" and "economic security" is manifested in the general economic nature, which is reflected in the content of these concepts. At the same time, financial sovereignty and economic sovereignty are objects of financial security and economic security, respectively. The degree and state of their protection are important tasks of public authorities that ensure financial security within their competence, especially the Federal Tax Service of Russia, on the proper functioning of which the state of the tax system as an object of ensuring financial security depends.

Consideration of the main powers of tax authorities allows us to get the most complete idea of what actions are taken to develop and ensure the security of the financial system and its sovereignty through the prism of the tax system. In the financial system of the Russian Federation, the tax system is distinguished. Tax authorities represent a unified control system, which includes the federal executive body (FTS) and its territorial bodies (interregional inspections and departments).

One of the areas of activity of tax authorities is recognized as tax control, which guarantees compliance with tax legislation. In order to prevent, prevent and detect the commission of tax offenses, tax control authorities carry out office and on-site tax audits. If the taxpayer has not corrected the relevant errors in tax calculations or in the transfer of the Unified Tax Payment to the Unified Tax System after the tax authorities have notified the results of the desk audit of accounting and tax reports, the tax inspector, on the basis of the decision of the tax authority and in accordance with Article 89 of the Tax Code of the Russian Federation, conducts an on-site tax audit, draws up a protocol based on its results in accordance with Article 100 of the Tax Code of the Russian Federation taking into account the violations identified, transfers the materials to the head or deputy head of the tax authority, who makes a decision on bringing to tax liability or on refusing to bring to tax liability for committing a tax offense, in accordance with the provisions of Chapter 16 of the Tax Code of the Russian Federation and Article 101 of the Tax Code of the Russian Federation [2].

In certain cases (failure to submit a tax return and other mandatory documents or the inclusion of knowingly false information in them and failure to correct violations before the end of the period for the entry into force of the tax authority's decision on bringing to tax liability in accordance with Articles 119 and 126.1 of the Tax Code of the Russian Federation), in accordance with paragraph 3 of Article 32 of the Tax Code of the Russian Federation [2], the tax

authority draws up a reasoned decision containing information on the circumstances of the commission of a tax crime and sends it to the investigative bodies, which, based on the results of reviewing the tax audit materials, may initiate a criminal case on the basis of Part 1.3 of Article 140 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation [2; 4]. Thus, it can be concluded that the law clearly regulates the tax control instrument for identifying tax offenses and tax crimes.

However, it is not always possible to assess a particular action of a taxpayer in the event of non-compliance of reports with the requirements of tax legislation, based on the provisions of the law, as a tax crime or tax violation. There are also such acts that should be assessed from the standpoint of general provisions and principles of tax law and liability for which cannot occur in accordance with Chapter 15 of the Tax Code of the Russian Federation [2] or Articles 198–199.2 of the Criminal Code of the Russian Federation [3]. This implies abuse of rights by circumventing the law. The concept of development of civil legislation from October 7, 2009 reveals the essence of this phenomenon not only as a civil law problem, but also as a general legal problem [6].

Unlike civil law, where the reasons for circumventing the law depend on many features of civil legal relations and therefore it is impossible to provide a closed list of them, in tax law the reason for such a phenomenon lies in the taxpayer's intention to receive an unjustified tax benefit. In addition, there is a way to obtain an unjustified tax benefit, which by its nature is a violation of the principle of good faith in formal compliance with the requirements of the law.

According to the position of the Federal Tax Service of Russia, expressed in the Letter dated May 2, 2023, "business fragmentation" (unjustified application of a special tax regime) is recognized as the only possible way to abuse the right by circumventing the law, although in practice, the optimization of tax deductions and tax planning is interpreted broadly by some tax consultants (for example, V. V. Turov), due to which other manifestations of bad faith on the part of their taxpayer clients constantly arise, accordingly, the content of the concept of obtaining an unjustified tax benefit should not be limited [14].

At the same time, the clarification of the Federal Tax Service of Russia is of great importance for consolidating a unified understanding by government agencies and citizens of "business fragmentation" as an abuse of the right by circumventing the law. This position is consistent with the findings of the Resolutions of the Judicial Review Panel of the Supreme Court of the Russian Federation and some resolutions of arbitration courts, the Government of the Russian Federation, the Ministry of Finance of the Russian Federation, and the position of the President of the Russian Federation [7; 11; 12; 13; 15]. In addition, it was laid down as the basis for the project of the Federal Tax Service of Russia "Business Fragmentation. Concept 2.1" [16].

Particular attention should be paid to the project of the Federal Tax Service of Russia "Business Fragmentation. Concept 2.1", which is being developed in pursuance of the instructions of the President to the Government of the Russian Federation following the results of the St. Petersburg International Economic Forum in 2023 and the President's Address to the Federal Assembly, as well as the Resolution of the Federation Council "On the implementation of

tax policy in order to ensure economic growth." This report is based on proposals by tax expert V. M. Zaripov, the Federal Tax Service of Russia, Delovaya Rossiya, Opora Rossii, the RSPP and the Chamber of Commerce and Industry. According to the document being developed, a tax amnesty is needed for entrepreneurs who used the simplified tax system without switching to the general tax system in order to ease the tax burden, and the establishment of a progressive scale of income limits under the simplified tax system.

Based on Forbes data, it is proposed to abolish the limits on the number of employees and the cost of fixed assets, as this creates risks of informal employment and the use of low-skilled labor [16]. It is also envisaged to determine the limit not by the controlling person, but by a group of persons engaged in the same type of activity according to OKVED with a simultaneous increase in the threshold, that is, if an unjustified application of a special tax regime is detected, taxes will be recalculated not only for the controlling person, but also for the controlled persons. At the same time, if organizations and individual entrepreneurs with one controlling person carry out different types of activities and their total income is higher than 2 billion rubles, then such organizations are deprived of the right to use the simplified tax system and are obliged to switch to the general tax system.

In 2021, an element of the progressive scale for the simplified tax system was introduced (retention of the right of a legal entity or individual to use the simplified tax system when the income limit is exceeded from 199.35 million rubles to 265.8 million rubles). In accordance with the Concept, new mechanisms will be established. The amount of income will be determined at the end of each quarter on an accrual basis. If the income limit is exceeded in a specific quarter, the tax rate will increase.

The FTS report proposes introducing the principle of centralized tax administration, namely, the choice of the tax inspectorate by the controlling person if organizations and individual entrepreneurs are registered with different tax authorities. If, during a desk tax audit, arrears under the simplified tax system are discovered, a group of persons will have to pay additional tax and penalties. Such measures should provide support to small and medium-sized businesses in the context of the strategic course chosen by the state to stimulate domestic production and promote the growth of economic potential. Thus, the Federal Tax Service of Russia creates conditions for the uniformity of the functioning of tax authorities and for the unification of tax control methods and techniques.

To summarize the above, ensuring economic security and financial security are the main tasks of the state, enshrined in the National Security Strategy. The financial system of the Russian Federation consists of public authorities that have basic or additional powers, exercised for the purpose of proper use, distribution and accumulation of public finances in centralized and decentralized monetary funds.

Active cooperation within the framework of concluded agreements and issued orders contributes to the stability of the financial system and allows government bodies, within their competence, to take the most effective actions to streamline the redistribution of "targeted" funds. The Federal Tax Service of Russia is one of the bodies with special powers in the field of ensuring financial security.

Implementation of tax control in accordance with tax legislation normalizes the functioning of the financial system by granting certain powers to tax authorities. Establishing the procedure for paying taxes and fees (special tax regimes) systematizes the activities of the Federal Tax Service of Russia, allows optimizing the tax base for taxpayers and determines their economic and legal relations with each other.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru; Komarov S.A. et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2023. 411 p. (Series: Professional commentary).
2. The Tax Code of the Russian Federation (part one) of July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on July 31, 2023) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28165
3. "Criminal Code of the Russian Federation" of June 13, 1996 No. 63-FZ (as amended on February 14, 2024) // www.consultant.ru
4. "Criminal Procedure Code of the Russian Federation" of December 18, 2001 No. 174-FZ (as amended on April 22, 2024) // www.consultant.ru
5. Federal Law "On Security" of December 28, 2010 No. 390-FZ (as amended on 10.07.2023) // www.consultant.ru
6. "Concept for the Development of Civil Legislation of the Russian Federation" (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation dated 07.10.2009) // www.consultant.ru
7. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly dated 29.02.2024 "Message of the President to the Federal Assembly" // www.consultant.ru
8. Decree of the President of the Russian Federation dated May 13, 2017 No. 208 "On the Strategy for Economic Security of the Russian Federation through 2030" // www.consultant.ru
9. Decree of the President of the Russian Federation dated 02.07.2021 No. 400 "On the National Security Strategy" // www.consultant.ru
10. Order Rosstandart of January 31, 2014 "OK 029-2014 (KDES Rev. 2). All-Russian Classifier of Types of Economic Activity" (as amended on August 21, 2023) // www.consultant.ru
11. Definition of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation of July 21, 2022 No. 301-ES22-4481 in case No. A29-2698/2020 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/404947403/?ysclid=lvwoa8ubp4417060792>
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 23.12.2022 № 308-ЭС22-15224 по делу № А63-18516/2020 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405910001/?ysclid=lvwoea196m557347948>
13. Resolution of the Arbitration Court of the Volga District dated 16.11.2023 No. F0610083/2023 in case No. A55-37631/2022 // www.consultant.ru
14. Letter of the Federal Tax Service of Russia dated 02.05.2023 No. KCh-4-7/5569@ "On the conduct of inspections by tax authorities of organizations providing a variety of services in the field of highways, as well as management organizations

providing services in the field of housing and communal services" // www.consultant.ru

15. Letter of the Tax Policy Department of the Ministry of Finance of Russia dated November 9, 2023 No. 03-02-07/107221 "On establishing signs of business fragmentation" // www.consultant.ru

16. Ageeva O. Progression under the "simplified" system: what could be the solution against business fragmentation // Forbes. 2024. Finance. April 15 // <https://www.forbes.ru/finansy/510223-progressia-po-uprosenke-kakim-mozet-byt-resenie-protiv-droblenia-biznesa>.

17. Ismagilov R.F. Economic security of Russia (theoretical and legal analysis): author's abstract. diss... Doctor of Law. St. Petersburg, 2000. 51 p.

18. Karaseva (Sentsova) M.V. Financial law – identification of the subject // Financial law. 2022. No. 8. P. 2–6.

19. Krokhina, Yu.A. Tax law: textbook / Yu.A. Krokhina. 10th ed., revised and enlarged. Moscow: Izdatelstvo Yurait, 2023. 503 p.

20. Krokhina Yu.A. Financial law of Russia: textbook / Yu.A. Krokhina. 4th ed., revised and enlarged. Moscow: Norma: INFRA-M, 2011. 720 p.

21. Pepeliaev S.G. Tax law: Textbook for universities / Ed. S.G. Pepeliaev. Moscow: Pepeliaev Group, 2020. 796 p.

22. Prokhozheev A., Kornilov M. On the problem of criteria and assessments of economic security // Society and Economy. 2013. No. 4-5. P. 225–239.

23. Financial sovereignty and financial security of Russia: threats and risks: monograph / A.G. Khabibulin, E.V. Anishchenko, A.V. Anishchenko, A.N. Vyborny; under the general editorship of A.G. Khabibulin. 2nd ed., expanded. and supplemented. Moscow: Higher School of State Agrarian Policy, Moscow State University, 2023. 480 p.

For citation: Firsova K.V. Tax control as a legal means of ensuring the economic security of the state: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 104–110.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.97

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.3. ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

Научная статья

УДК 331.109.648

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.111

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ СУДЕБНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В АРБИТРАЖНЫХ СУДАХ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

А.К. Тимошкин*

Аннотация. В статье рассматривается концепция индивидуального регулирования в контексте правовой системы Российской Федерации. В ней анализируются понятия «подзаконное регулирование» и «ненормативное регулирование», а также подчеркивается роль индивидуального регулирования в создании адекватной и гибкой правовой среды. Освещается процесс индивидуального судебного регулирования и его значение для развития правовой системы, подчеркивается его роль в урегулировании конкретных общественных отношений и влияние на правообразование. Автор приходит к выводу, что индивидуальное судебное регулирование играет важную роль в системе государственных органов власти, способствуя динамичному функционированию правовой системы и достижению «подвижного равновесия».

Ключевые слова: подзаконное регулирование, ненормативное регулирование, индивидуальное регулирование, судебное регулирование, правовая среда, гибкость правовой системы, саморегуляция, пробелы в законодательстве, судебная практика, развитие правовой системы.

В Арбитражном процессуальном кодексе Российской Федерации (далее – АПК РФ) установлено, что правосудие в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности осуществляется арбитражными судами в Российской Федерации, образованными в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным конституционным законом (далее – арбитражные суды), путем разрешения экономических споров и рассмотрения иных дел, отнесенных к их компетенции Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации и другими федеральными законами, по правилам, установленным законодательством о судопроизводстве в арбитражных судах [2, ст. 1].

---

* **Тимошкин Александр Константинович**, магистрант ФГБОУВО «Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова», юридический факультет. E-mail: timoshkin2000@mail.ru

В соответствии с ч. 4 и 5 ст. 3 АПК РФ зафиксировано, что судопроизводство в арбитражных судах осуществляется в соответствии с федеральными законами, действующими во время разрешения спора и рассмотрения дела, совершения отдельного процессуального действия или исполнения судебного акта. В случае отсутствия нормы процессуального права, регуливающей отношения, возникшие в ходе судопроизводства в арбитражных судах, арбитражные суды применяют норму, регулиющую сходные отношения (аналогия закона), а при отсутствии такой нормы действуют исходя из принципов осуществления правосудия в Российской Федерации (аналогия права) [2].

Таким образом, АПК РФ предусматривает, что основой судопроизводства являются федеральные законы, и только когда идет речь об отсутствии нормы права, которая регулирует возникшие общественные отношения, суд вправе применить аналогию закона или аналогию права.

Развитие экономических отношений, постоянное усложнение общественных отношений, зачастую опережает их правовое опосредование, предполагая необходимость индивидуального судебного регулирования. Еще Ф. Энгельс, характеризуя динамику общественных отношений писал, что влияние и принудительная сила дальнейшего экономического развития ломают гармоническую правовую систему, втягивают ее в новые противоречия [19, с. 418]. В.И. Ленин, конспектируя книгу Гегеля «Наука логики», записав фразу «царство законов есть спокойное отображение существующего или являющегося мира», подчеркнул: «Это замечательно материалистическое и замечательно меткое определение. Закон берет спокойное – и потому закон, всякий закон узок, неполон, приблизителен» [15, с. 136]. Далее он писал: «Общее положение, именно потому, что оно верно по отношению к определенному кругу явлений, слишком обще и потому недостаточно к данному особому случаю» [18, с. 13–14]; «значение общего противоречиво: оно мертво, оно нечисто, неполно etc. etc., но оно только и есть ступень к познанию конкретного, ибо мы никогда не познаем конкретного полностью» [16, с. 252]; «закон должен быть односторонним и должен абстрагироваться от индивидуальности» [17, с. 36].

Общественные отношения в современном мире имеют многогранное и динамичное развитие, на что есть свои причины и предпосылки. Возникают они в связи с определенными потребностями общества, возможно иногда вопреки этим потребностям, иногда выходят за пределы действующего права, что способствует его развитию, в т.ч. и изменению.

Общественные отношения, в свою очередь, являются социальной сложноорганизованной системой. Формирование и развитие общественных отношений не происходит хаотично. Общественные отношения являются управляемыми ввиду того, что они выступают как причиной формирования права, так и следствием применения права субъектами отношений.

Характерной чертой любой социальной системы является наличие в ней процессов управления, связанных с ее целесообразным функционированием, взаимным обменом информацией и развитием. В полной мере сказанное относится и к системе правотворческих, исполнительных и судебных органов государственной власти, в том числе и к происходящим в ней процессам не только правового, но и индивидуального регулирования обще-

ственных отношений, связанной с защитой прав и правовых интересов физических и юридических лиц [7, с. 383].

Индивидуальное судебное регулирование, являющееся формой реализации прав и правовых интересов физическими и юридическими лицами, осуществляется субъектами отношений в процессе правоприменения. Правоприменение, в свою очередь, является частью механизма социального регулирования общественных отношений.

Таким образом, многообразие общественных отношений является одним из наиболее существенных факторов, которые определяют необходимость индивидуального судебного регулирования.

Рассматривая регулирование общественных отношений в процессе индивидуального судебного регулирования, необходимо отметить недостаточность правового регулирования, осуществляемого посредством применения правовых норм, необходимость его дополнения «внутренним саморегулированием», достигаемым в результате индивидуального судебного регулирования. Актуализация системных исследований в этой области обусловлена по крайней мере двумя важными обстоятельствами.

Во-первых, все более настоятельной практической необходимостью целостного и комплексного освоения и преобразования природных и социальных условий жизни исследования правового и индивидуального регулирования общественных отношений. Ныне отчетливо выявляется потребность внедрения системного подхода и метода не только в науку, но и в организацию и управление производством, социальной и духовной жизнедеятельностью общества, в том числе в сферу практической политики и индивидуального регулирования общественных отношений.

Во-вторых, современное теоретическое и практическое знание и деятельность настолько углубляются, специализируются и дифференцируются, что общая картина общественного бытия, общественная практика как бы распадаются на отдельные, на первый взгляд не связанные между собой и обособленные друг от друга фрагменты или формы деятельности. Возникает объективная потребность не только в систематизации знания и деятельности, но и в их интеграции, синтезе, в восстановлении общей картины общественного бытия, общественной практики в целом [8, с. 225].

Важно отметить, что многие авторы разделяют такие понятия как «правовое регулирование» и «индивидуальное регулирование».

Правовое регулирование является видом управления сложноорганизованными системами, такими как общественные отношения и системы права. Оно осуществляется посредством принципов и норм права, обеспечивается возможностью использования принудительной силы государства, включая и процессуальные формы, посредством реализации которых происходит корректирование общественных отношений. С.А. Комаров считает, что под правовым регулированием общественных отношений понимается лишь одна из форм воздействия права на общественные отношения – воздействие при помощи специфических правовых средств: норм права, правоотношений, актов реализации права [9, с. 495].

Индивидуальное регулирование так же является видом управления сложноорганизованными системами, обеспечивающим эффективное управ-

ление, посредством реализации которого происходит корректирование общественных отношений. Кроме того, индивидуальное регулирование является видом социального управления ввиду целенаправленного организующего регулирования общественных отношений, принятия решений, связи управления с информационными процессами, необходимостью дополнения «внешнего» (правового регулирования) «внутренним саморегулированием» (индивидуальным регулированием) в пределах принципов и норм права, содержащихся в системе форм международного и национального права, наличия системы связей между органами власти, связи управленческих процессов с развитием системы права.

Теоретически обоснованное и практически эффективное регулирование общественных отношений возможно только на основе интеграции правового и индивидуального регулирования, когда эти два вида регулирования общественных отношений применяются вместе.

Индивидуальное судебное регулирование общественных отношений является самостоятельным видом индивидуального регулирования и представляет собой воздействие на общественные отношения, связанное с установлением, изменением или прекращением юридических прав и обязанностей их участников в каждом конкретном случае, направленное на урегулирование частных ситуаций, требующих юридического разрешения, и осуществляемое путем властной правоприменительной деятельности уполномоченных субъектов, судов, результатом которого являются индивидуальные акты органов правосудия (решения, постановления, определения).

Достаточно распространенным является понятие **«казуальное регулирование»**, которое использует С.С. Алексеев, характеризуя механизм правового регулирования [5, с. 38].

В юридической литературе индивидуальное правовое регулирование обозначают и другим понятием – «поднормативное регулирование» и в большинстве случаев это понятие используют как синоним «индивидуального правового регулирования» [11; 12; 13, с. 4–15; 14].

Применительно к локальному правовому регулированию употребляется понятие «подзаконное регулирование», которое во многом созвучно «поднормативному регулированию». Но локальное регулирование может быть как нормативным, так и индивидуальным и в обоих случаях оно будет подзаконным.

Используется также понятие «ненормативное регулирование», причем как в общетеоретической [22], так и отраслевой юридической литературе [6].

Президент Российской Федерации В.В. Путин, выступая на пленарном заседании Петербургского международного экономического форума в 2019 году сказал, что адекватная, гибкая правовая среда – ключевой вопрос для новых отраслей, ее формирование во всем мире идет непросто, много чувствительных проблем и для безопасности государства, и для интересов общества, граждан [20]. Будучи частью социальных систем: правовой системы и системы регулирования общественных отношений, индивидуальное регулирование является способом их саморегуляции («настройки»), разновидностью реализации на практике принципа об-

ратной связи, возможностью дополнительного регулирования фактических отношений.

Будучи на передовой применения новых норм, суды первой инстанции принимают отдельные судебные акты, по тем или иным вопросам применения права. Постепенно данные судебные акты по определенному вопросу становятся позициями судов первой, апелляционной, кассационной инстанций, иногда выносятся на рассмотрение Пленума Верховного Суда Российской Федерации, попадают в обзоры судебной практики по тем или иным вопросам. Однако, это не быстрый путь разрешения тех или иных ситуаций, которые в процессе судебного правоприменения разрешают суды различных инстанций.

Обращаясь в суд за защитой своего нарушенного права, граждане и юридические лица рассчитывают на относительно скорый и правильный процесс разрешения возникшей конфликтной ситуации.

Хорошо, когда спорный момент урегулирован действующим законодательством, тогда, как правило, у судов не возникают какие-либо затруднения в принятии судебного акта. Однако, зачастую рассматривая дело в суде, в том числе в арбитражном суде первой инстанции, применяя то или иное законодательство, суд приходит к выводу о том, что конкретный вопрос не урегулирован в нормах права. Тогда, судья изучив действующее законодательство и не найдя в нем ответ на имеющийся вопрос, начинает изучать складывающуюся судебную практику Пленумов ВС РФ, Обзоры судебной практики ВС РФ, не утратившие силу Пленума ВАС РФ по рассматриваемой ситуации. Если данный вопрос не рассмотрен, тогда судья первой инстанции обращается к судебной практике, материалы которой опубликованы в Информационной системе Консультант+ и картотеке арбитражных дел.

Найдя схожее дело, которое уже было в судебной практике, суд пытается определить имеющиеся исходные условия с учетом уже рассмотренного другим судом дела, с учетом аргументированности сделанных выводов. Суд оценивает, насколько эта ситуация применима к рассматриваемому им делу, смотрит, насколько аргументирован уже принятый судебный акт, до какой инстанции он рассматривался, т.е. это первая инстанция, апелляция, кассация или пленум ВС РФ.

Если данная ситуация не урегулирована действующим законодательством, то суд, выявляя пробел в законодательстве, пытается его преодолеть и разрешить конкретное дело, тем самым индивидуально урегулировать индивидуальные отношения.

Например, во время пандемии коронавируса не был урегулирован вопрос о возможности приостановления проверок субъектов малого и среднего предпринимательства, если проверка была начата до 01.04.2020 года, а закончилась уже после 01.04.2020 года.

Ч. 1.1 ст. 26.2 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» [3] закреплено, что если иное не установлено Правительством Российской Федерации, проверки в отношении юридических лиц, индивиду-

альных предпринимателей, отнесенных в соответствии со ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» [4] к субъектам малого и среднего предпринимательства, сведения о которых включены в единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства, не проводятся с 1 апреля по 31 декабря 2020 года включительно, за исключением проверок, основаниями для проведения которых являются причинение вреда или угроза причинения вреда жизни, здоровью граждан, возникновение чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера.

Согласно ч. 2 ст. 26.2 Федерального закона от 26.12.2008 № 294-ФЗ, проведение проверки с нарушением требований настоящей статьи является грубым нарушением требований законодательства о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле и влечет недействительность результатов проверки в соответствии с ч. 1 ст. 20 настоящего Федерального закона [3].

В практике суда такие вопросы были рассмотрены. Например, дела № А17-3224/2020, А 17-915/2020, где ответчиками являлись Служба государственной жилищной инспекции Ивановской области и Управление Жилищно-коммунального хозяйства Администрации г. Иваново. В приведенных примерах, были признаны недействительными предписания указанных выше организаций, в связи с тем, что проверки были начаты в марте 2020 года, до принятия ст. 26.2 Закона РФ № 294-ФЗ, а завершены были уже в апреле, т.е. после вступления данной нормы в законную силу.

Суд посчитал, что в сложившейся ситуации имеет место наличие грубых нарушений, установленных Законом № 294-ФЗ, тем самым разрешил возникший спор. Возникает вопрос: судом проведено правотворчество? Уверен, что нет, поскольку суд не создал новую норму не изменил ее, а в индивидуальном порядке, на основании действующего законодательства, с учетом конкретной ситуации разрешил конкретные судебные дела.

Итак, в ходе индивидуального регулирования все правоприменители толкуют действующее законодательство, преодолевают коллизии и пробелы в законодательстве для достижения индивидуального результата. Однако все применяют, толкуют законодательство, иные формы права и неправа, преодолевают коллизии и пробелы в праве на основании личных знаний, в соответствии со своей внутренней убежденностью, «по своему разумению», поскольку в законодательстве отсутствуют нормативные акты об индивидуальном толковании права, об индивидуальном преодолении коллизий в законодательстве, об индивидуальном преодолении пробелов в законодательстве.

Также необходимо сказать, что, преодолевая в ходе индивидуального регулирования пробелы, коллизии норм законодательства, применяя оценочные нормы, толкуя право, используя принципы права, нормы Конституции РФ, международных соглашений, правоприменители создают предпосылки для развития действующего законодательства и права в целом. В итоге формируется практика (судебная практика), которая регулирует конкретные общественные отношения и является принципом (выполняет функцию), формой обратной связи.

По мнению С.С. Алексеева, способом развития содержания правового регулирования [5, с. 88], направляясь «вертикально» вверх к законодателю, как на уровне органов местного самоуправления, на уровне субъектов, так и на федеральном уровне через Верховный суд РФ. Индивидуальное регулирование, исходя из «теории систем», является фактором развития существующего права изменением сложных органических систем, а индивидуальное судебное регулирование взаимосдерживающим, взаимодополняющим фактором в системе органов государственной власти, тем самым сохраняя принцип разделения, взаимодействия и взаимовлияния государственных органов власти, установленный ст. 10 Конституции РФ [1; 10], и тем самым защищая права и правовые интересы граждан и организаций.

Таким образом, индивидуальное регулирование является способом реализации полномочий системы государственных органов власти, процессом саморегуляции и влияния на правообразование, когда в результате применения норм с целью динамичного функционирования и развития правовой системы, достигается «подвижное равновесие», гомеостазис [7, с. 175].

В ходе индивидуального регулирования, арбитражные суды вырабатывают акты индивидуального регулирования, которые являются обязательными для участников конкретных отношений. Принятый судебный акт обязателен только для участников именно этих отношений, в данном конкретном споре. Акты индивидуального регулирования являются «обратной связью», активностью (самодвижением) системы государственной власти. Внесение изменений в действующее законодательство или принятие новых нормативных актов, и будет являться достижением цели индивидуального (судебного) регулирования как «усовершенствование» законодательства, а исходя из «теории систем» является способом управления, самодвижения изменения таких сложных систем как система органов государственной власти. Принцип обратной связи, основанный на индивидуальном судебном регулировании, является двигателем развития права и (утверждению) созданию новых, более развитых общественных отношений. Принцип «обратной связи» в индивидуальном регулировании является способом развития действующего законодательства, права и урегулирования конкретных общественных отношений.

По нашему мнению, в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции происходит судебное регулирование определенных отношений применительно к конкретному случаю, а не происходит конкретизация и устранение недостатков законодательства и тем более их совершенствование. Считаю, что данный подход, нарушает принцип разделения органов государственной власти, установленный ст. 10 Конституции Российской Федерации [1; 10]. Суд является только правоприменительным органом, а следовательно, не имеет полномочий на конкретизацию и совершенствование действующего законодательства. Более подробно данное обоснование изложено в диссертационных исследованиях [21; 23].

Возрастание роли субъективного фактора в процессе индивидуального судебного регулирования с неизбежностью ставит вопрос о необходимо-

сти повышения профессиональных знаний, правовой и общей культуры судей. Для того, чтобы судья мог максимально объективно давать оценку фактическим обстоятельствам дела, их оценивать и применять существующие формы права, в том числе и принципы права, он должен обладать высоким уровнем теоретических знаний в области права, постоянно повышать и совершенствовать уровень своих знаний, умением их применять, уметь логически мыслить. Кроме этого, эффективное осуществление индивидуального судебного регулирования предполагает обладание судьей определенными качествами характера личности.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно дать следующее определение: индивидуальное судебное регулирование общественных отношений это регулирование определенных общественных отношений государственным органом судебной власти (судом) в порядке предусмотренном процессуальным законодательством и вынесением судебного правоприменительного акта, обязательного для участников конкретного судебного разбирательства и обеспечиваемого государственным принуждением, в случае его не исполнения.

В ходе индивидуального судебного регулирования, суд «снимает» многие проблемы действующих нормативных правовых актов, которые применяются субъектами правоотношений, тем самым осуществляя индивидуальное судебное регулирование общественных отношений. Принимаемый, по итогам судебного рассмотрения судебный акт является видом неправа. Содержанием индивидуального судебного регулирования является деятельность судебных органов, связанная как с применением правовых норм, так и с выработкой и применением положений индивидуального судебного регулирования, которые только и способны опосредовать индивидуальные особенности каждого судебного казуса.

Отсюда сущность индивидуального судебного регулирования заключается в опосредовании общественных отношений посредством правовых норм и положений индивидуального судебного регулирования с целью вынесения обоснованных, законных, справедливых и целесообразных судебных решений, оптимального регулирования общих и индивидуальных характеристик рассматриваемых споров.

Библиографический список

1. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. «Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации» от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 26.12.2008 № 294-ФЗ (ред. от 08.08.2024) «О защите прав юридических лиц и индивидуальных предпринимателей при осуществлении государственного контроля (надзора) и муниципального контроля» // www.consultant.ru
4. Федеральный закон от 24 июля 2007 года № 209-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» // www.consultant.ru

5. Алексеев С.С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. – М.: Юридическая литература, 1966. – 187 с.
6. Анисимова А.М. Ненормативное регулирование отношений близких лиц: понятие, особенности // «Черные дыры» в российском законодательстве. – 2006. – № 3. – С. 59–61.
7. Ершов В.В. Правовое и индивидуальное регулирование общественных отношений. – М.: РГУП, 2018. – 627 с.
8. Керимов, Дж. А. Методология права. Предмет, функции, проблемы философии права = Предмет, функции, проблемы философии права [Текст]: [монография] / Д. А. Керимов. – 6-е изд. – М.: Изд-во СГУ, 2011. – 520 с.
9. Комаров, С. А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
10. Комаров С.А. и др. Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. – М.: Изд-во «Юрайт», 2023. – 411 с. (Серия: Профессиональный комментарий).
11. Княгинин К.Н. Поднормативное правовое регулирование и обеспечение прав личности // Актуальные вопросы правоведения: информационные материалы. – Екатеринбург, 1992. – С. 26–32.
12. Княгинин К.Н. К вопросу о видах поднормативного правового регулирования // Актуальные вопросы совершенствования законодательства и практики его реализации. – Екатеринбург, 1992.
13. Проблемы обязательственного права. Межвузовский сборник научных трудов / Редкол.: Басин Ю.Г., Илларионова Т.И., Плетнев В.А., Стоякин Г.Я. (Отв. ред.). – Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1989. – 150 с.
14. Правовое регулирование и правореализация. Монография / Бакулина Л.Т., Горбачев И.Г., Горшунов Д.Н.; Науч. ред.: Решетов Ю.С. – Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. – 164 с.
15. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Наука логики» // Полн. собр. соч. Т. 29. – С. 77–218.
16. Ленин В.И. Конспект книги Гегеля «Лекции по истории философии» // Полн. собр. соч. Т. 29. – С. 219–278.
17. Ленин В.И. Конспект книги Маркса и Энгельса «Святое семейство» // Полн. собр. соч. Т. 29. С. 3–40.
18. Ленин В.И. О брошюре Юниуса // Полн. собр. соч. Т. 30. – С. 1–16.
19. Маркс К., Энгельс Ф. Конраду Шмидту, 27 октября 1890 г. // Соч., т. 37. С. 414–422.
20. Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума / Президент России // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707>
21. Тимошкин К.А. Разделение и взаимное сдерживание судебных и исполнительных органов государственной власти. – Иваново: Изд-во Ивановский гос. ун-т, 2011. – 176 с.
22. Фаткуллин Ф.Н. Проблемы теории государства и права: Курс лекций / Ф. Н. Фаткуллин. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1987. – 334 с.
23. Шарифуллин В.Р. Частно-правовое регулирование: дис. ... канд. юрид. наук. – Казань, 2006. – 192 с.

Для цитирования: Тимошкин А.К. Индивидуальное судебное регулирование в арбитражных судах первой инстанции: статья // Юридическая мысль. 2024. № 2 (134). С. 111–119.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.111

INDIVIDUAL JUDICIAL REGULATION IN ARBITRATION COURTS OF FIRST INSTANCE

Aleksandr K. Timoshkin*

Annotation. The article examines the concept of individual regulation in the context of the legal system of the Russian Federation. It analyzes terms such as "subordinate regulation" and "non-normative regulation", and also emphasizes the role of individual regulation in creating an adequate and flexible legal environment. The article highlights the process of individual judicial regulation and its importance for the development of the legal system, emphasizing its role in the regulation of specific public relations and its impact on legal education. The author concludes that individual judicial regulation plays an important role in the system of state authorities, contributing to the dynamic functioning of the legal system and the achievement of a "mobile balance".

Keywords: by-law regulation, non-normative regulation, individual regulation, judicial regulation, legal environment, flexibility of the legal system, self-regulation, gaps in legislation, judicial practice, development of the legal system.

The Arbitration Procedure Code of the Russian Federation (hereinafter referred to as the APC RF) establishes that justice in the sphere of entrepreneurial and other economic activities is administered by arbitration courts in the Russian Federation, established in accordance with the Constitution of the Russian Federation and the federal constitutional law (hereinafter referred to as arbitration courts), by resolving economic disputes and considering other cases referred to their competence by the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation and other federal laws, according to the rules established by the legislation on legal proceedings in arbitration courts [2, Art. 1].

In accordance with Part 4 and 5 of Art. 3 of the APC RF, it is established that legal proceedings in arbitration courts are carried out in accordance with federal laws in force at the time of dispute resolution and case consideration, performance of a separate procedural action or execution of a judicial act. In the absence of a procedural law norm regulating relations that arose during legal proceedings in arbitration courts, arbitration courts apply a norm regulating similar relations (analogy of law), and in the absence of such a norm, they act based on the principles of administration of justice in the Russian Federation (analogy of law) [2].

Thus, the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation provides that the basis of legal proceedings are federal laws, and only when there is a question of the absence of a legal norm that regulates the social relations that have arisen, the court has the right to apply analogy of law or analogy of law.

The development of economic relations, the constant complication of social relations, often outpaces their legal mediation, suggesting the need for individual judicial regulation. Even F. Engels, characterizing the dynamics of social relations, wrote that the influence and coercive force of further econom-

---

* **Timoshkin Aleksandr Konstantinovich**, Master's student of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Lomonosov Moscow State University", Faculty of Law. E-mail: timoshkin2000@mail.ru

ic development break the harmonious legal system, drawing it into new contradictions [19, p. 418]. V.I. Lenin, while taking notes on Hegel's book *The Science of Logic*, having written down the phrase "the kingdom of laws is a calm reflection of the existing or appearing world", emphasized: "This is a remarkably materialistic and remarkably apt definition. The law takes the calm – and therefore the law, every law, is narrow, incomplete, approximate" [15, p. 136]. Further, he wrote: "The general position, precisely because it is true in relation to a certain range of phenomena, is too general and therefore insufficient for a given special case" [18, pp. 13–14]; "the meaning of the general is contradictory: it is dead, it is impure, incomplete, etc., etc., but it is only a step towards knowledge of the concrete, for we never fully know the concrete" [16, p. 252]; "the law must be one-sided and must abstract from individuality" [17, p. 36].

Social relations in the modern world have a multifaceted and dynamic development, for which there are reasons and prerequisites. They arise in connection with certain needs of society, perhaps sometimes contrary to these needs, sometimes go beyond the current law, which contributes to its development, including change.

Social relations, in turn, are a social complexly organized system. The formation and development of social relations does not occur chaotically. Social relations are manageable due to the fact that they act both as a cause for the formation of law and a consequence of the application of law by the subjects of relations.

A characteristic feature of any social system is the presence of management processes associated with its appropriate functioning, mutual exchange of information and development. The above fully applies to the system of law-making, executive and judicial bodies of state power, including the processes of not only legal but also individual regulation of social relations occurring in it, associated with the protection of the rights and legal interests of individuals and legal entities [7, p. 383].

Individual judicial regulation, which is a form of implementation of rights and legal interests by individuals and legal entities, is carried out by subjects of relations in the process of law enforcement. Law enforcement, in turn, is part of the mechanism of social regulation of social relations.

Thus, the diversity of social relations is one of the most significant factors that determine the need for individual judicial regulation.

Considering the regulation of social relations in the process of individual judicial regulation, it is necessary to note the insufficiency of legal regulation carried out through the application of legal norms, the need to supplement it with "internal self-regulation" achieved as a result of individual judicial regulation. The actualization of systemic research in this area is due to at least two important circumstances.

Firstly, the increasingly urgent practical need for a holistic and comprehensive development and transformation of natural and social conditions of life, research into the legal and individual regulation of social relations. Nowadays, the need for the introduction of a systemic approach and method not only in science, but also in the organization and management of production, so-

cial and spiritual life of society, including in the sphere of practical policy and individual regulation of social relations is clearly revealed.

Secondly, modern theoretical and practical knowledge and activity are deepening, specializing and differentiating to such an extent that the general picture of social existence and social practice seem to disintegrate into separate, at first glance unrelated and isolated fragments or forms of activity. There is an objective need not only for the systematization of knowledge and activity, but also for their integration, synthesis, and restoration of the general picture of social existence and social practice as a whole [8, p. 225].

I would like to immediately note that many authors distinguish between such concepts as "legal regulation" and "individual regulation".

Legal regulation is a type of management of complex systems, such as social relations and legal systems. It is implemented through the principles and norms of law, and is provided with the possibility of using the coercive force of the state, including procedural forms, through the implementation of which social relations are adjusted. S.A. Komarov believes that legal regulation of social relations is understood as only one of the forms of influence of law on social relations – influence through specific legal means: legal norms, legal relations, acts of implementing law [9, p. 495].

Individual regulation is also a type of management of complex systems, ensuring effective management, through the implementation of which the correction of social relations occurs. In addition, individual regulation is a type of social management due to the targeted organizing regulation of social relations, decision-making, the connection of management with information processes, the need to supplement the "external" (legal regulation) with "internal self-regulation" (individual regulation) within the principles and norms of law contained in the system of forms of international and national law, the presence of a system of connections between government bodies, the connection of management processes with the development of the legal system.

Theoretically substantiated and practically effective regulation of social relations is possible only on the basis of the integration of legal and individual regulation, when these two types of regulation of social relations are applied together.

Individual judicial regulation of public relations is an independent type of individual regulation and represents an impact on public relations associated with the establishment, change or termination of legal rights and obligations of their participants in each specific case, aimed at resolving private situations requiring legal resolution, and carried out through the authoritative law enforcement activities of authorized entities, courts, the result of which are individual acts of judicial bodies (decisions, orders, definitions).

Quite common is the concept of "casual regulation", which is used by S.S. Alekseev, characterizing the mechanism of legal regulation [5, p. 38].

In legal literature, individual legal regulation is also designated by another concept – "sub-normative regulation" and in most cases this concept is used as a synonym for "individual legal regulation" [11; 12; 13, pp. 4–15; 14].

In relation to local legal regulation, the concept of "sub-legislative regulation" is used, which is in many ways consonant with "sub-normative regula-

tion". But local regulation can be both normative and individual, and in both cases it will be sub-legal.

The concept of "non-normative regulation" is also used, both in general theoretical [22] and in industry-specific legal literature [6].

Speaking at the plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum in 2019, President of the Russian Federation V.V. Putin said that an adequate, flexible legal environment is a key issue for new industries, its formation throughout the world is not easy, there are many sensitive problems both for state security and for the interests of society and citizens [20]. Being part of social systems: the legal system and the system of regulation of social relations, individual regulation is a way of their self-regulation ("tuning"), a type of practical implementation of the feedback principle, an opportunity for additional regulation of actual relations.

Being at the forefront of applying new norms, courts of first instance adopt separate judicial acts on certain issues of application of law. Gradually, these judicial acts on a certain issue become the positions of courts of first, appellate, cassation instances, sometimes are submitted for consideration to the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, and are included in reviews of judicial practice on certain issues. However, this is not a quick way to resolve certain situations, which are resolved by courts of various instances in the process of judicial law enforcement.

When applying to the court for protection of their violated rights, citizens and legal entities count on a relatively quick and correct process of resolving the conflict situation that has arisen.

It is good when a controversial issue is regulated by current legislation, then, as a rule, the courts do not have any difficulties in adopting a judicial act. However, often when considering a case in court, including in the arbitration court of first instance, applying this or that legislation, the court comes to the conclusion that a specific issue is not regulated by the rules of law. Then, the judge, having studied the current legislation and not having found an answer to the question in it, begins to study the emerging judicial practice of the Plenums of the Supreme Court of the Russian Federation, Reviews of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, which have not lost the force of the Plenum of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation on the situation under consideration. If this issue is not considered, then the judge of the first instance turns to judicial practice, the materials of which are published in the Consultant+ Information System and the arbitration case file.

Having found a similar case that has already been in judicial practice, the court tries to determine the existing initial conditions, taking into account the case already considered by another court, taking into account the arguments of the conclusions made. The court evaluates how applicable this situation is to the case under consideration, looks at how well-reasoned the adopted judicial act is, to what instance it was considered, i.e. is it the first instance, appeal, cassation or plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

If this situation is not regulated by the current legislation, then the court, identifying a gap in the legislation, tries to overcome it and resolve a specific case, thereby individually regulating individual relations.

For example, during the coronavirus pandemic, the issue of the possibility of suspending inspections of small and medium-sized businesses was not regulated if the inspection was started before 01.04.2020, and ended after 01.04.2020.

Part 1.1 of Art. 26.2 of the Federal Law of 26.12.2008 No. 294-FZ "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Exercise of State Control (Supervision) and Municipal Control" [3] stipulates that, unless otherwise established by the Government of the Russian Federation, inspections of legal entities and individual entrepreneurs classified in accordance with Art. 4 of the Federal Law of 24 July 2007 No. 209-FZ "On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation" [4] as small and medium-sized businesses, information about which is included in the unified register of small and medium-sized businesses, shall not be carried out from 1 April to 31 December 2020 inclusive, with the exception of inspections, the grounds for which are harm or threat of harm to the life and health of citizens, the occurrence of natural and man-made emergencies.

According to Part 2 of Article 26.2 of the Federal Law of 26.12.2008 No. 294-FZ, conducting an inspection in violation of the requirements of this article is a gross violation of the requirements of the legislation on state control (supervision) and municipal control and entails the invalidity of the inspection results in accordance with Part 1 of Article 20 of this Federal Law [3].

Such issues have been considered in the court's practice. For example, cases No. A17-3224/2020, A 17-915/2020, where the defendants were the State Housing Inspectorate Service of the Ivanovo Region and the Housing and Public Utilities Department of the Ivanovo City Administration. In the examples given, the orders of the above organizations were declared invalid due to the fact that the inspections were initiated in March 2020, before the adoption of Article 26.2 of the Law of the Russian Federation No. 294-FZ, and were completed in April, i.e. after this norm entered into force.

The court considered that in the current situation there are gross violations established by Law No. 294-FZ, thereby resolving the dispute. The question arises: did the court conduct lawmaking? I am sure that it did not, since the court did not create a new norm or change it, but on an individual basis, based on current legislation, taking into account a specific situation, resolved specific court cases.

Thus, in the course of individual regulation, all law enforcement officers interpret current legislation, overcome conflicts and gaps in legislation to achieve an individual result. However, everyone applies, interprets legislation, other forms of law and non-law, overcomes conflicts and gaps in the law on the basis of personal knowledge, in accordance with their inner conviction, "at their own discretion", since the legislation does not contain normative acts on individual interpretation of law, on individual overcoming of conflicts in legislation, on individual overcoming of gaps in legislation.

It is also necessary to say that, overcoming gaps, conflicts of legislative norms in the course of individual regulation, applying evaluative norms, interpreting the law, using the principles of law, the norms of the Constitution of

the Russian Federation, international agreements, law enforcement officers create the prerequisites for the development of current legislation and law in general. As a result, a practice (judicial practice) is formed, which regulates specific social relations and is a principle (performs a function), a form of feedback.

According to S.S. Alekseev, a way of developing the content of legal regulation [5, p. 88], directed "vertically" upwards to the legislator, both at the level of local government bodies, at the level of subjects, and at the federal level through the Supreme Court of the Russian Federation. Individual regulation, based on the "theory of systems", is a factor in the development of existing law by changing complex organic systems, and individual judicial regulation is a mutually restraining, complementary factor in the system of state authorities, thereby preserving the principle of separation, interaction and mutual influence of state authorities established by Art. 10 of the Constitution of the Russian Federation [1; 10], and thereby protecting the rights and legal interests of citizens and organizations.

Thus, individual regulation is a way of implementing the powers of the system of state authorities, a process of self-regulation and influence on law formation, when as a result of the application of norms for the purpose of dynamic functioning and development of the legal system, a "moving equilibrium", homeostasis is achieved [7, p. 175].

In the course of individual regulation, arbitration courts develop acts of individual regulation, which are mandatory for participants in specific relations. The adopted judicial act is mandatory only for participants in these relations, in this specific dispute. Acts of individual regulation are "feedback", activity (self-movement) of the system of state power. Amendments to the current legislation or the adoption of new regulations will be the achievement of the goal of individual (judicial) regulation as "improvement" of legislation, and based on the "theory of systems" is a way of managing, self-movement of change in such complex systems as the system of state authorities. The principle of feedback, based on individual judicial regulation, is the engine of development of law and (affirmation) creation of new, more developed social relations. The principle of "feedback" in individual regulation is a way of development of current legislation, law and regulation of specific social relations. In our opinion, during the consideration of a case in the court of first instance, judicial regulation of certain relations in relation to a specific case occurs, rather than specification and elimination of legislative shortcomings, much less improvement. I believe that this approach violates the principle of separation of state authorities established by Article 10 of the Constitution of the Russian Federation [1; 10]. The court is only a law enforcement body, and therefore does not have the authority to specify and improve current legislation. This justification is set out in more detail in dissertation research [21; 23].

The increasing role of the subjective factor in the process of individual judicial regulation inevitably raises the question of the need to improve the professional knowledge, legal and general culture of judges. In order for a judge to be able to give the most objective assessment of the factual circumstances of a case, evaluate them and apply existing forms of law, including the principles of law, he must have a high level of theoretical knowledge in the field of law,

constantly improve and perfect the level of his knowledge, the ability to apply it, and be able to think logically. In addition, the effective implementation of individual judicial regulation presupposes that the judge has certain qualities of character.

Thus, based on the analysis carried out, the following definition can be given: individual judicial regulation of public relations is the regulation of certain public relations by a state judicial authority (court) in the manner prescribed by procedural legislation and the issuance of a judicial law enforcement act, mandatory for the participants in a specific trial and ensured by state coercion, in the event of its failure to comply.

In the course of individual judicial regulation, the court "removes" many problems of the current normative legal acts that are applied by the subjects of legal relations, thereby implementing individual judicial regulation of public relations. The judicial act adopted as a result of judicial review is a type of wrong.

The content of individual judicial regulation is the activity of judicial bodies associated with both the application of legal norms and the development and application of provisions of individual judicial regulation, which alone are capable of mediating the individual characteristics of each judicial case.

Hence, the essence of individual judicial regulation lies in the mediation of social relations by means of legal norms and provisions of individual judicial regulation with the aim of making well-founded, legal, fair and appropriate judicial decisions, optimal regulation of the general and individual characteristics of the disputes under consideration.

Bibliographic list

1. "The Constitution of the Russian Federation" (adopted by nationwide vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru

2. "Arbitration Procedure Code of the Russian Federation" dated 24.07.2002 No. 95-FZ (as amended on 08.08.2024) // www.consultant.ru

3. Federal Law dated 26.12.2008 No. 294-FZ (as amended on 08.08.2024) "On the Protection of the Rights of Legal Entities and Individual Entrepreneurs in the Implementation of State Control (Supervision) and Municipal Control" // www.consultant.ru

4. Federal Law dated 24 July 2007 No. 209-FZ (as amended on May 29, 2024) "On the Development of Small and Medium-Sized Entrepreneurship in the Russian Federation" // www.consultant.ru

5. Alekseev S.S. The mechanism of legal regulation in a socialist state. Moscow: Legal Literature, 1966. 187 p.

6. Anisimov A.M. Non-normative regulation of relations of close persons: concept, features // "Black holes" in Russian legislation. 2006. No. 3. P. 59–61.

7. Ershov V.V. Legal and individual regulation of public relations. Moscow: RGUP, 2018. 627 p.

8. Kerimov, D.A. Methodology of law. Subject, functions, problems of the philosophy of law = Subject, functions, problems of the philosophy of law [Text]: [monograph] /D.A. Kerimov. 6th ed. Moscow: Saratov State University Publishing House, 2011. 520 p.

9. Komarov, S. A. General Theory of State and Law: textbook for universities / S. A. Komarov. – 10th ed., corrected and enlarged. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 528 p.

10. Komarov S.A. et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corrected and enlarged. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Yurait Publishing House, 2023. 411 p. (Series: Professional Commentary).

11. Knyagin K.N. Sub-normative legal regulation and ensuring individual rights // Current issues of jurisprudence: information materials. Ekaterinburg, 1992. P. 26–32.

12. Knyagin K.N. On the issue of types of sub-normative legal regulation // Current issues of improving legislation and the practice of its implementation. Ekaterinburg, 1992.

13. Problems of the law of obligations. Interuniversity collection of scientific papers / Editorial board: Basin Yu.G., Illarionova T.I., Pletnev V.A., Stoyakin G.Ya. (Responsible editors). Sverdlovsk: Publishing house of the Sverdlovsk legal institute, 1989. 150 p.

14. Legal regulation and law enforcement. Monograph / Bakulina L.T., Gorbahev I.G., Gorshunov D.N.; Scientific editors: Reshetov Yu.S. Kazan: Publishing house of Kazan. state University, 2008. 164 p.

15. Lenin V.I. Summary of Hegel's book "The Science of Logic" // Complete collected works. Vol. 29. Pp. 77–218.

16. Lenin V.I. Summary of Hegel's book "Lectures on the History of Philosophy" // Complete collected works. Vol. 29. Pp. 219–278.

17. Lenin V.I. Summary of Marx and Engels' book "The Holy Family" // Complete collected works. Vol. 29. Pp. 3–40.

18. Lenin V.I. On Junius's Pamphlet // Complete collected works. Vol. 30. Pp. 1–16.

19. Marx K., Engels F. Konrad Schmidt, October 27, 1890 // Works, v. 37. Pp. 414–422.

20. Plenary session of the St. Petersburg International Economic Forum / President of Russia // <http://www.kremlin.ru/events/president/news/60707>

21. Timoshkin K.A. Separation and mutual restraint of judicial and executive bodies of state power. Ivanovo: Publishing house "Ivanovo State University", 2011. 176 p.

22. Fatkullin F.N. Problems of the theory of state and law: Lecture course / F.N. Fatkullin. Kazan: Publishing house of Kazan. University, 1987. 334 p.

23. Sharifullin V.R. Private law regulation: diss. ... candidate of legal sciences. Kazan, 2006. 192 p.

For citation: Timoshkin A.K. Individual judicial regulation in arbitration courts of first instance: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 120–127.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.111

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

Научная статья

УДК 347.1

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.128

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО В НЕКОММЕРЧЕСКИХ КОРПОРАТИВНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦАХ

М.Ю. Ретунская*

Аннотация. В статье рассматривается вопрос об ограничении прав участников (членов) некоммерческих организаций в сравнении с правами учредителей (участников) коммерческих юридических лиц. В ней проведен анализ института представительства и целесообразности предоставления членам некоммерческих организаций возможности делегировать свои корпоративные права по доверенности другим лицам для участия в общих собраниях. Автор указывает на несовершенство действующего законодательства, которое допускает ошибочное толкование норм и ограничивает конституционные права граждан.

Ключевые слова: некоммерческие организации, коммерческие юридические лица, корпоративные права, институт представительства, доверенность, общее собрание.

В современном обществе некоммерческие корпоративные юридические лица играют значительную роль, удовлетворяя различные общественные потребности и защищая интересы граждан. Однако существующие правовые нормы, регулирующие деятельность таких организаций, вызывают ряд вопросов, связанных с осуществлением прав их членов. В частности, возникает противоречие в отношении возможности участия в управлении некоммерческой организацией через представителя по доверенности. Данная проблема требует детального анализа и поиска оптимального решения с учетом интересов всех заинтересованных сторон.

В коммерческих организациях права учредителей (участников) связаны с правом собственности на долю (вклад) в уставном (складочном) капитале. Соответственно, при отчуждении этого права собственности происходит и передача прав учредителя (участника) [11]. Новый приобретатель доли автоматически становится участником корпорации со всеми вытекающими правами и обязанностями. Данный вопрос регулируется Федеральным законом «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ (далее – ФЗ «Об общественных объединениях») [6].

---

* **Ретунская Маргарита Юрьевна** – студентка Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации. E-mail: margot_reu@mail.ru

Научный руководитель – **Попова Анна Владиславовна**, профессор департамента международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, кандидат философских наук, доцент. E-mail: anna0710@yandex.ru

Для некоммерческих организаций характерна иная ситуация. Здесь возникновение и прекращение прав и обязанностей связаны не с имущественными долями, а с членством. При вступлении в некоммерческую организацию лицо автоматически приобретает соответствующие права и обязанности, а при выходе – их утрачивает. Членство нельзя передать другим лицам, оно может быть только прекращено [12].

С точки зрения современного российского законодательства, понятие доверенности определено в п. 1 ст. 185 Гражданского кодекса РФ [2]. В соответствии с этой нормой, доверенность представляет собой письменное уполномочие, выданное одним лицом другому лицу или лицам для представительства перед третьими сторонами.

Исходя из буквального толкования данной статьи, можно сделать вывод, что доверенность не связана с передачей или отчуждением права, поскольку она представляет собой именно письменное уполномочие на осуществление представительских функций. Наделение лица полномочиями на официальное представительство и выражение воли доверителя не влечет за собой утрату последним принадлежащих ему субъективных прав. В результате действий поверенного возникают права и обязанности именно у доверителя.

Обращаясь к п. 3 ст. 123.6 ГК РФ [2] и руководствуясь пояснением Министерства Юстиции РФ мы устанавливаем факт того, что участники (члены) некоммерческой организации могут осуществлять свои права лишь самостоятельно. Они не могут быть переданы третьим лицам по доверенности, за исключением случаев, когда высший орган управления, например, ассоциации, является представительным (съезд или конференция делегатов (п. 1 ст. 65.3 ГК РФ) или когда членом является самостоятельное юридическое лицо, которое в любом случае осуществляет свое участие в гражданских правоотношениях через “полномочных представителей”, “представителей по доверенности”. Определение подобного правового статуса физических лиц и индивидуальных предпринимателей в рамках некоммерческого корпоративного юридического лица вызывает ряд затруднений в решении вопросов и управлении организацией при ряде обстоятельств, а также в осуществлении принадлежащих им правомочий. Данное положение аргументировалось в письме Министерства Юстиции Российской Федерации № 77/03-33258 от 02.07.2018 г., в котором сказано, что членство в корпорации, как и вытекающие из членства права и обязанности связаны непосредственно с личностью их носителя, а равно неотчуждаемы и непередаваемы [9].

Исходя из толкования Минюста РФ действующего законодательства, члены некоммерческой организации, например, местной или региональной общественной организации, обязаны лично участвовать как на очных заседаниях ее высшего органа, так и заочных (опросной формы).

Отметим, что для признания собрания состоявшимся и решения, принятые на нем, имеющими юридическую силу, необходимо присутствие на нем более половины от общего числа членов согласно п. 4 ст. 29 ФЗ «О некоммерческих организациях» [5].

Так же отметим существенное противоречие суждений Минюста РФ с гражданским законодательством. Если исходить из того, что права и обя-

занности участников (членов) некоммерческих корпораций неотчуждаемы, а их осуществление не может быть делегировано посредством выдачи доверенности другим лицам, тогда целесообразно сделать вывод, что относительно прав и обязанностей учредителей (участников) коммерческих организаций должны действовать аналогичные положения, поскольку, как утверждает Минюст РФ, они имеют исключительно личный характер.

Однако, обращаясь к п. 1 ст. 57 ФЗ «Об акционерных обществах» [3] и п. 2 ст. 37 ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» [4], мы видим, что законодатель наделяет участников коммерческих юридических лиц правом участвовать в общем собрании как лично, так и через своих представителей (путем выдачи доверенности), несмотря на то, что содержание прав и обязанностей участников, закрепленные в ст. 65.2 ГК РФ идентичны [2], что встает в разрез с позицией Главного управления Министерства юстиции РФ.

То есть, в случае, если по каким-либо причинам лицо не может прибыть на место проведения заседания, в том числе участвовать в нем дистанционно, неспособно передать соответствующие документы, выражающие его интерес, решение, предложения, посредством связи, подтверждающей аутентичность передаваемых сообщений, но на нем собрано минимальное количество участников (кворум), тогда принятые решения будут считаться действительными и порождать соответствующие юридические последствия, независимо от нереализованного голоса лица, не участвовавшего в таком собрании или заседании. Решения общего собрания по вопросам исключительной компетенции высшего органа управления некоммерческой организации считается действительным, если присутствовавшие на нем члены проголосовали единогласно или квалифицированным большинством согласно п. 4 ст. 29 ФЗ «О некоммерческих организациях» [5].

В отношении вопросов, не входящих в исключительную компетенцию указанного органа, решения принимаются простым большинством голосов. Следует отметить, что в соответствии с п. 4 ст. 65.2 Гражданского кодекса Российской Федерации [2], на учредителя (участника, члена) корпорации возлагаются обязанности, такие как участие в принятии корпоративных решений, без которых некоммерческое юридическое лицо не сможет продолжать свою деятельность, например, касающиеся изменения устава, что непосредственно затрагивает каждого участника корпорации. Более того, наличие в протоколе общего собрания членов некоммерческой организации (корпорации) сведений о присутствии лиц, выступающих от имени членов такой организации по доверенности, влечет признание данного собрания недействительным.

Предполагается, что ошибочное толкование норм гражданского права Министерством юстиции РФ нарушает конституционное право граждан на свободное выражение своего мнения, закрепленное в п. 1 ст. 29 Конституции Российской Федерации [1; 14], а также принцип свободы договора, закрепленный в п. 1 ст. 1 ГК РФ, и положение п. 1 ст. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации, согласно которому граждане и юридические лица по своему усмотрению осуществляют принадлежащие им гражданские права [2].

Так, институт представительства выступает гарантом защиты законных интересов физических и юридических лиц. Он создан, в том числе, для обеспечения возможности участия в гражданских правоотношениях для лиц, которые не могут самостоятельно в них участвовать. При этом действия представителя, совершаемые в интересах доверителя, рассматриваются как действия самого доверителя [10]. Таким образом, реализация прав и исполнение обязанностей представителем неразрывно связаны с личностью доверителя, что позволяет говорить об опосредованном участии доверителя в правоотношениях [15].

Закрепление в законодательстве возможности выражения воли участников (членов) некоммерческих организаций через уполномоченных представителей соответствует нормам гражданского права. Данный механизм представительства обеспечивает реализацию принципа свободы договора и демократизацию процесса управления делами корпорации.

В целях тщательной проверки логичности и обоснованности выдвинутых нами аргументов, обратимся не только к теоретическим положениям, но и к практике правоприменения. Рассмотрим решение Арбитражного суда Ярославской области от 14 мая 2022 г. [8] и определение Верховного Суда РФ от 04.04.2023 № 301-ЭС23-2183 по делу № А82-15505/2021 [7].

Семь членов некоммерческого партнерства по эксплуатации Торгового центра «Фрунзенский» (далее – НПЭТЦ «Фрунзенский», Партнерство) подали иск в Арбитражный суд Ярославской области о признании несостоявшимся общего собрания членов НПЭТЦ «Фрунзенский» от 13.05.2021 и недействительности принятых на нем решений. Истцы ссылались на отсутствие кворума на собрании, что, по их мнению, в соответствии со ст. 181.5 ГК РФ, влечет ничтожность решений, и приводили в подтверждение своей позиции письмо Минюста РФ.

Согласно протоколу общего собрания, в нем приняли участие 31 из 59 членов Партнерства. Из них 20 присутствовали лично, а 11 членов были представлены уполномоченными по доверенности представителями. Суд первой инстанции, изучив материалы дела и рассмотрев доводы истцов, пришел к выводу, что их позиция основана на неверном толковании норм действующего законодательства Российской Федерации.

Другим примером судебной практики является решение Ярославского областного арбитражного суда, который вынес решение, установив следующее: «Исходя из положений пункта 4 статьи 9 Федерального закона «О некоммерческих организациях», члены некоммерческих организаций имеют право участвовать в общих собраниях как лично, так и через своих представителей, действующих на основании доверенности [8]. Одним из ключевых критериев, определяющих законность решений, принятых на таких собраниях, является надлежащее оформление доверенностей, выданных представителям. Данные доверенности в обязательном порядке должны содержать указание на полномочие представителя участвовать в собраниях членов организации с правом голоса, дату выдачи, а также иные необходимые сведения» [13].

В ходе рассмотрения дела суд пришел к выводу, что все предоставленные для рассмотрения доверенности соответствовали требованиям за-

конодательства. Таким образом, суд посчитал правомерным участие членов Партнерства в общем собрании 13.05.2021 через своих представителей, действовавших на основании надлежаще оформленных доверенностей. В итоге суд отказал в удовлетворении исковых требований, признав общее собрание Партнерства от 13.05.2021 состоявшимся, а принятые на нем решения – имеющими юридическую силу. Аналогичную позицию впоследствии поддержал и Верховный Суд Российской Федерации, отказав в передаче кассационной жалобы на рассмотрение. Таким образом, российское законодательство разрешает членам некоммерческих организаций участвовать в общих собраниях как лично, так и через своих представителей, действующих на основании доверенности. Ключевым критерием для признания легитимности решений, принятых на таких собраниях, является надлежащее оформление доверенностей, выданных представителям. Доверенности должны содержать указание на полномочие представителя участвовать в собрании с правом голоса, дату их выдачи и другую необходимую информацию.

В заключении представляется важным отметить необходимость внесения в ГК РФ поправок, например, в п. 3 ст. 123.6 ГК РФ [2], а также в ФЗ «Об общественных объединениях» [6] и ФЗ «О некоммерческих организациях» [5], относительно корпоративных юридических лиц. Поскольку в настоящее время нормы сформулированы нечетко и не исчерпывающе, что позволяет давать их ошибочное толкование. Нами предлагается следующая формулировка, которая позволила бы исключить двойственное понимание норм права и обеспечила бы их однотипное применение субъектами гражданских правоотношений – «Члены некоммерческих корпоративных организаций имеют право участвовать в общих собраниях (заседаниях) как лично, так и через уполномоченных представителей». Гражданское законодательство в первую очередь носит диспозитивный характер, а не императивный, это значит, что разрешено все то, что не запрещено законом, поэтому рекомендуемая новелла не только исключит неясность, но и подтвердит демократическую основу ведущей отрасли российского права – гражданского права.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.07.2023) // www.consultant.ru
3. Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 25.12.2023) «Об акционерных обществах» // www.consultant.ru
4. Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 13.06.2023) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // www.consultant.ru
5. Федеральный закон «О некоммерческих организациях» от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // www.consultant.ru
6. Федеральный закон «Об общественных объединениях» от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // www.consultant.ru

7. Определение Верховного Суда РФ от 04.04.2023 № 301-ЭС23-2183 по делу N А82-15505/2021 // www.consultant.ru

8. Решение от 14 мая 2022 г. по делу № А82-15505/2021 Арбитражный суд Ярославской области (АС Ярославской области) // www.consultant.ru

9. Письмо ГУ Минюста РФ по г. Москве от 2 июля 2018 г. № 77/03-33258 О применении законодательства РФ в сфере государственной регистрации и осуществления контроля за деятельностью общественных объединений, религиозных организаций и иных некоммерческих организаций // www.consultant.ru

10. Разъяснение Прокуратуры Свердловской области // URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (дата обращения: 10.02.2024)

11. *Анисимов, А.П.* Гражданское право России. Общая часть: учебник для вузов / А.П. Анисимов, М.Ю. Козлова, А.Я. Рыженков; под общей редакцией А.Я. Рыженкова. 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2024. 435 с.

12. *Егорова, Е.В.* Некоммерческие организации в обществе: анализ основных проблем взаимодействия органов государственной власти и местного самоуправления с некоммерческими организациями / Е.В. Егорова // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 211–213.

13. *Коломыцкая, А.М.* Проблемные вопросы правового регулирования отдельных видов некоммерческих корпоративных организаций / А.М. Коломыцкая // Молодой ученый. 2023. № 22 (469). С. 278–280.

14. *Комаров С.А. и др.* Комментарий к Конституции Российской Федерации. 5-е изд., испр. и доп. // Под ред. проф. С.А. Комарова. М.: Изд-во «Юрайт», 2023. 411 с. (Серия: Профессиональный комментарий).

15. *Фатина, Е.С.* Правовые аспекты управления некоммерческими организациями / Е.С. Фатина // Молодой ученый. 2016. № 23 (127). С. 359–363.

Для цитирования: *Ретунская М.Ю.* Представительство в некоммерческих корпоративных юридических лицах: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 128–133.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.128

REPRESENTATION IN NON- PROFIT CORPORATE LEGAL ENTITIES

Margarita Yu. Retunskaya*

Annotation. The article examines the issue of limiting the rights of participants (members) of non-profit organizations in comparison with the rights of founders (participants) of commercial legal entities. It analyzes the institution of representation and the advisability of providing members of non-profit organizations with the opportunity to delegate their corporate rights by proxy to other persons to participate in general meetings. The author points out the imperfection of the current legislation, which allows for erroneous interpretation of the rules and limits the constitutional rights of citizens.

---

* **Retunskaya Margarita Yuryevna** – student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation. E-mail: margot_reu@mail.ru

Scientific supervisor – **Anna Vladislavovna Popova**, Professor of the Department of International and Public Law of the Law Faculty of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor. E-mail: anna0710@yandex.ru

Key words: non-profit organizations, commercial legal entities, corporate rights, institution of representation, power of attorney, general meeting.

In modern society, non-profit corporate legal entities play a significant role, satisfying various public needs and protecting the interests of citizens. However, the existing legal norms governing the activities of such organizations raise a number of questions related to the exercise of the rights of their members. In particular, a contradiction arises regarding the possibility of participating in the management of a non-profit organization through a representative by proxy. This problem requires a detailed analysis and search for an optimal solution taking into account the interests of all interested parties. In commercial organizations, the rights of founders (participants) are associated with the right of ownership of a share (contribution) in the authorized (share) capital. Accordingly, when this right of ownership is alienated, the rights of the founder (participant) are also transferred [11]. The new acquirer of the share automatically becomes a participant in the corporation with all the ensuing rights and obligations. This issue is regulated by the Federal Law "On Public Associations" dated May 19, 1995, No. 82-FZ (hereinafter – the Federal Law "On Public Associations") [6].

A different situation is typical for non-profit organizations. Here, the emergence and termination of rights and obligations are associated not with property shares, but with membership. Upon joining a non-profit organization, a person automatically acquires the corresponding rights and obligations, and upon leaving, he or she loses them. Membership cannot be transferred to other persons; it can only be terminated [12].

From the point of view of modern Russian legislation, the concept of a power of attorney is defined in paragraph 1 of Article 185 of the Civil Code of the Russian Federation [2]. In accordance with this norm, a power of attorney is a written authorization issued by one person to another person or persons for representation before third parties.

Based on the literal interpretation of this article, it can be concluded that a power of attorney is not associated with the transfer or alienation of rights, since it is precisely a written authorization to exercise representative functions. Granting a person, the authority to officially represent and express the will of the principal does not entail the loss of the latter's subjective rights. As a result of the actions of the attorney, it is the principal who acquires rights and obligations.

Referring to paragraph 3 of Article 123.6 of the Civil Code of the Russian Federation [2] and guided by the explanation of the Ministry of Justice of the Russian Federation, we establish the fact that participants (members) of a non-profit organization can exercise their rights only independently. They cannot be transferred to third parties by proxy, except for cases when the highest governing body, for example, an association, is representative (a congress or conference of delegates (clause 1 of Article 65.3 of the Civil Code of the Russian Federation) or when a member is an independent legal entity that in any case exercises its participation in civil legal relations through "authorized representatives", "representatives by proxy". The definition of such a legal status of indi-

viduals and individual entrepreneurs within the framework of a non-profit corporate legal entity gives rise to a number of difficulties in resolving issues and managing the organization under a number of circumstances, as well as in the exercise of their powers. This provision was argued in the letter of the Ministry of Justice of the Russian Federation No. 77 / 03-33258 dated 02.07.2018, which states that membership in a corporation, as well as the rights and obligations arising from membership, are directly related to the personality of their bearer, and are also inalienable and non-transferable [9].

Based on the interpretation of the current legislation by the Ministry of Justice of the Russian Federation, members of a non-profit organization, for example, a local or regional public organization, are required to personally participate in both in-person meetings of its highest body and in absentia (survey form).

Note that in order for a meeting to be recognized as having taken place and the decisions taken at it to have legal force, the presence of more than half of the total number of members is required, in accordance with paragraph 4 of Article 29 of the Federal Law "On Non-Commercial Organizations" [5].

We also note the significant contradiction between the judgments of the Ministry of Justice of the Russian Federation and civil legislation. If we proceed from the fact that the rights and obligations of the participants (members) of non-profit corporations are inalienable, and their implementation cannot be delegated by issuing a power of attorney to other persons, then it is advisable to conclude that similar provisions should apply to the rights and obligations of the founders (participants) of commercial organizations, since, as the Ministry of Justice of the Russian Federation asserts, they are of an exclusively personal nature.

However, referring to paragraph 1 of Article 57 of the Federal Law "On Joint-Stock Companies" [3] and paragraph 2 of Article 37 of the Federal Law "On Limited Liability Companies" [4], we see that the legislator grants participants of commercial legal entities the right to participate in the general meeting both personally and through their representatives (by issuing a power of attorney), despite the fact that the content of the rights and obligations of the participants, enshrined in Art. 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation are identical [2], which is at odds with the position of the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation.

That is, if for any reason a person cannot arrive at the place of the meeting, including participating in it remotely, is unable to transmit the relevant documents expressing his interest, decision, proposals, by means of communication confirming the authenticity of the transmitted messages, but the minimum number of participants (quorum) are gathered at it, then the decisions taken will be considered valid and give rise to the corresponding legal consequences, regardless of the unrealized vote of the person who did not participate in such a meeting or meeting. Decisions of the general meeting on issues within the exclusive competence of the supreme governing body of a non-profit organization are considered valid if the members present voted unanimously or by a qualified majority in accordance with paragraph 4 of Article 29 of the Federal Law "On Non-Commercial Organizations" [5].

In respect of matters not within the exclusive competence of the said body, decisions are made by a simple majority of votes. It should be noted that in accordance with paragraph 4 of Article 65.2 of the Civil Code of the Russian Federation [2], the founder (participant, member) of a corporation is entrusted with responsibilities such as participation in the adoption of corporate decisions, without which a non-profit legal entity will not be able to continue its activities, for example, those related to changes in the charter, which directly affects each participant of the corporation. Moreover, the presence in the minutes of the general meeting of members of a non-profit organization (corporation) of information about the presence of persons acting on behalf of members of such an organization by power of attorney entails the recognition of this meeting as invalid.

It is assumed that the erroneous interpretation of the norms of civil law by the Ministry of Justice of the Russian Federation violates the constitutional right of citizens to freely express their opinions, enshrined in paragraph 1 of Article 29 of the Constitution of the Russian Federation [1; 14], as well as the principle of freedom of contract, enshrined in paragraph 1 of Article 1 of the Civil Code of the Russian Federation, and the provision of paragraph 1 of Article 9 of the Civil Code of the Russian Federation, according to which citizens and legal entities exercise their civil rights at their own discretion [2].

Thus, the institution of representation acts as a guarantor of the protection of the legitimate interests of individuals and legal entities. It was created, among other things, to ensure the possibility of participation in civil legal relations for persons who cannot participate in them independently. In this case, the actions of the representative performed in the interests of the principal are considered as the actions of the principal himself [10]. Thus, the implementation of rights and the performance of duties by the representative are inextricably linked with the personality of the principal, which allows us to talk about the indirect participation of the principal in legal relations [15].

The consolidation in legislation of the possibility of expressing the will of participants (members) of non-profit organizations through authorized representatives complies with the norms of civil law. This mechanism of representation ensures the implementation of the principle of freedom of contract and the democratization of the process of managing the affairs of the corporation.

In order to thoroughly check the logic and validity of the arguments we have put forward, we will turn not only to theoretical provisions, but also to the practice of law enforcement. Let us consider the decision of the Arbitration Court of the Yaroslavl Region dated May 14, 2022 [8] and the determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated April 4, 2023 No. 301-ES23-2183 in case No. A82-15505/2021 [7].

Seven members of the non-profit partnership for the operation of the Frunzensky Shopping Center (hereinafter referred to as the Frunzensky NPETC, the Partnership) filed a claim with the Arbitration Court of the Yaroslavl Region to declare the general meeting of members of the Frunzensky

NPETC dated May 13, 2021 invalid and the decisions made at it invalid. The plaintiffs referred to the lack of a quorum at the meeting, which, in their opinion, in accordance with Article 181.5 of the Civil Code of the Russian Federation, entails the invalidity of decisions, and cited a letter from the Ministry of Justice of the Russian Federation in support of their position.

According to the minutes of the general meeting, 31 of the 59 members of the Partnership took part in it. Of these, 20 were present in person, and 11 members were represented by representatives authorized by power of attorney.

The court of first instance, having studied the case materials and considered the arguments of the plaintiffs, came to the conclusion that their position was based on an incorrect interpretation of the norms of the current legislation of the Russian Federation.

Another example of judicial practice is the decision of the Yaroslavl Regional Arbitration Court, which issued a decision establishing the following: "Based on the provisions of paragraph 4 of Article 9 of the Federal Law "On Non-Commercial Organizations", members of non-commercial organizations have the right to participate in general meetings both in person and through their representatives acting on the basis of a power of attorney [8].

One of the key criteria determining the legality of decisions taken at such meetings is the proper execution of powers of attorney issued to representatives. These powers of attorney must necessarily contain an indication of the representative's authority to participate in meetings of members of the organization with the right to vote, the date of issue, as well as other necessary information" [13].

During the consideration of the case, the court came to the conclusion that all powers of attorney submitted for consideration complied with the requirements of the law. Thus, the court considered the participation of the Partnership members in the general meeting on 13.05.2021 through their representatives acting on the basis of duly executed powers of attorney to be lawful.

As a result, the court rejected the claims, recognizing the general meeting of the Partnership on 13.05.2021 as having taken place, and the decisions made at it as having legal force. A similar position was subsequently supported by the Supreme Court of the Russian Federation, refusing to refer the cassation appeal for consideration.

Thus, Russian legislation allows members of non-profit organizations to participate in general meetings both in person and through their representatives acting on the basis of a power of attorney. The key criterion for recognizing the legitimacy of decisions taken at such meetings is the proper execution of powers of attorney issued to representatives. Powers of attorney must contain an indication of the representative's authority to participate in the meeting with the right to vote, the date of their issue and other necessary information.

In conclusion, it seems important to note the need to amend the Civil Code of the Russian Federation, for example, paragraph 3 of Article 123.6 of the Civil Code of the Russian Federation [2], as well as the Federal Law "On

Public Associations" [6] and the Federal Law "On Non-Commercial Organizations" [5], with respect to corporate legal entities. Since at present the norms are formulated unclearly and not exhaustively, which allows for their erroneous interpretation.

We propose the following wording, which would eliminate the dual understanding of legal norms and ensure their uniform application by subjects of civil legal relations: "Members of non-profit corporate organizations have the right to participate in general meetings (sessions) both personally and through authorized representatives." Civil legislation is primarily optional in nature, not imperative, which means that everything that is not prohibited by law is permitted, so the recommended innovation will not only eliminate ambiguity, but also confirm the democratic basis of the leading branch of Russian law – civil law.

Bibliographic list

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // www.consultant.ru
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) dated 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 24.07.2023) // www.consultant.ru
3. Federal Law dated 26.12.1995 No. 208-FZ (as amended on 25.12.2023) "On Joint-Stock Companies" // www.consultant.ru
4. Federal Law dated 08.02.1998 No. 14-FZ (as amended on 13.06.2023) "On limited liability companies" // www.consultant.ru
5. Federal Law "On Non-Commercial Organizations" dated 12.01.1996 No. 7-FZ (as amended on 08.08.2024) // www.consultant.ru
6. Federal Law "On Public Associations" dated 19.05.1995 No. 82-FZ (as amended on 08.08.2024) // www.consultant.ru
7. Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 04.04.2023 No. 301-ES23-2183 in case No. A82-15505/2021 // www.consultant.ru
8. Decision dated May 14, 2022 in case No. A82-15505/2021 Arbitration Court Yaroslavl Region (AS Yaroslavl Region) // www.consultant.ru
9. Letter of the Main Directorate of the Ministry of Justice of the Russian Federation for the City of Moscow dated July 2, 2018 No. 77/03-33258 On the application of the legislation of the Russian Federation in the sphere of state registration and control over the activities of public associations, religious organizations and other non-profit organizations // www.consultant.ru
10. Explanation of the Prosecutor's Office of the Sverdlovsk Region // URL: <https://epp.genproc.gov.ru> (date of access: 10.02.2024)
11. Anisimov, A.P. Civil law of Russia. General part: textbook for universities / A.P. Anisimov, M.Yu. Kozlova, A.Ya. Ryzhenkov; under the general editorship of A.Ya. Ryzhenkov. 5th ed., revised. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 435 p.
12. Egorova, E.V. Non-profit organizations in society: analysis of the main problems of interaction between state authorities and local governments with non-profit organizations / E.V. Egorova // Young scientist. 2020. No. 23 (313). P. 211–213.
13. Kolomytskaya, A.M. Problematic issues of legal regulation of certain types of non-profit corporate organizations / A.M. Kolomytskaya // Young scientist. 2023. No. 22 (469). P. 278–280.

14. Komarov S.A. et al. Commentary on the Constitution of the Russian Federation. 5th ed., corr. and add. // Ed. by prof. S.A. Komarov. Moscow: Publishing house "Yurait", 2023. 411 p. (Series: Professional commentary).

15. Fatina, E.S. Legal aspects of managing non-profit organizations / E.S. Fatina // Young scientist. 2016. No. 23 (127). P. 359–363.

For citation: Retunskaya M.Yu. Representation in non-profit corporate legal entities: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 133–139.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.128

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

5.1.4. – УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Научная статья

УДК 343.2

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.140

ДОМАШНЕЕ НАСИЛИЕ В КОНТЕКСТЕ УГОЛОВНОЙ И АДМИНИСТРАТИВНОЙ ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ

Т.Ю. Абазов*

А.А. Леонтьева**

Аннотация. В статье поднимается вопрос о домашнем насилии как форме нарушения прав человека, описываются его различные аспекты в рамках семьи или близких отношений. Авторы подчеркивают сложности выявления и привлечения виновных к ответственности, а также влияние определенных факторов на реагирование на случаи домашнего насилия. В статье рассматриваются законодательные меры, предназначенные для защиты жертв и привлечения виновных к ответственности, подчеркивается необходимость социальной поддержки жертв и профилактических мер для борьбы с этой проблемой.

Ключевые слова: домашнее насилие, декриминализация, административное право, насилие, уголовное право

Домашнее насилие – это физическое, психическое, экономическое или сексуальное насилие, организованное одним членом семьи в отношении другого в семье или близком кругу отношений. Домашнее насилие является неотъемлемой частью широкого спектра нарушений прав человека и одной из самых распространенных форм насилия в обществе. В отличие от насилия в обществе, домашнее насилие происходит в стенах дома и часто остается скрытым от внешнего мира. Домашнее насилие характеризуется повторяющимися и систематическими действиями, которые нарушают права и достоинство жертвы и ставят под угрозу ее жизнь, здоровье и благополучие.

---

* **Абазов Тимур Юрьевич**, слушатель ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева». E-mail: Timur.abazov007@gmail.com

Научный руководитель – **Сунцова Елена Анатольевна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции. E-mail: mailto:suntsovanelly@mail.ru

** **Леонтьева Адель Альбертовна**, слушатель ФГКОУ ВО «Московская академия Следственного комитета имени А.Я. Сухарева». E-mail: l.adele679@gmail.com

Научный руководитель – **Сунцова Елена Анатольевна**, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, кандидат юридических наук, доцент, подполковник юстиции. E-mail: mailto:suntsovanelly@mail.ru

К таким формам насилия относятся физическое насилие, психологическое унижение, экономическое господство, контроль свободы передвижения, сексуальные домогательства и изнасилования. Жертвами насилия в семье становятся женщины, дети, подростки, пожилые люди и инвалиды, но чаще всего женщины и дети. Домашнее насилие часто имеет долгосрочные негативные последствия для физического и психического здоровья жертв, а также для общества в целом, включая социальные и экономические последствия [3, с. 62].

Одна из особенностей домашнего насилия заключается в том, что виновных трудно выявить и привлечь к ответственности. Жертвы часто испытывают страх, стыд и чувство вины и поэтому не могут обратиться за помощью или сообщить об этом в правоохранительные органы. Кроме того, социально-культурные и экономические факторы также могут влиять на выявление случаев домашнего насилия и реагирование на них. Поэтому эффективная борьба с домашним насилием требует комплексного подхода, включающего не только законодательные меры и правовую защиту, но и социальную поддержку жертв, профилактику и просвещение общества по данной проблеме.

Законодательство и правовые механизмы играют ключевую роль в борьбе с домашним насилием. Во многих странах существуют специальные законы, определяющие домашнее насилие, обеспечивающие защиту жертв и наказывающие виновных. Эти законы предоставляют правовые механизмы для привлечения насильников к ответственности и обеспечивают меры защиты для жертв [1].

Эффективная борьба с домашним насилием также требует социальной поддержки жертв и профилактики в обществе. Помимо законодательных мер, необходимо предоставление социальных услуг для жертв, включая консультации, психологическую поддержку и доступ к приютам. Профилактические меры должны включать в себя образовательные кампании и просвещение общества о вреде домашнего насилия, чтобы снизить стигматизацию и повысить осведомленность о возможностях помощи.

Законодательство играет важную роль в борьбе с домашним насилием, предоставляя правовые механизмы для защиты жертв и привлечения виновных к ответственности. Во многих странах существуют специальные законы и нормативные акты, направленные на предотвращение и решение проблемы домашнего насилия. Эти законы обычно включают определения домашнего насилия, защиту жертв и наказание виновных.

Законы обычно включают механизмы помощи жертвам домашнего насилия, такие как выдача ордеров на арест и временный запрет на приближение преступника к жертве. Эти меры направлены на обеспечение безопасности и защиты жертвы от дальнейших действий преступника.

Важным элементом закона является наказание за бытовое насилие. В зависимости от тяжести правонарушения наказания включают в себя административные штрафы, административный арест, исправительные, обязательные, либо принудительные работы, а также ограничение или лишение свободы. Эти меры призваны не только наказать преступника, но и предотвратить повторение насилия, а также выработать такие качества,

которые могут обеспечить неуклонное соблюдение социальных норм и правил общественной морали.

Однако эффективность закона в борьбе с домашним насилием может зависеть от его применения и исполнения. Важным аспектом является обучение сотрудников правоохранительных и судебных органов особенностям производства таких дел и необходимости их особого и этичного подхода к разбирательству, связанных с домашним насилием, и обеспечение справедливого судебного разбирательства для всех сторон. Также необходимо учитывать особый культурный и социальный контекст, который может влиять на восприятие и реакцию на домашнее насилие в разных обществах [2].

Чтобы эффективно предотвращать домашнее насилие, важно проводить профилактические мероприятия и предупреждать насилие на ранних этапах. Это включает в себя образовательные программы для подростков и взрослых о вреде насилия в семье, а также о том, как искать помощь и поддержку. Кроме того, необходимо развивать программы по тренировке навыков решения конфликтов и коммуникации, чтобы снизить вероятность возникновения насилия в отношениях.

Профилактика и предотвращение домашнего насилия играют важную роль в обеспечении безопасности семьи и защите ее членов от потенциальных угроз. Одним из основных направлений профилактики является просветительская деятельность, направленная на повышение осведомленности общества о проблеме домашнего насилия, его последствиях и методах предотвращения. Это информационные кампании, семинары и тренинги, направленные на повышение уровня знаний и навыков в области семейных отношений и конфликтологии.

Еще один важный аспект профилактики – социальная поддержка семей и их членов. Программы социальной поддержки включают в себя консультирование, психологическую поддержку и доступ к юридической помощи для тех, кто сталкивается с домашним насилием. Оказание социальной поддержки помогает снизить напряженность в семейных отношениях и предотвратить конфликты, которые могут привести к насилию [5, с. 47].

Раннее выявление и вмешательство в ситуации, когда существует потенциальная угроза домашнего насилия, также является важным элементом профилактики. Этого можно достичь не только с помощью профилактических мер, направленных на укрепление семейных отношений и разрешение конфликтов, но и путем организации системы кризисного вмешательства, включающей сеть служб поддержки и защиты. Такой подход позволяет своевременно предотвратить насилие и защитить потенциальных жертв.

Профилактика и предотвращение домашнего насилия требуют комплексного подхода, включающего образовательные, социальные и кризисные меры. Эффективная профилактика направлена не только на предотвращение инцидентов насилия, но и на формирование здоровых и безопасных семейных отношений в обществе. Это включает в себя проведение образовательных программ, поддержку для семей, пострадавших от насилия, и предоставление кризисной помощи для жертв.

Государственные органы, а также общество играют крайне важную роль в борьбе с домашним насилием. Государственные структуры, и в первую

очередь, социальные службы должны обеспечивать эффективное применение законодательства, защищать права жертв и привлекать виновных в пределах своей компетенции к ответственности. Они должны обеспечить эффективное расследование случаев домашнего насилия и предоставить пострадавшим необходимую поддержку и защиту. Помимо этого, общество должно активно поддерживать жертв насилия, осуждать насильников и пропагандировать ненасильственные методы разрешения конфликтов в семье [4, с. 57–59].

Следственный комитет Российской Федерации, обладающий полномочиями для проведения расследования и привлечения к ответственности лиц, совершивших насилие в семье, также играет ключевую роль в борьбе с домашним насилием.

В рамках своей деятельности Следственный комитет Российской Федерации предпринимает следующие действия по борьбе с домашним насилием: принимает и обрабатывает заявления и жалобы о случаях домашнего насилия, а также проводит оперативные действия и следственные мероприятия для собирания доказательств. Соответственно осуществляет допросы потерпевших, свидетелей и подозреваемых, составляет протоколы обнаружения следов насилия и подготавливает материалы для передачи в суд и привлечения насильников к ответственности. Все эти меры направлены на защиту прав и безопасность всех членов семьи, и предотвращение повторения подобных преступлений.

Таким образом, Следственный комитет Российской Федерации участвует в предотвращении, расследовании и наказании данного вида преступлений, для обеспечения защиты прав и безопасности людей, подвергнутых домашнему насилию.

Однако решение проблемы домашнего насилия не ограничивается действиями только государственных органов. Общество в целом и его граждане играют важную роль. Общественные организации, благотворительные фонды, активисты и волонтеры могут оказать значительную поддержку жертвам домашнего насилия, предлагая психологическую поддержку, юридические консультации и материальную помощь [2].

Важно просвещать и повышать осведомленность общества о проблеме домашнего насилия. Это можно сделать с помощью образовательных программ в школах, университетах и общественных местах, а также через средства массовой информации и социальные сети. Чем больше людей знают о признаках и последствиях домашнего насилия, тем больше возможностей для его предотвращения и борьбы с ним.

Вывод состоит в том, что домашнее насилие – серьезная проблема, требующая внимания со стороны общества и государства. Оно наносит вред не только отдельным людям и их семьям, но и обществу в целом, негативно влияя на здоровье, благосостояние и развитие. В связи с этим необходимо принимать комплексные меры по профилактике и борьбе с домашним насилием, включая законодательное регулирование, повышение информированности населения, социальную поддержку жертв и их семей, усиление роли органов власти и общественных институтов. Только совместными усилиями государственных органов и общества, возможно, со-

здать безопасное и гармоничное общество, где каждый человек будет защищен от насилия и сможет реализовать свои права и свободы.

Библиографический список

1. ГОСТ Р ИСО 13407-2013. Домашнее насилие. Руководство по применению стандартов. – М.: Стандартинформ, 2013. – 50 с.
2. Беляева, Л.К. Правовые механизмы защиты жертв домашнего насилия / Л.К. Беляева. – Санкт-Петербург: Издательство "Правовая культура", 2015. – 210 с.
3. Жукова, О.Н. Роль общества в борьбе с домашним насилием / О.Н. Жукова. – М.: Издательство "Современные исследования", 2016. – 190 с.
4. Кузнецов, А.А. Профилактика домашнего насилия: опыт российских регионов / А.А. Кузнецов. – Екатеринбург: Уральское издательство, 2017. – 160 с.
5. Сидорова, Е.М. Социальная поддержка жертв домашнего насилия / Е.М. Сидорова. – М.: Издательство "Социальные исследования", 2020. – 220 с.

Для цитирования: Абазов Т.Ю., Леонтьева А.А. Домашнее насилие в контексте уголовной и административной правовой политики: статья // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 140–144.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.140

DOMESTIC VIOLENCE IN THE CONTEXT OF CRIMINAL AND ADMINISTRATIVE LEGAL POLICY

Timur Yu. Abazov*
Adel A. Leontyeva**

Annotation. The article raises the issue of domestic violence as a form of human rights violation, describes its various aspects within the family or close relationships. The authors emphasize the difficulties of identifying and holding perpetrators accountable, as well as the influence of certain factors on the response to cases of domestic violence. The article examines legislative measures designed to protect victims and hold perpetrators accountable, emphasizes the need for social support for victims and preventive measures to combat this problem.

Keywords: domestic violence, decriminalization, administrative law, violence, criminal law.

---

* **Abazov Timur Yuryevich**, student of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev". E-mail: Timur.abazov007@gmail.com

Scientific supervisor – **Elena Anatolyevna Suntsova**, associate professor of the department of state and legal disciplines, candidate of legal sciences, associate professor, lieutenant colonel of justice. E-mail: mailto:suntsovanelly@mail.ru

** **Leontyeva Adel Albertovna**, student of the Federal State Educational Institution of Higher Education "Moscow Academy of the Investigative Committee named after A.Ya. Sukharev". E-mail: l.adele679@gmail.com

Scientific supervisor – **Elena Anatolyevna Suntsova**, associate professor of the department of state and legal disciplines, candidate of legal sciences, associate professor, lieutenant colonel of justice. E-mail: mailto:suntsovanelly@mail.ru

Domestic violence is physical, psychological, economic or sexual violence perpetrated by one family member against another within the family or close circle of relationships. Domestic violence is an integral part of a wide range of human rights violations and is one of the most widespread forms of violence in society. Unlike violence in society, domestic violence occurs within the walls of the home and often remains hidden from the outside world. Domestic violence is characterized by repeated and systematic actions that violate the rights and dignity of the victim and threaten his or her life, health and well-being. Such forms of violence include physical violence, psychological humiliation, economic domination, control of freedom of movement, sexual harassment and rape. Victims of domestic violence are women, children, adolescents, the elderly and the disabled, but most often women and children. Domestic violence often has long-term negative consequences for the physical and mental health of victims, as well as for society as a whole, including social and economic consequences [3, p. 62].

One of the characteristics of domestic violence is that perpetrators are difficult to identify and prosecute. Victims often experience fear, shame and guilt and therefore cannot seek help or report it to law enforcement agencies. In addition, socio-cultural and economic factors can also influence the identification of cases of domestic violence and responses to them. Therefore, an effective fight against domestic violence requires a comprehensive approach that includes not only legislative measures and legal protection, but also social support for victims, prevention and public education on this problem.

Legislation and legal mechanisms play a key role in the fight against domestic violence. Many countries have special laws defining domestic violence, ensuring protection for victims and punishing perpetrators. These laws provide legal mechanisms for holding perpetrators accountable and provide protection measures for victims [1].

Effective combating domestic violence also requires social support for victims and prevention in society. In addition to legislative measures, it is necessary to provide social services for victims, including counselling, psychological support and access to shelters. Preventive measures should include educational campaigns and public awareness of the harm of domestic violence in order to reduce stigma and raise awareness of assistance options.

Legislation plays an important role in combating domestic violence by providing legal mechanisms to protect victims and hold perpetrators accountable. Many countries have specific laws and regulations aimed at preventing and addressing domestic violence. These laws typically include definitions of domestic violence, protection of victims, and punishment of perpetrators.

Laws typically include mechanisms to assist victims of domestic violence, such as issuing arrest warrants and temporary restraining orders. These measures are aimed at ensuring the safety and protection of the victim from further actions by the perpetrator.

An important element of the law is the punishment for domestic violence. Depending on the severity of the offense, punishments include administrative fines, administrative arrest, correctional, compulsory, or forced labor, as well

as restriction or deprivation of liberty. These measures are designed not only to punish the perpetrator, but also to prevent repetition of violence, as well as to develop such qualities that can ensure strict compliance with social norms and rules of public morality. However, the effectiveness of the law in combating domestic violence may depend on its application and enforcement. An important aspect is the training of law enforcement and judicial officials in the specifics of such cases and the need for their special and ethical approach to proceedings related to domestic violence and ensuring a fair trial for all parties. It is also necessary to take into account the specific cultural and social context that may influence the perception and response to domestic violence in different societies [2].

To effectively prevent domestic violence, it is important to conduct preventive measures and prevent violence at an early stage. This includes educational programs for adolescents and adults about the harm of domestic violence, as well as how to seek help and support. In addition, it is necessary to develop programs on training in conflict resolution and communication skills to reduce the likelihood of violence in relationships.

Prevention and prevention of domestic violence play an important role in ensuring the safety of the family and protecting its members from potential threats. One of the main areas of prevention is educational activities aimed at raising public awareness of the problem of domestic violence, its consequences and methods of prevention. These are information campaigns, seminars and trainings aimed at increasing the level of knowledge and skills in the field of family relations and conflictology. Another important aspect of prevention is social support for families and their members. Social support programs include counseling, psychological support and access to legal assistance for those who face domestic violence. Providing social support helps reduce tension in family relationships and prevent conflicts that can lead to violence [5, p. 47].

Early detection and intervention in situations where there is a potential threat of domestic violence is also an important element of prevention. This can be achieved not only through preventive measures aimed at strengthening family relationships and resolving conflicts, but also by organizing a crisis intervention system, including a network of support and protection services. Such an approach allows for timely prevention of violence and protection of potential victims.

Prevention and prevention of domestic violence require a comprehensive approach, including educational, social and crisis measures. Effective prevention is aimed not only at preventing incidents of violence, but also at forming healthy and safe family relationships in society. This includes educational programs, support for families affected by violence, and providing crisis assistance to victims.

Government agencies, as well as society, play a vital role in combating domestic violence. Government agencies, and first and foremost, social services, must ensure effective enforcement of legislation, protect the rights of victims and hold perpetrators accountable within their competence. They must ensure effective investigation of cases of domestic violence and provide victims

with the necessary support and protection. In addition, society must actively support victims of violence, condemn perpetrators and promote non-violent methods of resolving conflicts in the family [4, pp. 57–59].

The Investigative Committee of the Russian Federation, which has the authority to investigate and prosecute persons who have committed domestic violence, also plays a key role in the fight against domestic violence.

As part of its activities, the Investigative Committee of the Russian Federation takes the following actions to combat domestic violence: it accepts and processes applications and complaints about cases of domestic violence, and also carries out operational actions and investigative measures to collect evidence. Accordingly, it interrogates victims, witnesses and suspects, draws up protocols for the detection of traces of violence and prepares materials for submission to court and bringing perpetrators to justice. All these measures are aimed at protecting the rights and safety of all family members and preventing the recurrence of such crimes. Thus, the Investigative Committee of the Russian Federation participates in the prevention, investigation and punishment of this type of crime, to ensure the protection of the rights and safety of people subjected to domestic violence.

However, the solution to the problem of domestic violence is not limited to the actions of state bodies alone. Society as a whole and its citizens play an important role. Public organizations, charities, activists and volunteers can provide significant support to victims of domestic violence, offering psychological support, legal advice and financial assistance [2].

It is important to educate and raise public awareness of the problem of domestic violence. This can be done through educational programs in schools, universities and public places, as well as through the media and social networks. The more people know about the signs and consequences of domestic violence, the more opportunities there are to prevent and combat it.

The conclusion is that domestic violence is a serious problem that requires attention from society and the state. It harms not only individuals and their families, but also society as a whole, negatively affecting health, well-being and development. In this regard, it is necessary to take comprehensive measures to prevent and combat domestic violence, including legislative regulation, raising public awareness, social support for victims and their families, strengthening the role of government bodies and public institutions. Only through the joint efforts of government bodies and society can we create a safe and harmonious society where every person will be protected from violence and will be able to exercise their rights and freedoms.

Bibliographic list

1. GOST R ISO 13407-2013. Domestic violence. Guidelines for the application of standards. Moscow: Standartinform, 2013. 50 p.
2. Belyaeva, L.K. Legal mechanisms for the protection of victims of domestic violence / L.K. Belyaeva. St. Petersburg: Publishing house "Legal Culture", 2015. 210 p.
3. Zhukova, O.N. The role of society in the fight against domestic violence / O.N. Zhukova. Moscow: Publishing house "Modern Research", 2016. 190 p.
4. Kuznetsov, A.A. Prevention of domestic violence: experience of Russian regions / A.A. Kuznetsov. Yekaterinburg: Ural Publishing House, 2017. 160 p.

5. Sidorova, E.M. Social support for victims of domestic violence / E.M. Sidorova. Moscow: Social Research Publishing House, 2020. 220 p.

For citation: Abazov T.Yu., Leontyeva A.A. Domestic violence in the context of criminal and administrative legal policy: article // Legal Thought. 2024. No. 2 (134). P. 144–148.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.140

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

В ПОМОЩЬ ПРЕПОДАВАТЕЛЮ

УДК 340.0

ББК 67.0

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.149

ЛЕКЦИЯ «Норма права»

З.И. Абазехова*

Аннотация. В лекции рассматривается эволюция и значение правовых норм, прослеживается их происхождение от возникновения и исторических переходов к современным правовым системам. Автор анализирует различие между правовыми нормами и другими социальными нормами, подчеркивается их формальная определенность и обеспечение соблюдения посредством государственной власти. В лекции исследуются различные определения правовых норм, предложенные теоретиками права, подчеркивается их роль в формировании поведения человека и поддержании социального порядка. Кроме того, в ней рассматриваются структурные компоненты правовых норм, включая гипотезу, диспозицию и санкцию, а также их взаимозависимость в рамках правовой системы. Специально рассматриваются различные методы представления правовых норм в законодательных актах, такие как прямой и косвенный подходы, а также классификация правовых норм по содержанию, предмету регулирования, характеру, методам регулирования и временному охвату.

Ключевые слова: норма права, социальный порядок, государственная власть, гипотеза, диспозиция, санкция.

Изучение темы остаётся крайне актуальным в современном обществе, поскольку правовые нормы представляют собой основу функционирования правового порядка. В условиях быстрого развития и изменений в социальной, экономической и политической сферах, понимание норм права становится ключевым элементом обеспечения стабильности и предсказуемости в обществе. Это позволяет гражданам, организациям и государственным институтам эффективно взаимодействовать, регулируя свои отношения в соответствии с установленными законами.

Изучение норм права также способствует развитию правовой культуры в обществе. Чем более осведомлены граждане о своих правах и обязанностях, тем более ответственными и активными они могут быть в своих действиях. Это важно для поддержания гражданской ответственности, соблюдения законов и защиты прав и свобод каждого члена общества.

Более того, в современном мире, где информация легко доступна через интернет и социальные медиа, знание норм права помогает гражданам

---

* **Абазехова Зарема Измаиловна**, магистр права, юристконсульт Фонда развития юридического образования. Email: t.zarema2013@yandex.ru

ориентироваться в разнообразных правовых ситуациях и защищать себя от возможных недобросовестных действий. Это особенно важно в контексте защиты прав меньшинств, предотвращения дискриминации и обеспечения равенства перед законом для всех членов общества.

Таким образом, актуальность изучения темы неоспорима в современном обществе, где правовое регулирование играет ключевую роль в обеспечении стабильности, справедливости и защиты прав граждан.

Генезис правовых норм можно проследить с историческими переходами, когда человеческие сообщества переходили от примитивной экономики, такой как охота и собирательство, к более сложным методам ведения сельского хозяйства, что ознаменовало период, известный как «неолитизация». Эта общественная эволюция потребовала регулирования межличностных отношений, чему способствовали возникновение производительной экономики и развитие городов-государств и других форм правления. Эволюция семейной, брачной, духовной и социальной динамики в дальнейшем способствовала формированию правовых норм.

Нормы, содержащие в себе руководящие принципы для множества социальных ролей, называются мононормами. Эти недифференцированные правила поведения, регулирующие различные социальные отношения (экономические, брачные, родственные, моральные, этические и т.д.), были распространены в догосударственных сообществах, примером чему служат законы Хаммурапи. Отличие правовых норм от моральных или социальных норм заключается в их формальной определенности и кодифицированном обеспечении соблюдения посредством письменной формы, причем ключевым отличием является способность государства принуждать субъектов права к их соблюдению.

Одними из древнейших регуляторов общественных отношений, возникших практически одновременно с обычаями и выступившими в качестве предпосылок современных правовых норм, признаются религиозные нормы.

При изучении религиозных норм важно отметить их разнообразную природу, сформированную множеством существующих и исторических религиозных движений и идеологий. Эти нормы вытекают из основных принципов конкретных религиозных верований, различающихся по своей применимости к последователям различных конфессий.

Внешне религиозные нормы берут свое начало в различных священных текстах и религиозной литературе, воплощая обязательные запреты, обязанности, разрешения и предписания.

Священный статус этих норм исторически оказывал значительное влияние на общества, где религия имела сильное влияние. В то время как религия продолжает оказывать влияние во многих обществах, ее влияние постепенно ослабевает, часто поддерживаемое скорее традицией, чем подлинной духовной преданностью или страхом перед божественными последствиями.

Таким образом, возникает краткое определение религиозных норм: они включают в себя набор руководящих принципов, изложенных в Священных Писаниях, регулирующих отношения верующих с божественным, структуру и функции религиозных институтов, а также социальные взаимодействия между верующими и с неверующими [12].

Значение правовых норм заключается в их роли стабилизаторов общественных отношений, обеспечивающих предсказуемость поведения людей. Поощряя ожидания стандартного поведения среди индивидов, правовые нормы способствуют установлению стабильных социальных позиций и культивированию гармоничных отношений. Они обеспечивают основу для понимания и предвосхищения поведения других членов общества, тем самым способствуя социальной сплоченности.

Столкновение и пересечение правовых норм с другими нормами, такими как политические или экономические, являются обычным явлением в современном обществе. Это взаимодействие может проявляться в различных формах, включая сотрудничество, конфликт или взаимное усиление, в зависимости от общественного сознания, динамики власти и исторического контекста. Например, соотношение между экономическими и правовыми нормами отражает степень вмешательства государства в экономику и его цели, такие как регулирование экономической деятельности или защита прав личности.

Правовые нормы оказывают доминирующее влияние, ограничивая политическую власть и поддерживая права человека, выступая в качестве краеугольного камня социальных нормативных систем. Они регулируют функционирование компонентов общества, обеспечивая сбалансированное распределение власти и способствуя демократическому развитию. Правовые нормы не только диктуют допустимое поведение, но и очерчивают границы индивидуальной свободы в конкретных контекстах, охватывая как внутренние, так и внешние свободы.

Определяющей характеристикой правовых норм является их намеренное происхождение, представляющее коллективную волю доминирующих сил общества. Они предназначены для регулирования широкого спектра общественных отношений и применимы к индивидам, обладающим общими характеристиками, относящимися к их социальным ролям. В отличие от директив или приказов, правовые нормы возникают в результате сознательных, волевых действий человека, служа отражением общественных ценностей и устремлений [5].

С течением времени в юридической литературе предлагались различные определения правовых норм. Чтобы проследить эволюцию этого понятия в разные исторические периоды, давайте рассмотрим несколько точек зрения.

Н.М. Коркунов подчеркивал, что правовые нормы прежде всего представляют собой «сущность нормы должного», по сути, функционируя как директивы. Аналогичным образом, С.А. Муромцев описал правовые нормы как правила, устанавливающие границы и методы защиты правоотношений, регулируемые общественным сознанием, законодательными актами и опытом практикующих юристов. Г.Ф. Шершеневич определил право как нормативные акты, исходящие непосредственно от государственной власти. А.И. Петражицкий рассматривал правовые нормы как продукт этического опыта, отражающий связь между долгом и властью.

Дореволюционные российские теоретики права в целом сходились во мнении, что правовые нормы заключают в себе как обязанности, так и пол-

номочия. Большинство ученых рассматривали нормы как руководящие принципы поведения, исходящие от государства.

В советскую и постсоветскую эпохи продолжались споры по поводу определения правовых норм. П.И. Стучка проводил различие между правовыми нормами и законами, характеризуя их как обязательные правила, установленные государством и относящиеся к правовым вопросам. Далее он размышлял о взаимосвязи между материальными отношениями и идеологическими элементами права. Последующие обсуждения уточнили концепцию правовых норм, представив их в качестве моделей оптимального поведения, обязательных правил, предписываемых государственными органами для регулирования общественных отношений, и юридически закрепленных принципов, определяющих действия и уголовную ответственность.

Современные ученые-юристы, придерживающиеся позитивистской точки зрения, в целом согласны с тем, что правовые нормы – это универсально обязательные правила, регулирующие поведение, формально определенные и защищаемые государством для регулирования общественных взаимодействий.

Однако в недавней литературе критикуется нормативно-позитивистское понимание правовых норм, выступающее за более широкий, более контекстуализированный подход, учитывающий социальные реалии. Авторы выступают за «социализацию» норм и подчеркивают роль государства в их создании и обеспечении соблюдения.

Например, В.С. Нерсисянц рассматривает правовые нормы как правила, регулирующие общественные отношения, предписывающие права и обязанности при определенных условиях, с последствиями за несоблюдение. А.В. Поляков и Е.В. Тимошина проводят различие между социально-правовыми нормами, вытекающими из юридических текстов, и социальными практиками и государственными правовыми нормами, в первую очередь установленными или санкционированными государством.

И.Л. Честнов характеризует правовые нормы как форму диалога, представляющую взаимозависимость между индивидами и структурами, опосредованную социальными репрезентациями.

Хотя каждое определение дает ценную информацию, сложно согласиться исключительно с какой-либо одной интерпретацией. Однако важно признавать многогранный характер правовых норм и их ключевую роль в организации и регулировании общественных отношений, содействии равенству и справедливости [10].

Принято выделять следующие признаки нормы права:

1) *Государственно-властный характер*. Норма, как правило поведения, всегда исходит от государства, даже в том случае, если государство санкционирует, то или иное правило поведения. Все же это правило признается государством, а значит выражает государственную волю, опирается на его мощь.

2) *Формальная определенность*. Норма она имеет внешнюю форму выражения, то есть фиксируется в источниках права. Правовыми будут считаться нормы, закрепленные в следующих источниках: нормативные правовые акты (например, конституция; законы и подзаконные акты); междуна-

родно-правовые документы (договоры, соглашения, конвенции и др.); правовые обычаи; нормативные договоры. Норма права выражена в письменном виде, строго определенными способами.

3) *Представительно-обязывающий характер*. Норма права предоставляет субъективные права и налагает юридические обязанности. Однако же, это не всегда так. Существуют нормы специального действия (нормы, которые дают определение правовых понятий или нормы, решающие противоречия в действиях других правовых норм). О них мы ещё поговорим позже.

4) *Общеобязательность*. Норма права действует на всех без исключения и предполагает возможность принудительного осуществления.

5) *Системность*. Как и право в целом, отличается системностью, то есть действуют комплексно, в системе. Каждая норма дополняет другую, их предписание взаимосвязано и только совокупность норм позволяет осуществлять правовое регулирование в обществе.

В целом, **норма права** – это общеобязательное, формально определенное правило поведения постоянного или временного характера, рассчитанное на многократное применение, предоставляющее лицам субъективные права и налагающее на них юридические обязанности, которое обеспечивается и санкционируется государством [4].

Понимание роли и значения правовых норм в жизни человека и общества требует рассмотрения факторов, участвующих в их формировании.

Во-первых, нормативность в самом широком смысле присуща самой структуре существования. Полиструктурная и циклическая природа материального мира отчасти диктует нормализацию социальных связей и явлений, в том числе правовых. Например, сезонные изменения и перепады температур влияют на установление норм в трудовом праве, жилищном регулировании и образовании. Это влияние можно назвать естественной обусловленностью правовых норм. Согласно теории этногенеза, природная среда формирует человеческие отношения и взаимодействие с природой. Существование этнической группы зависит от состояния ее этноландшафтных зон. Изменения в ландшафте могут привести к появлению новых моделей поведения и даже образованию новых этнических групп.

Во-вторых, правовые нормы по своей сути являются социальными конструкциями, развивающимися в результате человеческого общения и взаимодействия. Они возникли из естественных потребностей и постепенно стали абстрактными понятиями, применимыми ко всем сообществам. Естественные права и обязанности, такие как право на жизнь, свободу и защиту территории, превратились в обычные нормы, регулирующие поведение. По мере развития общества эти нормы формировались в результате повторяющихся социальных взаимодействий и юридических прецедентов, в конечном счете кристаллизуясь в общеобязательные законы. Социальный детерминизм лежит в основе правовых норм, вытекающих из коллективного исторического опыта и традиций обществ. Примечательно, что социальные влияния формируют правовые нормы посредством регулирования социальных отношений, которые, в свою очередь, влияют на содержание и структуру этих норм.

В-третьих, при формировании правовых норм необходимо учитывать биологические, психологические и идеологические факторы. Биологические события, такие как рождение и смерть, а также физиологические показатели, такие как кровяное давление, имеют юридические последствия и рассматриваются в конституционном, гражданском и других отраслях права. Психологические факторы также играют определенную роль, влияя на создание и применение правовых норм, основанных на человеческом восприятии и эмоциях. Кроме того, идеологические влияния, проистекающие из теологических, политических и философских доктрин, формируют правовые нормы, отраженные в мифах, заповедях и нормативных документах.

Наконец, правовые нормы являются продуктами интеллектуальной и сознательной деятельности человека. Несмотря на их внешнюю детерминированность, правовые нормы являются не просто отражением социальных отношений, но результатом сложных процессов, уравнивающих конфликтующие интересы и общественные ценности. Создание правовых норм предполагает преодоление противоречивых интересов и установление социально справедливых стандартов, предоставляя возможности для включения моральных и гуманистических принципов в правовую базу [9].

Правовая норма служит фундаментальным компонентом, сродни базовому строительному блоку, в сложной структуре права. Именно эти нормы дают начало различным отраслям права, институтам и, в конечном счете, правовой системе в целом. Норма представляет собой установленное или санкционированное правило поведения, выступающее в качестве составного элемента, способствующего целостности. Таким образом, право – это не просто единичная сущность, а скорее совокупность норм, каждая из которых имеет свое собственное значение и форму. Подобно кирпичам в доме, отдельные нормы, будучи объединены, составляют целостное содержание. Как пишут в большинстве учебников, норма права является первичной, элементарной частицей/клеточкой права, это действительно так, поскольку все юридические понятия, конструкции, все правотворчество, процессы реализации и формирования права непосредственно связаны с понятием нормы права. Она устанавливается типовые, обобщенные варианты поведения в виде правил общего характера. Однако отдельная правовая норма или набор норм не приравнивается к праву во всей его полноте; скорее, право охватывает те нормы, которые всесторонне и универсально выражают общественную волю, класс и характер.

Более того, характер правовых норм пронизан шаблонами и находится под влиянием экономических и духовных структур. Каждая норма приобретает свою особую характеристику в более широких рамках права.

Нормы посредством их формулирования преобразуют идеи в реальные отношения. Процесс принятия нормы государством отличает ее как правовую норму от других социальных норм, прежде всего, своей определенностью и формальным установлением государством.

Правовая норма служит методом воздействия на отношения, при этом ее метод регулирования согласуется с обстоятельствами, объемом регулируемых отношений, взаимными обязательствами и санкциями за выполнение обязанностей. Правовые нормы предписывают поведение, кото-

рое является общеобязательным, адаптированным не к отдельным лицам, а к участникам определенных категорий общественных отношений. Эти нормы, как модели поведения, повторяются в своем применении и, вопреки неопределенности, обеспечивают полные правила поведения.

Например, Гражданский кодекс Российской Федерации является примером нормативного правового акта, содержащего правовые нормы с четкими характеристиками, всесторонне регулирующих индивидуальные отношения. Динамичный характер эволюции права предполагает постоянное совершенствование норм, отражающих потребности общества и повышающих эффективность правового регулирования. Взаимосвязь между правовыми нормами и развитием общества подчеркивает важнейшую роль норм в расширении демократии, управлении обществом, укреплении правовых основ и улучшении отношений с общественностью.

Понимание концепции правовых норм необходимо для понимания организационной структуры и функций основополагающих элементов права. В юридической практике значение правовых норм заключается в их роли в качестве основных составляющих, формирующих правовые системы и направляющих поведение общества [3]. Поскольку нормы права – одна из разновидностей социальных норм, на них распространяются общие черты, присущие этим нормам. Вместе с тем, норма права отличается от обычаев, нравственных, корпоративных и иных социальных норм специфическими признаками, характерными чертами.

К наиболее существенным из них относятся следующие:

- направлены на облегчение труда отдельных лиц;
- определяют поведение, регулируя взаимодействия между отдельными лицами (как правило, в межличностных отношениях), деятельность организаций и разграничивая поведенческие стандарты;
- носят общий характер, лишены конкретики в адресатах и избегают персонализации (в отличие от правоприменительных актов). Правовые нормы касаются типичных отношений и предназначены для многократного применения;
- несут общую ответственность, связывая всех лиц, к которым они применяются, их легитимность основана на моральных нормах;
- связаны с государством, учреждаются или санкционируются государственными органами и, при необходимости, применяются посредством государственного принуждения;
- обладают формальной определенностью, как правило, кодифицированы в правовых актах и четко очерчивают права, обязанности и запреты;
- демонстрируют последовательность, поддерживая согласованность в рамках правовых систем и избегая противоречий с другими правовыми нормами, моральными принципами и общественными ценностями.

Структура правовой нормы включает в себя систематическое расположение существенных компонентов, которые обеспечивают ее функциональную автономию, она определяет составные части нормы и их взаимозависимость. Рассматриваемые в рамках системы, эти компоненты характеризуют правовую норму как независимую и, в некоторой степени, самодостаточную юридическую единицу. Существует три таких элемента:

- гипотеза, выступающая в качестве элемента правовой нормы, определяет условия, при которых применяется норма (такие как время, место и состав субъектов), определяемые путем установления юридических фактов;
- диспозиция, неотъемлемая часть правовой нормы, описывает модель поведения индивидов путем разграничения прав и обязанностей, вытекающих из юридических фактов, упомянутых в гипотезе. Диспозиция служит основным регулятивным аспектом нормы, составляющим ее ядро;
- санкция, еще один элемент правовой нормы, предписывает последствия для лиц, которые придерживаются диспозиции. Эти последствия могут быть негативными, включающими карательные меры, или позитивными, такими как стимулы за добросовестное выполнение служебных обязанностей [8].

На практике общепризнано, что правовая норма должна охватывать все три фундаментальных структурных элемента. Однако в нормах, предназначенных для постоянного применения, гипотеза может не быть обязательной. Отсутствие диспозиции делает любую правовую норму бессмысленной, поскольку оставляет норму без поведенческого ориентира. Аналогичным образом, правовая норма теряет силу без санкции на ее применение. Определение структуры правовой нормы уже давно обсуждается, причем некоторые ученые выступают за три элемента, а другие – за два.

Например, С.С. Алексеев предложил различие между логическими нормами и предписаниями, где логическая норма включает в себя три элемента, в то время как предписание состоит только из двух: гипотезы и санкции. И наоборот, А.Г. Братко, анализируя запреты, выделил четыре первичных элемента, разделив гипотезу на гипотезу диспозиции и гипотезу санкции для формирования структуры запрещающей нормы. Утверждается, что решение этого вопроса зависит от его применения к конкретному изучаемому материалу. В уголовном праве нормы, обычно включают диспозицию и санкцию.

Кроме того, В. В. Лазарев предполагает, что каждая норма по своей сути включает три основных элемента, подчеркивая, что диспозиция представляет собой правило поведения и защищаемые обязательства государства. Между тем, гипотеза описывает условия, при которых действует норма, а санкция влечет за собой карательные или стимулирующие меры, основанные на соблюдении или несоблюдении правил диспозиции.

Некоторые законодательные статьи определяют только конкретные части нормы, что требует поиска других компонентов в дополнительных статьях или нормативных актах. Это подчеркивает необходимость проведения различия между правовой нормой и законодательным актом. Некоторые нормативные акты, такие как уголовное право, в первую очередь, направлены на установление мер наказания.

Правовая норма не может выполнять свою регулирующую функцию без составляющих ее структурных частей. Следовательно, законодатель должны четко разграничить каждую часть или предоставить соответствующие ссылки, в то время как исполнители должны признавать взаимосвязь этих элементов. Структура и материально-правовые основы правовых норм отличаются от других правовых проявлений.

А.Б. Венгеров подчеркивает историческое формирование и социальную значимость правовых норм, определяя три основные структуры: социологическую, логическую и юридическую. Согласно ему, правовая структура включает в себя три элемента: гипотезу, диспозицию и санкцию. Диспозиция влечет за собой обязательное правило поведения, в то время как гипотеза отражает условия реализации поведенческих норм, а санкция обозначает механизмы устранения нарушений.

Таким образом, понимание структуры правовых норм имеет решающее значение для их эффективного применения. Однако среди ученых до сих пор нет единого мнения по этому вопросу. Некоторые фокусируются исключительно на правовой структуре, в то время как другие рассматривают юридические, логические и социологические структуры. Несмотря на это, в большинстве научных работ структура правовой нормы обычно определяется на основе ее ключевых элементов: диспозиции, гипотезы и санкции. Проблемы возникают в законодательных актах, где представление правовых норм затрудняет идентификацию отдельных структурных элементов [2, с. 91–92].

Норма права, статья нормативного акта не являются синонимами; они могут совпадать, а могут и не совпадать. В то время как верховенство права включает в себя кодекс поведения, включающий гипотезу, диспозицию и санкцию, статья законодательного акта представляет собой форму выражения государственной воли и служит средством воплощения верховенства права. Норма права, как содержание, взаимодействует со статьей нормативного акта, выступая в качестве его формы. Законодатель может закреплять правило поведения различными способами:

- включать все три элемента логической структуры верховенства права в одну статью нормативного акта;
- включать нескольких правовых норм в одну статью нормативного акта;
- распределить элементы верховенства права по нескольким статьям в рамках одного нормативного акта;
- разделить элементы верховенства права по нескольким статьям из различных нормативных актов.

Существуют различные подходы относительно взаимосвязи между содержанием нормы и права и способами ее изложения в статьях нормативного акта:

- *прямой* способ предполагает прямое указание нормы права в статье нормативного акта;
- *отсылочный* способ применяется, когда статья нормативного акта, без детализации всей нормы права, ссылается на другую статью в рамках того же нормативного акта;
- *косвенный* способ применяется, когда статья ссылается не на конкретную статью, а на другой нормативный акт или несколько нормативных актов. С.А. Комаров называет такой способ *бланкетным* способом [6, с. 359].

Классификация правовых норм помогает определить их положение и функции в системе правового регулирования, способствуя лучшему пониманию их природы и назначения. Правовые нормы и их классификации разнообразны в силу разнообразия общественных отношений, которые они

призваны регулировать. Например: исходя из основы содержания общественного отношения; предмета, метода, характера правового регулирования (по отраслевой принадлежности); времени действия, содержания функций нормы права, круга лиц, к которым применяются нормы, определенности элементов правовой нормы, сферы её действия и юридической силы; учета особенностей субъектов правотворчества [10].

Давайте рассмотрим основные классификации:

1. *По юридической силе.* Эта классификация охватывает нормы, вытекающие из международно-правовых актов, законов и подзаконных актов. Юридическая сила акта определяет его иерархию среди правовых норм, помогая разрешать конфликты. Законы имеют преимущественную силу в случаях несогласия между правовыми нормами и подзаконными актами, в то время как последующие нормативные акты, как правило, изменяются теми же или вышестоящими государственными органами, что иллюстрирует распространенный сценарий правового конфликта.

2. *По типу норм.* В этой классификации проводится различие между нормами материального права и нормами процессуального права. Нормы материального права регулируют общественные отношения, определяя права и обязанности отдельных лиц в соответствии с уголовным, гражданским, семейным и трудовым правом. С другой стороны, нормы процессуального права устанавливают процедуры применения материально-правовых норм и носят преимущественно организационный характер и содержатся в различных кодексах (например, Уголовно-процессуальный кодекс РФ, Гражданский процессуальный кодекс РФ и т.п.).

3. *По способу регулирования общественных отношений.* Данная классификация включает императивные, диспозитивные, бланкетные и рекомендательные нормы.

Императивные нормы – это жестко сформулированные правовые нормы, которые не могут быть изменены их адресатами.

Диспозитивные нормы содержат положения, требующие разъяснения сторонами, вовлеченными в регулируемые отношения.

Бланкетные нормы наделяют государственные органы и должностных лиц правом самостоятельно устанавливать нормы поведения и запреты.

Рекомендательные нормы предполагают желательное, с точки зрения законодателя, поведение юридических лиц в конкретных областях общественных отношений [7, с. 276–277].

Также одним из критериев классификации является функциональная роль в механизме правового регулирования, проводящая различие между исходными правовыми нормами и нормами, регулирующими поведение. Исходные нормы характеризуются своей широкой, абстрактной природой и далее подразделяются на принципы, руководящие указания, нормы определения и нормативные акты.

Исходные нормы служат для закрепления фундаментальных принципов, лежащих в основе государственной системы и общественной жизни в социально-экономической, политической и правительственной сферах. Принципы формулируют и закрепляют правовые принципы, примером чего является презумпция невиновности, закрепленная в Конституции Рос-

сийской Федерации. В руководящих принципах излагаются цели и задачи конкретных отраслей права, институтов и форм правового регулирования, которые очевидны в законодательных текстах, таких как Уголовный кодекс Российской Федерации. Дефинитивные нормы содержат полные или частичные определения юридических понятий.

Нормы, регулирующие поведение, определяют права и обязанности отдельных лиц, условия их реализации и реакцию государства на нарушения. Посредством целенаправленных регулирующих действий эти нормы придают фактическим социальным взаимодействиям юридическую значимость, превращая участников в субъектов правовых отношений. Эти нормы подвергаются логическому развитию и материализуются в правила поведения, которые далее классифицируются в зависимости от их характеристик и целей.

Другим критерием классификации является степень общности и сфера действия, разделяющая правовые нормы на общие и специфические категории. Общие нормы применяются повсеместно во всех отраслях права, тогда как конкретные нормы относятся к отдельным институтам в рамках конкретной правовой области. Материальные нормы непосредственно регулируют общественные отношения, в то время как процессуальные нормы диктуют организационные и процедурные аспекты, выступая производными от материальных норм.

Хотя эти классификации дают представление о структуре и функциях правовых норм, их категоризация может также основываться на других критериях.

Теперь перейдем к рассмотрению вопроса способов изложения правовых норм в законодательных актах. Правовые формы, в первую очередь законы, содержат правовые нормы, которые структурированы в соответствии с лингвистическими и формально-логическими правилами. Часто эти правила должны выводиться из статей нормативных правовых актов, требующих толкования. Правовые положения в законах обычно представлены как часть более объемного текста, описывающего конкретные виды поведения. Однако частое использование условных утверждений в юридических текстах иногда может вводить в заблуждение. Эти условные утверждения не следует ошибочно принимать за начало юридической гипотезы. Более того, элементы правовых норм часто распределены не только по разным частям закона, но и между различными законами и нормативно-правовыми актами. Такое распределение продиктовано логической структурой правовых норм.

Существуют два основных метода представления правовых норм в статьях нормативных актов: прямой и косвенный, причем последний далее подразделяется на отсылочный и бланкетный методы. Прямой метод предполагает включение всех трех элементов правовой нормы в рамках одной статьи в соответствии со структурой правового государства. Однако такое прямое изложение является исключительным и встречается не всегда, поскольку оно точно отражает структуру правовой нормы и статью закона. Пример прямого изложения можно найти в гражданском законодательстве (статья 167 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Напротив, косвенный способ изложения означает, что не все элементы правовой нормы объединены в рамках одной статьи нормативного правового

акта. Как правило, приводится диспозиция, содержащая правило поведения, в то время как санкция или гипотеза могут отсутствовать. Это связано с тем, что реконструкция правовой нормы обычно начинается с диспозиции.

Косвенный метод включает в себя отсылочные и незаполненные разновидности, отличающиеся степенью точности указания недостающих элементов правовой нормы. Отсылочный способ предполагает взаимосвязь с другими статьями в рамках того же закона, где расположены недостающие элементы. Ссылки дают точные указания на статью, часть или абзац, содержащие соответствующие элементы. Например, статья 26 Гражданского кодекса Российской Федерации ссылается на пункт 2 статьи 28, касающийся дееспособности физических лиц в возрасте от 14 до 18 лет. Этот способ помогает сэкономить текст законодательства, избегая повторений.

Отсылочные нормы преобладают в Гражданском кодексе Российской Федерации, причем почти каждая третья статья содержит ссылки, которые могут встречаться в рамках одной и той же статьи или в других статьях в рамках одного и того же закона. Существуют также точные ссылки между различными частями Гражданского кодекса, иллюстрирующие взаимосвязь правовой базы.

В отличие от этого, бланкетный метод предполагает неопределенные ссылки на группу актов, правил или инструкций, которые явно не определены. Этот метод вносит неопределенность, которая может относиться к любому элементу правовой нормы. Например, в пункте 1 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации содержится неопределенная ссылка на «соглашение о присоединении» [1].

Явления, аналогичные нормам права, могут включать в себя социальные нормы, моральные стандарты и этические принципы, которые также регулируют поведение индивидов и групп в обществе. Эти явления обычно обладают аналогичными свойствами обязательности и контроля за их соблюдением, подобно тому, как нормы права устанавливают правила и стандарты для правового поведения граждан. Такие явления, как: обычаи, профессиональные стандарты и договорные обязательства, могут также иметь сходные черты с нормами права, влияя на поведение людей и взаимодействие в рамках общественных отношений [11].

В заключение следует отметить, что правовые нормы формируют хорошо структурированную систему формально определенных правил поведения, установленных и гарантированных государством для регулирования общественных отношений и определения степени свободы в обществе. Объективность правовых норм достигается, когда они не подчиняются воле конкретных лиц, обеспечивая надежное соблюдение основных правил, необходимых для функционирования общества и государства. Эти правила представляют собой минимальные требования для поддержания стабильности политической и правовой системы каждого государства.

Библиографический список

1. *Бошно С.В.* Норма права: понятия, свойства, классификация и структура // *Право и современные государства.* – 2014. – № 4. – С. 49–60.

2. Галагуз, И.В. Норма права: к вопросу о её структуре / И. В. Галагуз // Молодой ученый. – 2021. – № 31 (373). – С. 91–93.
3. Глаголева, А.С. Понятие нормы права и ее значение в юридической науке / А. С. Глаголева // Актуальные проблемы права: материалы V Междунар. науч. конф. (г. Москва, декабрь 2016 г.). – М.: Буки-Веди, 2016. – С. 3–5.
4. Кленкина О.В. Правоведение: учебное пособие / О.В. Кленкина, Е.Г. Шиханова. – Самара: Издательство Самарского университета, 2022. – 152 с.
5. Колмагорова, Ю.А. Нормы права: понятие, структура, виды / Ю. А. Колмагорова // Молодой ученый. – 2019. – № 34 (272). – С. 157–161.
6. Комаров, С.А. Общая теория государства и права: учебник для вузов / С. А. Комаров. – 10-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2022. – 528 с.
7. Левкович, Р.В. Понятие и виды нормы права / Р. В. Левкович // Modern Science. – 2019. – № 4-2. – С. 276–277. – EDN ZQNTJJ.
8. Миронов В.О., Зин Н.В. Понятие и структура нормы права // Право и государство: теория и практика. – 2018. – № 6 (162). – С. 31–33.
9. Перевалов В.Д. Нормы права: проблемы понимания и определения // Российское право: образование, практика, наука. – 2017. – № 5 (101). – С. 10–19.
10. Саломатин А.Ю. Теория государства и права: учеб.-метод. пособие / А.Ю. Саломатин, А.Е. Сиушкин, Н.В. Макеева, Д.Е. Петров. – Пенза: Изд-во ПГУ, 2022. – 134 с.
11. Лазарев, В.В. Теория государства и права: учебник для вузов / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Издательство Юрайт, 2024. – 521 с.
12. Хилимов С.А. Примеры норм религиозного права: справочник // URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/religioznoe_pravo/primery_norm_religioznogo_prava/

Для цитирования: Абазехова З.И. Норма права: лекция // Юридическая мысль. – 2024. – № 2 (134). – С. 149–161.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.149

TO HELP THE TEACHER

LECTURE "Legal norm"

Zarema I. Abazehova*

Annotation. The lecture examines the evolution and significance of legal norms, tracing their origin from their emergence and historical transitions to modern legal systems. The author analyzes the difference between legal norms and other social norms, emphasizing their formal certainty and enforcement through state power. The lecture examines various definitions of legal norms proposed by legal theorists, emphasizing their role in shaping human behavior and maintaining social order. In addition, it examines the structural components of legal norms, including hypothesis, disposition and sanction, as well as their interdependence within the legal sys-

---

* **Abazehova Zarema Izmailovna**, Master of Laws, Legal Advisor of the Foundation for the Development of Legal Education. Email: t.zarema2013@yandex.ru

tem. Special attention is given to various methods of representing legal norms in legislative acts, such as direct and indirect approaches, as well as the classification of legal norms by content, subject of regulation, nature, methods of regulation and temporal scope.

Keywords: legal norm, social order, state power, hypothesis, disposition, sanction.

The study of this topic remains highly relevant in modern society, since legal norms are the basis for the functioning of the legal order. In the context of rapid development and change in the social, economic and political spheres, understanding the norms of law becomes a key element in ensuring stability and predictability in society. This allows citizens, organizations and state institutions to interact effectively, regulating their relations in accordance with established laws.

The study of legal norms also contributes to the development of legal culture in society. The more aware citizens are of their rights and responsibilities, the more responsible and active they can be in their actions. This is important for maintaining civic responsibility, compliance with laws and protecting the rights and freedoms of every member of society.

Moreover, in the modern world, where information is easily accessible via the Internet and social media, knowledge of legal norms helps citizens navigate a variety of legal situations and protect themselves from possible unfair actions. This is especially important in the context of protecting the rights of minorities, preventing discrimination and ensuring equality before the law for all members of society. Thus, the relevance of studying the topic is undeniable in modern society, where legal regulation plays a key role in ensuring stability, justice and protecting the rights of citizens.

The genesis of legal norms can be traced back to historical transitions when human communities moved from a primitive economy, such as hunting and gathering, to more complex methods of agriculture, which marked the period known as "neolithization". This social evolution required the regulation of interpersonal relations, which was facilitated by the emergence of a productive economy and the development of city-states and other forms of government. The evolution of family, marital, spiritual and social dynamics further contributed to the formation of legal norms.

Norms that contain guiding principles for multiple social roles are called mononorms. These undifferentiated rules of conduct, regulating various social relations (economic, marital, kinship, moral, ethical, etc.), were widespread in pre-state communities, an example of which is the laws of Hammurabi. The difference between legal norms and moral or social norms lies in their formal certainty and codified enforcement through written form, with the key difference being the ability of the state to force subjects of law to comply with them. Religious norms are recognized as one of the most ancient regulators of social relations, which arose almost simultaneously with customs and acted as prerequisites for modern legal norms.

In examining religious norms, it is important to note their diverse nature, shaped by a variety of existing and historical religious movements and ideologies. These norms derive from the basic tenets of specific religious beliefs, varying in their applicability to followers of different faiths.

Externally, religious norms have their origins in various sacred texts and religious literature, embodying binding prohibitions, duties, permissions, and prescriptions.

The sacred status of these norms has historically exerted considerable influence in societies where religion has had a strong influence. While religion continues to exert influence in many societies, its influence has gradually waned, often sustained more by tradition than by genuine spiritual devotion or fear of divine consequences. A brief definition of religious norms thus emerges: they comprise a set of guiding principles laid down in the Holy Scriptures that regulate the relationship of believers with the divine, the structure and functions of religious institutions, and social interactions between believers and non-believers [12].

The importance of legal norms lies in their role as stabilizers of social relations, ensuring predictability in people's behavior. By encouraging expectations of standard behavior among individuals, legal norms contribute to the establishment of stable social positions and the cultivation of harmonious relationships. They provide a basis for understanding and anticipating the behavior of other members of society, thereby promoting social cohesion.

The clash and intersection of legal norms with other norms, such as political or economic ones, is a common occurrence in modern societies. This interaction can manifest itself in various forms, including cooperation, conflict, or mutual reinforcement, depending on social consciousness, power dynamics, and historical context. For example, the relationship between economic and legal norms reflects the degree of state intervention in the economy and its goals, such as regulating economic activity or protecting individual rights.

Legal norms exert a dominant influence, limiting political power and supporting human rights, acting as the cornerstone of social normative systems. They regulate the functioning of the components of society, ensuring a balanced distribution of power and promoting democratic development. Legal norms not only dictate acceptable behavior, but also outline the boundaries of individual freedom in specific contexts, covering both internal and external freedoms.

The defining characteristic of legal norms is their intentional origin, representing the collective will of the dominant forces in society. They are intended to regulate a wide range of social relations and are applicable to individuals who have common characteristics related to their social roles. Unlike directives or orders, legal norms arise as a result of conscious, volitional actions of a person, serving as a reflection of social values and aspirations [5].

Over time, various definitions of legal norms have been proposed in legal literature. In order to trace the evolution of this concept in different historical periods, let us consider several points of view.

N.M. Korkunov emphasized that legal norms primarily represent the “essence of the norm of duty”, essentially functioning as directives. Similarly, S.A. Muromtsev described legal norms as rules establishing the boundaries and methods of protecting legal relations, regulated by public consciousness, legislative acts and the experience of practicing lawyers. G.F. Shershenevich defined law as normative acts emanating directly from state power. L.I. Petrazhitsky

considered legal norms as a product of ethical experience, reflecting the connection between duty and power.

Pre-revolutionary Russian legal theorists generally agreed that legal norms contain both duties and powers. Most scholars viewed norms as guiding principles of behavior emanating from the state. During the Soviet and post-Soviet eras, debates continued over the definition of legal norms. P.I. Stuchka distinguished between legal norms and laws, characterizing them as mandatory rules established by the state and related to legal issues. He further reflected on the relationship between material relations and ideological elements of law. Subsequent discussions clarified the concept of legal norms, presenting them as models of optimal behavior, mandatory rules prescribed by state bodies to regulate social relations, and legally enshrined principles determining actions and criminal liability. Modern legal scholars who adhere to the positivist point of view generally agree that legal norms are universally binding rules regulating behavior, formally defined and protected by the state to regulate social interactions. However, recent literature criticizes the normative-positivist understanding of legal norms, advocating for a broader, more contextualized approach that takes into account social realities. Authors advocate the “socialization” of norms and emphasize the role of the state in their creation and enforcement.

For example, V.S. Nersesyants views legal norms as rules governing social relations, prescribing rights and obligations under certain conditions, with consequences for non-compliance. A.V. Polyakov and E.V. Timoshina distinguish between socio-legal norms arising from legal texts and social practices and state legal norms, primarily established or sanctioned by the state.

I.L. Chestnov characterizes legal norms as a form of dialogue representing the interdependence between individuals and structures mediated by social representations.

Although each definition provides valuable information, it is difficult to agree exclusively with any one interpretation. However, it is important to recognize the multifaceted nature of legal norms and their key role in organizing and regulating social relations, promoting equality and justice [10].

It is customary to distinguish the following features of a legal norm:

1) *State-power character*. A norm, as a rule of conduct, always comes from the state, even if the state sanctions this or that rule of conduct. Still, this rule is recognized by the state, and therefore expresses the state will, is based on its power.

2) *Formal certainty*. A norm has an external form of expression, that is, it is recorded in the sources of law. Legal norms will be those enshrined in the following sources: normative legal acts (for example, the constitution; laws and by-laws); international legal documents (treaties, agreements, conventions, etc.); legal customs; normative contracts. A legal norm is expressed in writing, in strictly defined ways.

3) *Representative-binding character*. A legal norm provides subjective rights and imposes legal obligations. However, this is not always the case. There are norms of special action (norms that define legal concepts or norms that resolve contradictions in the actions of other legal norms). We will talk about them later.

4) *General obligation*. The legal norm applies to everyone without exception and assumes the possibility of compulsory implementation.

5) *Systematicity*. Like law in general, it is characterized by its systemicity, that is, it operates in a complex, systemic manner. Each norm complements the other, their prescriptions are interconnected and only a set of norms allows for the implementation of legal regulation in society.

In general, a legal norm is a generally binding, formally defined rule of conduct of a permanent or temporary nature, designed for repeated use, granting individuals subjective rights and imposing legal obligations on them, which is ensured and sanctioned by the state [4].

Understanding the role and significance of legal norms in the life of a person and society requires consideration of the factors involved in their formation.

Firstly, normativity in the broadest sense is inherent in the very structure of existence. The polystructural and cyclical nature of the material world partly dictates the normalization of social connections and phenomena, including legal ones. For example, seasonal changes and temperature fluctuations influence the establishment of norms in labor law, housing regulation, and education. This influence can be called the natural conditioning of legal norms. According to the theory of ethnogenesis, the natural environment shapes human relations and interactions with nature. The existence of an ethnic group depends on the state of its ethnolandscape zones. Changes in the landscape can lead to the emergence of new behavior patterns and even the formation of new ethnic groups.

Secondly, legal norms are essentially social constructs that develop as a result of human communication and interaction. They arose from natural needs and gradually became abstract concepts applicable to all communities. Natural rights and obligations, such as the right to life, freedom, and protection of territory, turned into ordinary norms regulating behavior. As society developed, these norms were formed as a result of repeated social interactions and legal precedents, eventually crystallizing into generally binding laws. Social determinism underlies legal norms, which flow from the collective historical experience and traditions of societies. It is noteworthy that social influences shape legal norms by regulating social relations, which, in turn, influence the content and structure of these norms.

Thirdly, biological, psychological and ideological factors must be taken into account when forming legal norms. Biological events such as birth and death, as well as physiological indicators such as blood pressure, have legal consequences and are considered in constitutional, civil and other branches of law. Psychological factors also play a certain role, influencing the creation and application of legal norms based on human perception and emotions. In addition, ideological influences arising from theological, political and philosophical doctrines shape legal norms reflected in myths, commandments and normative documents. Finally, legal norms are products of intellectual and conscious human activity. Despite their external determinism, legal norms are not simply a reflection of social relations, but the result of complex processes that balance conflicting interests and social values. The creation of legal norms involves overcoming conflicting interests and establishing socially just standards,

providing opportunities for the inclusion of moral and humanistic principles in the legal framework [9]. A legal norm serves as a fundamental component, akin to a basic building block, in the complex structure of law. It is these norms that give rise to various branches of law, institutions and, ultimately, the legal system as a whole. A norm is an established or sanctioned rule of conduct that acts as a component element that contributes to integrity. Thus, law is not just a single entity, but rather a set of norms, each of which has its own meaning and form. Like bricks in a house, individual norms, when combined, constitute a holistic content. As they write in most textbooks, a legal norm is a primary, elementary particle/cell of law, this is indeed true, since all legal concepts, constructions, all lawmaking, processes of implementation and formation of law are directly related to the concept of a legal norm. It establishes typical, generalized variants of behavior in the form of rules of a general nature. However, a separate legal norm or set of norms is not equated with law in its entirety; rather, law embraces those norms that comprehensively and universally express the social will, class, and character.

Moreover, the nature of legal norms is permeated with patterns and is influenced by economic and spiritual structures. Each norm acquires its special characteristic within the broader framework of law.

Norms, through their formulation, transform ideas into real relations. The process of adoption of a norm by the state distinguishes it as a legal norm from other social norms, first of all, by its certainty and formal establishment by the state.

A legal norm serves as a method of influencing relations, while its method of regulation is consistent with the circumstances, the scope of the regulated relations, mutual obligations, and sanctions for the performance of duties. Legal norms prescribe behavior that is generally binding, adapted not to individuals, but to participants in certain categories of social relations. These norms, as models of behavior, are repeated in their application and, despite uncertainty, provide complete rules of behavior.

For example, the Civil Code of the Russian Federation is an example of a normative legal act containing legal norms with clear characteristics that comprehensively regulate individual relations. The dynamic nature of the evolution of law presupposes the constant improvement of norms that reflect the needs of society and increase the effectiveness of legal regulation. The relationship between legal norms and the development of society emphasizes the crucial role of norms in expanding democracy, governing society, strengthening legal foundations and improving relations with the public.

Understanding the concept of legal norms is necessary for understanding the organizational structure and functions of the fundamental elements of law. In legal practice, the significance of legal norms lies in their role as the main components that form legal systems and guide the behavior of society [3]. Since legal norms are one of the varieties of social norms, they are subject to the general features inherent in these norms. At the same time, a legal norm differs from customs, moral, corporate and other social norms by specific features and characteristics.

The most significant of these include the following:

- aimed at facilitating the work of individuals;
- determine behavior, regulating interactions between individuals (usually in interpersonal relationships), the activities of organizations and delineating behavioral standards;
- are general in nature, lack specifics in the addressees and avoid personalization (unlike law enforcement acts). Legal norms concern typical relationships and are intended for repeated use; ✓ have a general responsibility, binding all persons to whom they apply, their legitimacy is based on moral norms;
- are related to the state, established or sanctioned by state bodies and, if necessary, applied through state coercion;
- have formal certainty, as a rule, are codified in legal acts and clearly outline rights, duties and prohibitions;
- demonstrate consistency, maintaining consistency within legal systems and avoiding contradictions with other legal norms, moral principles and social values.

The structure of a legal norm includes a systematic arrangement of essential components that ensure its functional autonomy, it defines the constituent parts of the norm and their interdependence. Considered within the framework of the system, these components characterize the legal norm as an independent and, to some extent, self-sufficient legal unit. There are three such elements:

- hypothesis, which acts as an element of a legal norm, defines the conditions under which the norm is applied (such as time, place and composition of subjects), determined by establishing legal facts;
- disposition, an integral part of a legal norm, describes the model of behavior of individuals by delimiting the rights and duties arising from the legal facts mentioned in the hypothesis. The disposition serves as the main regulatory aspect of the norm, constituting its core;
- sanction, another element of a legal norm, prescribes the consequences for persons who adhere to the disposition. These consequences can be negative, including punitive measures, or positive, such as incentives for conscientious performance of official duties [8].

In practice, it is generally recognized that a legal norm must cover all three fundamental structural elements. However, in norms intended for permanent application, the hypothesis may not be mandatory. The absence of a disposition makes any legal norm meaningless, since it leaves the norm without a behavioral guideline. Similarly, a legal norm loses its force without a sanction for its application. The definition of the structure of a legal norm has long been discussed, with some scholars advocating for three elements, while others advocate two. For example, S.S. Alekseev proposed a distinction between logical norms and prescriptions, where a logical norm includes three elements, while a prescription consists of only two: a hypothesis and a sanction. Conversely, A.G. Bratko, analyzing prohibitions, identified four primary elements, dividing the hypothesis into a disposition hypothesis and a sanction hypothesis to form the structure of a prohibitive norm. It is argued that the solution to this issue depends on its application to the specific material being studied. In criminal law, norms usually include a disposition and a sanction.

In addition, V.V. Lazarev suggests that each norm essentially includes three main elements, emphasizing that the disposition is a rule of conduct and protected obligations of the state. Meanwhile, the hypothesis describes the conditions under which the norm is valid, and the sanction entails punitive or stimulating measures based on compliance or non-compliance with the rules of the disposition.

Some legislative articles define only specific parts of the norm, which requires searching for other components in additional articles or normative acts. This emphasizes the need to distinguish between a legal norm and a legislative act. Some normative acts, such as criminal law, are primarily aimed at establishing penalties.

A legal norm cannot perform its regulatory function without its constituent structural parts. Therefore, the legislator must clearly delimit each part or provide appropriate references, while the executors must recognize the interrelation of these elements. The structure and substantive basis of legal norms differ from other legal manifestations. A.B. Vengerov emphasizes the historical formation and social significance of legal norms, defining three main structures: sociological, logical and legal. According to him, the legal structure includes three elements: hypothesis, disposition and sanction. Disposition entails a mandatory rule of behavior, while hypothesis reflects the conditions for the implementation of behavioral norms, and sanction designates the mechanisms for eliminating violations.

Thus, understanding the structure of legal norms is crucial for their effective application. However, there is still no consensus among scientists on this issue. Some focus exclusively on the legal structure, while others consider legal, logical and sociological structures. Despite this, in most scientific works, the structure of a legal norm is usually determined on the basis of its key elements: disposition, hypothesis and sanction. Problems arise in legislative acts, where the presentation of legal norms complicates the identification of individual structural elements [2, pp. 91–92]. The rule of law and the article of a normative act are not synonyms; they may or may not coincide. While the rule of law includes a code of conduct, including a hypothesis, a disposition and a sanction, an article of a legislative act is a form of expression of the state will and serves as a means of implementing the rule of law. The rule of law, as content, interacts with the article of a normative act, acting as its form. The legislator can enshrine the rule of conduct in various ways:

- include all three elements of the logical structure of the rule of law in one article of a normative act;
- include several legal rules in one article of a normative act;
- distribute the elements of the rule of law across several articles within one normative act;
- divide the elements of the rule of law across several articles from different normative acts.

There are various approaches regarding the relationship between the content of the norm and the law and the methods of its presentation in the articles of the normative act:

- the direct method involves a direct indication of the legal norm in the article of the normative act;

– the referral method is used when the article of the normative act, without detailing the entire legal norm, refers to another article within the same normative act;

– the indirect method is used when the article refers not to a specific article, but to another normative act or several normative acts. S.A. Komarov calls this method the blanket method [6, p. 359].

The classification of legal norms helps to determine their position and functions in the system of legal regulation, contributing to a better understanding of their nature and purpose. Legal norms and their classifications are diverse due to the diversity of social relations that they are called upon to regulate. For example: based on the basis of the content of a social relationship; subject, method, nature of legal regulation (by industry affiliation); time of action, content of functions of the legal norm, circle of persons to whom the norms are applied, certainty of elements of the legal norm, its scope of action and legal force; taking into account the characteristics of the subjects of law-making [10].

Let's consider the main classifications:

1. By legal force. This classification covers norms arising from international legal acts, laws and by-laws. The legal force of an act determines its hierarchy among legal norms, helping to resolve conflicts. Laws have priority in cases of disagreement between legal norms and by-laws, while subsequent normative acts are usually changed by the same or higher state bodies, which illustrates a common scenario of legal conflict.

2. By type of norms. This classification distinguishes between norms of substantive law and norms of procedural law. Substantive law norms regulate social relations, defining the rights and obligations of individuals in accordance with criminal, civil, family and labor law. On the other hand, procedural law norms establish procedures for the application of substantive law norms and are primarily organizational in nature and are contained in various codes (for example, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, the Civil Procedure Code of the Russian Federation, etc.).

3. By the method of regulating social relations. This classification includes imperative, optional, blanket and recommendatory norms.

Mandatory norms are strictly formulated legal norms that cannot be changed by their addressees.

Optional norms contain provisions that require clarification by the parties involved in the regulated relations.

Blanket norms grant government agencies and officials the right to independently establish norms of behavior and prohibitions.

Recommended norms imply desirable, from the point of view of the legislator, behavior of legal entities in specific areas of social relations [7, p. 276–277]. Also, one of the classification criteria is the functional role in the mechanism of legal regulation, distinguishing between the original legal norms and the norms regulating behavior. Original norms are characterized by their broad, abstract nature and are further subdivided into principles, guidelines, definitional norms and normative acts. Original norms serve to consolidate the fundamental principles underlying the state system and public life in the socio-

economic, political and governmental spheres. Principles formulate and consolidate legal principles, an example of which is the presumption of innocence enshrined in the Constitution of the Russian Federation. Guidelines set out the goals and objectives of specific branches of law, institutions and forms of legal regulation, which are evident in legislative texts, such as the Criminal Code of the Russian Federation. Definitional norms contain full or partial definitions of legal concepts.

Norms regulating behavior define the rights and obligations of individuals, the conditions for their implementation, and the state's response to violations. Through targeted regulatory actions, these norms give actual social interactions legal significance, turning participants into subjects of legal relations. These norms undergo logical development and materialize into rules of conduct, which are further classified depending on their characteristics and purposes.

Another classification criterion is the degree of generality and scope of application, dividing legal norms into general and specific categories. General norms are applied universally in all branches of law, while specific norms relate to individual institutions within a specific legal area. Substantive norms directly regulate social relations, while procedural norms dictate organizational and procedural aspects, acting as derivatives of substantive norms.

Although these classifications provide an idea of the structure and functions of legal norms, their categorization can also be based on other criteria. Now let us turn to the consideration of the question of the methods of presentation of legal norms in legislative acts. Legal forms, primarily laws, contain legal norms that are structured in accordance with linguistic and formal-logical rules. Often these rules must be derived from the articles of normative legal acts that require interpretation. Legal provisions in laws are usually presented as part of a larger text describing specific types of behavior. However, the frequent use of conditional statements in legal texts can sometimes be misleading. These conditional statements should not be mistaken for the beginning of a legal hypothesis. Moreover, the elements of legal norms are often distributed not only across different parts of the law, but also between different laws and normative legal acts. Such distribution is dictated by the logical structure of legal norms. There are two main methods of presenting legal norms in the articles of normative legal acts: direct and indirect, with the latter further subdivided into the reference and blanket methods. The direct method involves the inclusion of all three elements of a legal norm within one article in accordance with the structure of a state governed by the rule of law. However, such direct presentation is exceptional and is not always encountered, since it accurately reflects the structure of a legal norm and an article of the law. An example of direct presentation can be found in civil legislation (Article 167 of the Civil Code of the Russian Federation).

On the contrary, the indirect method of presentation means that not all elements of a legal norm are combined within one article of a normative legal act. As a rule, a disposition containing a rule of conduct is given, while a sanction or hypothesis may be absent. This is due to the fact that the reconstruction of a legal norm usually begins with a disposition.

The indirect method includes referral and unfilled varieties, differing in the degree of accuracy in indicating the missing elements of a legal norm. The referral method assumes a relationship with other articles within the same law where the missing elements are located. References provide precise directions to the article, part or paragraph containing the relevant elements. For example, Article 26 of the Civil Code of the Russian Federation refers to paragraph 2 of Article 28, which concerns the legal capacity of individuals aged 14 to 18. This method helps to save the text of the legislation by avoiding repetitions.

Reference norms prevail in the Civil Code of the Russian Federation, with almost every third article containing references that can be found within the same article or in other articles within the same law. There are also precise references between different parts of the Civil Code, illustrating the interrelationship of the legal framework.

In contrast, the blanket method involves vague references to a group of acts, rules, or instructions that are not explicitly defined. This method introduces uncertainty that may relate to any element of a legal norm. For example, paragraph 1 of Article 428 of the Civil Code of the Russian Federation contains a vague reference to an “accession agreement” [1].

Phenomena similar to legal norms may include social norms, moral standards, and ethical principles that also regulate the behavior of individuals and groups in society. These phenomena usually have similar properties of obligation and control over their observance, just as legal norms establish rules and standards for the legal behavior of citizens. Such phenomena as social customs, professional standards, and contractual obligations may also have similar features to legal norms, influencing people's behavior and interactions within the framework of social relations [11]. In conclusion, it should be noted that legal norms form a well-structured system of formally defined rules of conduct established and guaranteed by the state to regulate social relations and determine the degree of freedom in society. The objectivity of legal norms is achieved when they are not subject to the will of specific individuals, ensuring reliable compliance with the basic rules necessary for the functioning of society and the state. These rules represent the minimum requirements for maintaining the stability of the political and legal system of each state.

Bibliographic list

1. Boshno S.V. Legal norm: concepts, properties, classification and structure // Law and modern states. 2014. No. 4. Pp. 49–60.
2. Galaguz, I.V. Legal norm: on the issue of its structure / I.V. Galaguz // Young scientist. 2021. No. 31 (373). Pp. 91–93.
3. Glagoleva, A.S. The concept of the rule of law and its significance in legal science / A.S. Glagoleva // Actual problems of law: materials of the V International. scientific conf. (Moscow, December 2016). Moscow: Buki-Vedi, 2016. Pp. 3–5.
4. Klenkina O.V. Jurisprudence: textbook / O.V. Klenkina, E.G. Shikhanova. Samara: Samara University Publishing House, 2022. 152 p.
5. Kolmagorova, Yu. A. Legal norms: concept, structure, types / Yu. A. Kolmagorova // Young scientist. 2019. No. 34 (272). P. 157–161.

6. Komarov, S. A. General theory of state and law: textbook for universities / S. A. Komarov. 10th ed., corr. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2022. 528 p.
7. Levkovich, R. V. Concept and types of legal norms / R. V. Levkovich // Modern Science. 2019. No. 4-2. P. 276–277. EDN ZQNTJJ.
8. Mironov V. O., Zin N. V. The concept and structure of the legal norm // Law and state: theory and practice. 2018. No. 6 (162). P. 31–33.
9. Perevalov V.D. Legal norms: problems of understanding and definition // Russian law: education, practice, science. 2017. No. 5 (101). P. 10–19.
10. Salomatin, A.Yu. Theory of state and law: textbook-method. manual / A.Yu. Salomatin, A.E. Siushkin, N.V. Makeeva, D.E. Petrov. Penza: Publishing house of PSU, 2022. 134 p.
11. Lazarev, V.V. Theory of state and law: textbook for universities / V.V. Lazarev, S.V. Lipen. 5th ed., corrected. and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2024. 521 p.
12. Khilimov S.A. Examples of religious law norms: reference // URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/religioznoe_pravo/primery_norm_religiozno_go_prava/

For citation: Abazekhova Z.I. Legal norm: lecture // Legal thought. 2024. No. 2 (134). P. 161–172.

DOI: 10.47905/MATGIP.2024.134.2.149

Conflict of interest.

The authors confirm the absence of a conflict of interest.

ТРЕБОВАНИЯ к оформлению рукописей, представляемых для опубликования

1. Рукопись представляется **в одном экземпляре**. Текст должен быть отпечатан через 1.5 компьютерных интервала 14 шрифтом. Страницы должны быть пронумерованы. Сноски оформляются в виде затекстовых ссылок в соответствии с библиографическими требованиями, размещаются после текста статьи под заголовком «Библиографический список». Источники в списке располагаются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008 «Справки по оформлению списка литературы». При ссылке на конкретный фрагмент текста источника в отсылке указывается порядковый номер и страницы. Например:

– в тексте [8, с. 15].

– в затекстовой ссылке: *Комаров С.А.* Общая теория государства и права: учебник. – СПб.: Издательство Юридического института, 2012. – 520 с.

2. Объем статьи не должен превышать **8–10** машинописных страниц, а рецензии – **3** страниц.

3. Автор оплачивает расходы за редактирование, рецензирование и подготовку к публикации в размере ориентировочно **5600 руб.**, за превышение установленного объема – дополнительно **300 руб.** за каждую страницу. Отдельно оплачивается перевод статьи на английский язык.

Перевод рукописи статьи на английский язык осуществляется редактором-переводчиком журнала.

4. К статье должны прилагаться:

– **справка об авторах (соавторах)** с указанием:

а) фамилии, имени, отчества;

б) ученой степени, ученого звания;

в) должности, основного места работы;

г) контактного e-mail, домашнего и служебного адресов и телефонов; – **анно-**

тация статьи (не менее 5 строк);

– **ключевые слова (не менее 10 слов);**

– **рецензия от научного руководителя (для студентов, магистрантов, аспирантов);**

– **справка о заимствованиях (антиплагиат)**

5. Автором должен быть подписан экземпляр статьи и лицензионный договор (высылается после утверждения «в печать» редакционной коллегией).

6. **Плата с аспирантов за публикацию не взимается (за исключением стоимости 1 экземпляра журнала, его пересылки адресату, перевода статьи на английский язык).**

7. Статьи, направленные авторам на доработку, подлежат возврату в редакцию в рекомендованный срок с производственными изменениями и исправлениями в тексте (**в отпечатанном виде**) и с **электронной копией**.

8. **Рецензии присылаются вместе со статьями.** В противном случае статьи опубликованы не будут.

9. Статьи направляются **по почте** (не заказной) на адрес редакции: **199106, Санкт-Петербург, В.О., ул. Гаванская, д. 3** и по электронной почте: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. В случае несоблюдения настоящих требований по оформлению публикации редакция оставляет за собой право ее не рассматривать.

REQUIREMENTS for Manuscripts, submitted for publication

1. The manuscript is submitted **in one copy**. The text should be printed in 1.5 computer range 14 print. Pages must be numbered. Footnote out in the form of references in the endnotes according to bibliographic requirements are placed after the text of the article under the heading «References». Sources in the list are arranged in accordance with GOST R 7.0.5-2008 «Help on registration list of the literature». When referring to a specific piece of text is-sending source in the serial number and pages. For example:

– In the text [8, p. 15].

– In trans textual link: Komarov S.A. The general theory of state and law: the textbook. – St. Petersburg: Publishing House “Law Institute” (St. Petersburg), 2012. – 608 pp.

2. The paper should not exceed **8–10** printed pages and reviews – **3** pages.

3. The author pays for editing, review and preparation for the publication in the amount of 5 600 rubles, for exceeding the specified amount – an additional 300 rubles for each page.

Translation of the article into English is paid separately.

Translation of the manuscript of the article into English is carried out by the editor-translator of the journal.

4. Article shall be accompanied (in electronic form):

– **information about the author (co-author)**, indicating:

a) surname, name and patronymic;

b) scientific degree, academic rank;

c) the principal place of work, position;

d) an e-mail, home and office addresses and phone numbers; – **abstract of the**

article (not less than 5 lines)

– **keywords (not less than 10 words) – review**

5. The author must be signed copy of the article and a license agreement (sent after the approval of «print» the editorial board). Articles graduate students must be signed by their research supervisor(s) to review the application.

6. The fee for the publication of a post-graduate students will be charged.

7. Articles, aimed authors for revision shall be returned to the editor in the recommendatory term production changes and corrections in the text (**in the form of imprint**) and an **electronic copy**.

8. Reviews are sent along with the article. Otherwise, the article will not be published.

9. Article sent **by mail** (not registered) to the editorial office: **199106, 3, Gavanskaya st., Saint Petersburg, Russia** and by e-mail: **lawinst-spb@mail.ru; komarova_tl@mail.ru**

10. In the case of non-compliance with these requirements by designing the publication editors reserve the right not to consider it.

Частное образовательное учреждение
высшего образования

ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ (Санкт-Петербург)

основан в 1992 году

ЛИЦЕНЗИЯ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

специализации:

- ❖ гражданско-правовая;
- ❖ государственно-правовая;
- ❖ международно-правовая;
- ❖ уголовно-правовая

Документы:

1. Документ об образовании
2. Шесть фотографий размером 3х4 см
3. Свидетельства ЕГЭ по русскому языку, обществознанию, истории России

По окончании института выпускникам присваивается

степень бакалавра или ***магистра***

(в зависимости от срока обучения)

и выдается ***диплом государственного образца о высшем образовании***

Срок обучения:

ДНЕВНОЕ – 4 года, ЗАОЧНОЕ – 5 ЛЕТ

Для лиц со **средним юридическим** и **высшим (неюридическим) образованием** –
ускоренный курс обучения – 3 года

Ведется прием в АСПИРАНТУРУ

по научным специальностям:

- 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки (юридические науки);
- 5.1.2.– Публично-правовые (государственно-правовые) науки (юридические науки);
- 5.1.4. – Уголовно-правовые науки (юридические науки)

**199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д. 3
(812) 325-46-25, 322-18-08**

Официальный сайт: www.lawinst-spb.ru

Книжный интернет-магазин на сайте института

Редактор, переводчик **М.В. Старцева**
верстка **И.И. Каширина**

Адрес редакции: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
E-mail: Legal_thought@mail.ru
Сайт: <http://lawinst-spb.ru/magazine>
<http://matgip.ru>
Телефон: (812) 325-4625; (499) 431-5806

Издатель: ЧОУ ВО «Юридический институт» (Санкт-Петербург)
Адрес издателя: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, д.3
Издатель: МОО «Межрегиональная ассоциация теоретиков
государства и права»
Адрес издателя: 119415, Москва, Удальцова 19-1-12
E-mail: matgip2017@yandex.ru

Выход в свет 27.06.2024. Формат 61x86 ¹/₈.
Бумага офсетная. Печать цифровая.
Уч.-изд. л. 12,52. Усл. п.л. 21,33. Тираж 100 экз. Заказ № 38081.

Цена свободная

Отпечатано в типографии «OneBook.ru»
ООО «Сам Полиграфист»
109316, г. Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корп. 5, «Технополис Москва»
www.onebook.ru